

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

Под редакцией С.П. Карпова

[6]

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(2)

МОСКВА
1999

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

А.В. ТЫРСЕНКО

ФЕЛЬЯНЫ
У ИСТОКОВ
ФРАНЦУЗСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1999

УДК 93/99
ББК 63.3(0)3

Т93

Серии Трудов исторического факультета МГУ:
• Исторические источники • Исторические исследования
• Instrumenta studiorum • Библиография

Редакционный совет:

С. П. Карпов (председатель), А. Г. Голиков, В. Н. Гращенков,
В. И. Кузицин, Ю. С. Кукушкин, Л. С. Леонова, Г. Ф. Матвеев,
Л. В. Милов, А. И. Морозов, В. В. Пименов, Г. М. Степаненко,
Н. С. Тимофеев, В. А. Федоров, В. Ф. Язьков, В. Л. Янин

Рецензенты:

доктор исторических наук А. В. Гордон,
кандидат исторических наук Л. А. Пименова

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета Московского университета*

Тырсенко А. В.

Т93 Фельяны (У истоков французского либерализма). – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 126 с. – (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 6; Сер. П, Исторические исследования: 2).

ISBN 5-211-03989-0

В монографии на основе широкого круга источников, в том числе, и документов из архивов и библиотек Франции, впервые исследуется политическая группировка фельянов («партия» фельянов) – одна из трех наряду с жирондистами и якобинцами наиболее влиятельных политических группировок Французской революции конца XVIII в. Автор показывает, что фельяны в наиболее ортодоксальной форме отстаивали либеральные «принципы 1789 г.» и представляли либеральную альтернативу якобинско-демократической традиции в ходе политической борьбы того знаменательного года революции (лето 1791 – лето 1792 г.), который завершился свержением монархии и установлением I Республики во Франции.

Для специалистов-историков, учителей, студентов исторических факультетов университетов и всех интересующихся историей Французской революции конца XVIII в.

УДК 93/99
ББК 63.3(0)3

ISBN 5-211-03989-0

© Тырсенко А. В., 1999

Памяти выдающегося российского историка
профессора Анатолия Васильевича Адо

ВВЕДЕНИЕ

Современные исследования Французской революции XVIII в. ведутся под знаком резко возросшего интереса к ее политической проблематике. Обращение историков к политическим сюжетам тесно связано с принципиальными изменениями в «историографическом пейзаже» Французской революции, которыми были отмечены 70-е и особенно 80-е годы XX в. Именно тогда определились качественно новые направления, существенно меняющие сложившиеся историографические традиции с точки зрения как научной тематики, так и методологии исследований.

До этого длительное время — с начала XX в. — в ее исследованиях господствовало «классическое», по определению Альбера Собуля, направление, представленное именами Ж. Жореса, А. Матьеза, Ж. Лефевра, М. Ренара, Ж. Годшо, самого Собуля и их последователей. Отличительной чертой, объединявшей историков данного направления, являлся присущий их работам метод социальной интерпретации событий Французской революции. В их трудах воссоздавалась, согласно точной формулировке современного исследователя Антуана де Бека, «социально-политическая история единой и неделимой революционной реальности»¹ с присущим ей признанием исторической обусловленности революционных перемен, абсолютизацией ее буржуазного характера, прогрессивной роли якобинской диктатуры, повышенным вниманием к движению народных низов, изучением аграрных отношений и продовольственного вопроса. «Буржуазная революция, поддержанная народом», — называл ее А. Собуль².

С конца 50-х и в 60-е годы XX в. стали очевидны признаки кризиса «классической» историографии. Их возникновение было связано с двумя важнейшими явлениями в исторической науке — распространением методологических идей школы «Анналов» и зарождением «ревизионистского», или «критического», направления в исследованиях Французской революции.

С одной стороны, под непосредственным влиянием школы «Анналов» историки обратились к изучению длительных исторических процессов, при этом значительно расширилась проблематика их работ —

от долговременных процессов в социальной истории и истории материальной цивилизации к истории ментальности («большая длительность», согласно Р. Мандру) и исторической антропологии («неподвижная история», по определению Э. Ле Руа Ладюри). С другой стороны, историки «ревизионистского», или «критического», направления — Ф. Фюре, Д. Рише и их многочисленные последователи — стремились не только вернуть интерес к «событийной истории», в связи с чем придавали в своих работах политике самостоятельный научный статус, но и в отличие от «классической» интерпретации попытались представить Французскую революцию как чисто политический процесс. Сторонникам этого направления было свойственно отрицание закономерного характера революции; выделение роли социальных элит, носителей культуры Просвещения, призванных утвердить во французском обществе либеральные ценности; отрицание роли народных масс и якобинской диктатуры; подчеркивание преемственности в социально-экономической области между старой и новой Францией и отнесение революции всецело к области политики, где она, по их мнению, способствовала утверждению свободы, гражданского равенства и политической демократии.

Названные новые явления в науке и постепенная изоляция адептов «классической» историографии, понемногу отрывавшихся от перспективных направлений исторической мысли, привели к настоящей эпистемологической революции 70 — 80-х годов, в значительной мере затронувшей принципы, на которых базировалась «классическая» историография.

Эпистемологическая революция разворачивалась в два этапа. 70-е годы были отмечены обновлением научной тематики. В поле зрения историков-«классиков» оказались проблемы ментальности, исторической антропологии, исторической демографии, социологии. Ведущая роль в деле адаптации «классической» историографии к новым научным реалиям принадлежала М. Вовелю, который сменил в 1982 г. в Институте истории Французской революции А. Соболя. В то же время новые проблемы изучались историками-«классиками» по традиционным канонам социальной истории. В отличие от 70-х годов 80-е годы внесли существенные изменения в «классическую» методологию. Именно тогда значительной модификации подверглись две ее важные парадигмы. Во-первых, это положение о том, что социально-классовые группы определяются по их отношению к средствам производства, и, во-вторых, идея о том, что индивидуальные и коллективные политические действия непосредственно отражают специфические классовые интересы³. В результате современные исследователи все больше и больше уделяют внимания личности и сложности ее взаимоотношений с обществом в революционную эпоху и, придавая особое место политическому сознанию в историческом процессе, видят конституирующее начало социальных образований не в объективных классовых интересах участников революционных событий, а в общем для этих людей определении своего собственного места в обществе и самоидентификации с теми или иными социальными группами, причем границы последних зависят от меняющихся представлений протагонистов. Ключом к пониманию революционной действительности становится категория «социально-воображаемого».

Поскольку представления людей революционной эпохи об их месте в обществе и оценка ими происходящих событий исключительной исторической важности относится прежде всего к области политики, то последней в большинстве современных исследований отводится гораздо более важная роль в организации общества, чем экономике. Общество, таким образом, рассматривается сквозь призму политики. Отсюда и резко возросший интерес к политической истории революции, а также многочисленные попытки объяснить через собственную логику политической истории развитие революционного процесса в целом, названные новейшими специалистами по истории революции Ф. Брюнель и Ж. Гийому «политическим синтезом»⁴.

Новые явления в историографии революции М. Вовель определил как «возвращение к политике», сопровождающееся «относительным ослаблением позиции социальной истории»⁵.

И, на самом деле, изменения методов и объектов изучения Французской революции привели к резкому снижению удельного веса исследований по ее социальной и экономической истории. Так, по подсчетам Э. Дюкудре, социальной истории посвящено около десяти процентов от общего числа работ, приуроченных к 200-летию юбилею революции⁶. Еще меньше доля исследований по экономической истории, которая по данным специалиста по экономической истории Ф. Анкера представлена только 18 работами, что составляет менее одного процента⁷.

На первый план в исследованиях Французской революции выдвигается работа с «текстами революции» — материалами политических дебатов, законодательными актами, прессой, памфлетами, петициями, художественными изображениями. Широко используя приемы герменевтики при анализе источников, современные исследователи ставят перед собой задачу выявить присущие изучаемой эпохе формы политической жизни общественного сознания, типов ментальности, то содержание, которое непосредственные участники событий вкладывали в провозглашенные революцией принципы, в политические лозунги и символы, а также цели и мотивы их действий. В центре внимания специалистов вновь оказались такие важные темы, как политическая природа якобинизма, насилие и террор в ходе революции, интерпретация революционным сознанием прав человека и гражданина, революционный менталитет, революция и контрреволюция, особенности религиозного сознания, пути политизации французского общества и становление национального пространства, типы политической культуры.

В итоге «классическое» направление в историографии Французской революции претерпело серьезные изменения с точки зрения как методов, так и проблематики исследований. Оно утратило лидирующие позиции в историографии, и в настоящее время уже не существует доминирующих интерпретаций событий Французской революции. Границы между «классическим» и «ревизионистским» направлениями в значительной мере стерлись. Вместе с тем каждое из них не утратило своей специфики, что особенно показательно при подходах к изучению политики. Так, с точки зрения историков «ревизионистского» направления, политика представляется в значительной мере автономной, явлением самодостаточным, оказывающим

решающее влияние на все стороны общественной жизни, а главным источником политики историки этого направления считают социальные элиты. С другой стороны, исследователи, работающие в русле «классической» историографии, справедливо признают, что такая абсолютизация автономии политики и революционного сознания ведет к чрезмерной «политизации» и «психологизации» истории. Поэтому они призывают изучать политические феномены в контексте диалектического, по выражению К. Мазорика, единства политических, социальных, культурных и экономических процессов⁸. При этом историки-классики видят корни политического не в действиях элит, а в сложной диалектике взаимоотношений между элитами и массовыми народными движениями города и деревни. «Политика должна быть понята как “феномен масс”, а не исключительная привилегия элиты», — подчеркивает М. Вовель⁹.

Признавая влияние различных факторов на формирование политики и отказываясь от поиска доминирующего из них, М. Вовель видит предмет политической истории революции в изучении взаимоотношений людей той эпохи с политикой, но «в рамках глобальной истории, от которой нет оснований отказываться, соединяя в едином подходе социальное, культурное, ментальное и политическое»¹⁰.

Обращение специалистов к политической истории Французской революции делает актуальными исследования таких ее существенных факторов, как идеологии, движения и политические организации революционной эпохи.

Возникновение и деятельность политических группировок — прообразов современных партий — одна из центральных проблем истории Французской революции. Их появление было обусловлено интенсивным становлением в ходе революции гражданского общества, стремительным ростом политического самосознания французов, а также появлением общенациональных задач, связанных с утверждением нового социально-политического устройства Франции. Выступая как политические клубы, объединявшие в основном депутатов национальных собраний, которые разделяли одни и те же политические взгляды, организации революционной эпохи выполняли функции современных партий — вели подчас бескомпромиссную борьбу за использование политической власти и реализацию своих программных требований, осуществляли централизацию политической жизни того времени, способствуя формированию единого национального пространства, направляли стихийные проявления общественной активности в русло формализованного политического участия, готовили общенациональных лидеров, формировали через прессу и многочисленные филиалы на местах общественное мнение.

Борьба основных политических группировок, действовавших в ходе революции — фельянов, жирондистов и якобинцев, — являлась, по сути, выражением борьбы за те или иные пути становления Нового порядка во Франции, а сами политические группировки были носителями политических традиций, восходящих еще к идеологии Просвещения, и прежде всего двух важнейших — либеральной и демократической.

Ярким примером идеологии и практики либерализма эпохи революции являлась деятельность политической группировки фельянов, кото-

рые в наиболее ортодоксальной форме олицетворяли либеральные принципы 1789 г. и в известной мере представляли либеральную альтернативу демократическому движению в ходе политической борьбы того знаменательного года Французской революции (лето 1791 — лето 1792 г.), который завершился свержением монархии и установлением I Республики во Франции.

Несмотря на значимость, проблема фельянов до сих пор не привлекала должного внимания специалистов ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. В настоящей монографии впервые исследуется «партия» фельянов в связи с развитием либеральной традиции в ходе Французской революции конца XVIII в.

В работе использованы брошюры и периодические издания, хранящиеся в РЦХИДНИ (Москва) и в Национальной библиотеке (Париж), а также материалы Национального архива (Франция) — фонд Сийеса (284 AP), материалы серий общей полиции (F), подсерии F /7/, где сохранились бумаги Дипломатического комитета Законодательного собрания серии чрезвычайного правосудия (W), содержащей секвестрованные бумаги Барнава, протоколы клуба Масснак и др. (W13—15). Кроме того, изучены многочисленные публикации документов по истории Французской революции и специальная литература.

Глава I

СТАНОВЛЕНИЕ «ПАРТИИ» ФЕЛЬЯНОВ

1. ОТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Французская либеральная традиция, в рамках которой в ходе революции конца XVIII в. сформировалась политическая группировка фельянов, или, как ее называли современники, «партия» фельянов, восходит к рационалистическому мировоззрению века Просвещения. Именно тогда в русле учений о естественном праве и об общественном договоре складывались представления относительно основных либеральных ценностей. Согласно учению о естественном праве каждому человеку присущи права, выражающие его разумную природу и предшествующие социальной организации. Учение об общественном договоре предполагало договорное происхождение общества и государства, создаваемых людьми с целью сохранения своих естественных прав; при этом общественные установления, закрепленные в позитивном праве, должны были соответствовать естественному праву. Эти теории отрицали историческую традицию, придававшую легитимность Старому порядку с его королевским абсолютизмом, сословно-корпоративной социальной организацией, привилегиями, господством дворянской аристократии и утверждали качественно новое общественное устройство, в котором индивидуум имел бы приоритет над любыми гражданскими и политическими установлениями.

Интенсивное развитие либеральной традиции относится ко времени Французской революции конца XVIII в., когда теоретические построения просветителей начали воплощаться в жизнь на практике.

Само понятие «либерализм» появилось во французском языке в эпоху Реставрации для обозначения совокупности либеральных доктрин. Вместе с тем еще с середины XVIII в. во французском языке благодаря маркизу д'Аржансону стало употребляться слово «либеральный» не в своем историческом значении как синоним слов «великодушный», «благородный», «щедрый», а в политическом смысле, применительно к сторонникам индивидуальных и политических свобод. Согласно «Историческому словарю французского языка» Робера, настоящей датой рождения слова «либеральный» в его политическом значении следует считать Французскую революцию конца XVIII в., в эпоху которой оно

получило достаточно широкое распространение¹. В одном из периодических изданий 1815–1816 гг. – «Le Nouvelliste français» – предпринята интересная попытка семантического анализа слова «либеральный» в связи с понятием «либеральные идеи»². Для авторов этого издания Анри и Ришара является бесспорным фактом, что прилагательное «либеральный» «получило свое политическое значение уже полвека назад»³. «Политическая идея, – считали авторы издания, – является либеральной, если она соответствует нравственной цели человеческого существования; если она согласуется с развитием и совершенствованием наших интеллектуальных возможностей; если она стремится утвердить политическую свободу, права общества против незаконной власти индивидуумов, как анархической, так и деспотической; если она направлена к преимуществам для всех, к общественному благу, а не к частному благу какого-либо индивидуума или класса; если она развивает возвышенные, благородные и патриотические чувства, а не тщеславие, скупость или слабость; если, одним словом, эта идея достойна не ловкого куртизана, но гражданина Государства...»⁴ Впервые, по мнению авторов, либеральные идеи были провозглашены в 1789 г. «Революция, – отмечали они, – началась с провозглашения самых либеральных идей. Казалось, что все сословия государства желали общественного блага даже в ущерб их частному интересу», поскольку «либеральные идеи являются естественными идеями для политического общества»⁵.

События лета 1789 г. – политический кризис абсолютистского режима, созыв Генеральных штатов и конституирование их в Национальное, а затем и в Учредительное собрание, взятие Бастилии, подъем массового народного движения, упразднение 4 – 11 августа Старого порядка, наконец, принятие 26 августа 1789 г. Декларации прав человека и гражданина – все это воспринималось их участниками как осуществление воли суверенного народа, реализующего свое право на заключение общественного договора, целью которого будет восстановление и сохранение естественных прав человека, поскольку, как говорилось в Декларации, «забвение прав человека и пренебрежение к ним являются естественными причинами общественных бедствий». Естественными и неотъемлемыми правами человека провозглашались гражданские права личности – свобода, юридическое равенство, собственность, безопасность, сопротивление угнетению. Кроме того, провозглашался принцип национального суверенитета (т.е. исключительное право нации на конституирование и осуществление политической власти), который предполагал совокупность политических прав, призванных гарантировать политическую свободу личности и общества.

«Принципы 1789 г.» сразу же оказались в центре общественно-политической борьбы между революционными силами и сторонниками Старого порядка. Приверженность им означала идентификацию с революционным движением, с программой либерального переустройства французского общества на базе этих принципов. Как отмечал А. Собуль, «Декларация прав человека и гражданина стала с того момента евангелием и катехизисом нового порядка: национальным катехизисом, по определению Барнава, политическим евангелием, согласно Мирабо»⁶.

Проектируя новое общественное устройство, революционные идеологи противопоставляли принципу сословности и партикуляризму Старого порядка принцип индивидуализма. Сама универсальность, всеобщность «принципов 1789 г.» означала абстрагирование от любых конкретных измерений человеческой личности и определение ее с точки зрения антропологических, родовых качеств. Поэтому реально в расчет принимались лишь абстрактный индивидуум и национальная общность, а также выдвигалась идея о том, что общество и государство есть не иерархия сословий и корпораций, местных прав и привилегий, а объединение индивидуумов, вступающих между собой в договорные отношения, свободных и равных в правах; при этом указывалось, что все индивидуумы являются членами нации, которой и принадлежит верховная политическая власть.

В ходе бурных событий лета 1789 г. на волне массовых народных движений к власти пришли либеральные политики – депутаты Учредительного собрания, так называемые «конституционалисты», во главе с признанными лидерами революции О. Мирабо, А. Ламетом, А. Барнавом, А. Дюпором, Ж.-С. Байи, Ж.-Ж. Мунье, П.-В. Малуэ, Ш.-М. Талейраном, генералом Лафайетом, Ларошфуко-Лианкуром, Дюпоном де Немуром и др. Своей первоочередной задачей Учредительное собрание провозгласило принятие Конституции. Уже осенью оно определило, что будущее правление во Франции должно быть представительным и монархическим.

Исходя из положения Декларации прав человека и гражданина, согласно которому «закон есть выражение общей воли» и «все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его образовании» (ст.6), Учредительное собрание положило в основу формирования всех органов государственной власти (исключая только высшую исполнительную власть в лице короля и назначаемых им министров) принцип выборности. Избиралось около 1 200 000 должностных лиц и представителей на разные уровни политической, административной, гражданской, духовной и т.д. властей. Сами же выборы стали символом и неотъемлемой частью обретенного французами суверенитета, ранее принадлежавшего королю. Учредительное собрание утвердило бессословное и индивидуализированное (т.е. независимое от групповых, местных интересов) участие в выборах, призванное обеспечить независимость как избирателям, так и их представителям во всех уровнях власти.

Вместе с тем законодательство Учредительного собрания о выборах в целом было противоречивым. С одной стороны, оно предполагало формирование политической власти демократическим путем выборов, с другой – демократия подвергалась в нем значительному ограничению. Так, признание независимости национальных представителей (депутатов высшего законодательного органа власти) означало, что они в своей деятельности должны не следовать предвыборным наказам или пунктам своей политической программы, а беспристрастно выражать национальные интересы, которые могут быть отличными от устремлений их непосредственных избирателей. В итоге сложился своего рода «парламентский абсолютизм», когда представители нации получили мо-

нопольное право выражать ее волю, принимать от ее имени законы и быть свободными в своих действиях от любого контроля⁷.

Еще одной антидемократической мерой Учредительного собрания стало ограничение участия граждан в выборах путем введения в конце 1789 г. имущественного ценза. Такое решение было принято в связи с необходимостью разрешить противоречие между «разумом» и «количеством», используя понятия той эпохи, т.е. найти, как совместить рациональность и компетентность функционирования политической власти с равным участием в выборах граждан (как то предписывала Декларация прав человека и гражданина), которые не были равны ни по уровню образования, ни в имущественном отношении. Владение собственностью и уплата с нее прямого налога по логике законодателей как раз и являлись условием участия в политической жизни общества. В результате право участвовать в выборах получили «активные» граждане (4 298 960 из 7 млн взрослого мужского населения), т.е. граждане, достигшие 25-летнего возраста, проживающие в данной местности не менее одного года, не находящиеся в услужении и платящие прямой налог в размере стоимости местной 3-дневной заработной платы и выше (от 1,5–3 ливров в год); остальные, «пассивные» граждане, были лишены политических прав. Кроме того, Учредительное собрание ограничило право избирать и право быть избранным; сами же выборы были организованы в две ступени (на уровне дистрикта и департамента)⁸. Все «активные» граждане имели право участвовать в выдвижении выборщиков на первичных собраниях. В число выборщиков могли попасть лишь те «активные» граждане, которые платили налог в размере стоимости местной 10-дневной заработной платы и выше (от 5–10 ливров в год). Право же быть избранным в Национальное собрание – высший законодательный орган власти – регламентировалось еще более высоким цензом – владением земельной собственностью и уплатой прямого налога в размере стоимости «марки серебра» и выше (т.е. от 53 ливров 8 су в год). Избирательный ценз для выдвижения представителей иных уровней политической власти и должностных лиц был эквивалентен цензу выборщиков (см. табл. 1).

Принятый Учредительным собранием избирательный закон предполагал выделение в соответствии с критерием собственности социально-политической элиты, отличной от общества и управляющей от его имени. Имеющиеся в нашем распоряжении данные социально-профессионального состава выборщиков в 1790 г. по департаментам Буш-дю-Рон, Финистер, Иль и Вилен, Эндр и Луар, Ланды, Верхняя Луара, Вандея, Верхняя Вьенна и по Парижу свидетельствуют, что выборы контролировались представителями социальных верхов, местных элит – «нотаблями».

Среди выборщиков наиболее высок был процент таких социально-профессиональных категорий, как рантье, юристы, негоцианты и ремесленники (причем под названием «ремесленник» зачастую скрывался предприниматель), фермеры (см. табл. 2). В результате политика оказалась делом наиболее зажиточных слоев общества. В то же время, как подчеркивает современный исследователь выборов эпохи революции П. Гениффе, электоральная система вела к власти людей с новыми принципами,

людей, тем более способных утвердить эти принципы («принципы 1789 г.») в общественной жизни, потому что они были независимы от своих избирателей⁹. И на самом деле, свободные в своем выборе, выборщики могли противостоять общественному мнению, быть революционными, когда вокруг царил апатия или контрреволюционные настроения.

Следует также отметить, что избирательная система Учредительного собрания создавала определенные условия и для консолидации новой правящей элиты в общенациональном масштабе. При этом по сравнению со Старым порядком изменялся не только состав элиты, но и принцип формирования. Так, в дореволюционной Франции принадлежность к ней определялась владением привилегиями. Поэтому вопрос о привилегиях оставался основным источником противоречий между дворянской аристократией и буржуазными верхами третьего сословия к исходу Старого порядка. После упразднения сословий и связанных с ними привилегий 4–11 августа 1789 г. единственным критерием для вхождения в состав правящей элиты стало владение собственностью, что создавало реальную возможность для слияния в рамках новой элиты собственных слоев французского общества. Сохранение Учредительным собранием исполнительной власти в руках Людовика XVI также символизировало определенную преемственность между Старым и Новым порядками во Франции.

Таким образом, развитие либеральной традиции в начале Французской революции конца XVIII в. предполагало известный компромисс между общественными элитами – буржуазией и либеральной аристократией. По мнению либеральных политиков – «людей 1789 г.», только представители социальных верхов, воспитанные на идеях Просвещения и владевшие собственностью, были заинтересованы в общественном прогрессе и призваны утвердить в общественной жизни «принципы 1789 г.».

* * *

Французская революция конца XVIII в. с самого начала сопровождалась не только контрреволюционным движением, направленным против революционных преобразований, но и выступлениями, имевшими своей целью, признавая «принципы 1789 г.» положить предел ее дальнейшему развитию. Эти выступления уже с осени 1789 г. привели к размежеванию среди «конституционалистов» – либерально настроенного большинства Учредительного собрания. Впервые вопрос об исторических границах революции был поставлен группой депутатов Учредительного собрания, так называемыми «монархистами» во главе с Ж.-Ж. Мунье и П.-В. Малуэ. В нее входили графы Лалли-Толлендаль и Клермон-Тоннер, маркиз Лезе-Марнеза, герцог Ла Лузерн, чиновники провинциальных судов Дефрес-Дюше, Шаброль, адвокаты Федель, Бергас, Дешамп, Редон¹⁰.

В центре политических дебатов оказался вопрос о будущем конституционном устройстве Франции и, шире, – о формах политического компромисса с бывшими привилегированными и королевской властью, о том, какие политические прерогативы сохранят последние в своих руках. По

словам Мунье, одного из вождей группировки, «монархисты» стремились в своих действиях «придерживаться уже накопленного опыта, выступали против смелых новшеств и пытались внести в существовавшие тогда правительственные формы лишь необходимые для свободы изменения»¹¹. Важнейшим источником такого опыта, по их мнению, являлось политическое устройство Англии, за симпатии к которому их часто называли также англофилами. «Монархисты» считали, что Конституция является писаным общественным договором между королем и нацией, которые в равной мере являются носителями верховной власти. Поэтому король наряду с Национальным собранием¹² должен принимать участие в законодательстве путем наложения абсолютного вето на декреты Национального собрания. Кроме того, вслед за Ш. Монтескье они считали необходимым конституционно закрепить «промежуточную власть» (*pouvoir intermédiaire*), которая обеспечила бы устойчивость государственному устройству. Выполнение функций промежуточной власти «монархисты», как и Ш. Монтескье, возлагали на аристократию, правда, утратившую в ходе революции свои привилегии. Промежуточная власть должна была реализовываться в первой, верхней, палате парламента. Ее члены, по плану «монархистов», пользовались бы наследственным правом занимать в ней места. Эта палата должна была также обладать правом абсолютного вето на решения палаты представителей¹³.

Среди общей массы либерального большинства Учредительного собрания «монархистов» выделяло и недовольство чрезмерным, на их взгляд, радикализмом декрета 4–11 августа об отмене феодальных прав и привилегий, который они поддержали из тактических соображений¹⁴. Некоторые из них – Мунье, Лалли-Толлендаль и Клермон-Тоннер – склонялись к тому, чтобы выкупать не только реальные повинности (т.е. те, которые, согласно правовым теориям того времени, считались производными от первоначальной уступки земли сензором ее держателю), как было установлено декретом, но и личные¹⁵.

Отличные от «монархистов» позиции занимала другая группа либеральных депутатов Учредительного собрания. Ее признанными лидерами были А. Барнав, А. Ламет и А. Дюпор – так называемый «триумvirат». Для них оказалась неприемлемой модель компромисса, предлагаемая «монархистами». Они считали Конституцию выражением воли нации, которую король может только принять¹⁶. Именно нация является единоличным носителем суверенитета. А. Барнав писал по поводу предложений «монархистов»: «Мунье и его сторонники, похоже, не заметили, что произошла революция... они настаивали на системе, которая была лишь сделкой между силой, ставшей всем, и силой, больше не существующей»¹⁷.

Триумvirат в парламентской борьбе с «монархистами» добился победы: были введены однопалатный парламент со всей полнотой законодательной власти и суспенсивное королевское вето¹⁸. Король признавался наследственным представителем нации и главой исполнительной власти.

Особую позицию по конституционным вопросам занимала еще одна либеральная группа Учредительного собрания, получившая в литературе название «муниципальная партия»¹⁹ или, по имени одного из лидеров этого

течения, Лафайета, «файетисты». «Муниципальную партию» возглавляли командующий Парижской Национальной гвардией Лафайет и мэр Парижа Ж.-С. Байи. Стратегия и тактика названной группировки определялись стремлением ее лидеров играть роль арбитров-примирителей в неоднородном революционном лагере и тем самым удерживать в своих руках баланс власти²⁰. На политических позициях, близких к «муниципальной партии», находился и признанный трибун Учредительного собрания О. Мирабо, пытавшийся сохранить за собой роль единственного лидера революции.

В вопросе устройства государственных органов власти Лафайет разделял взгляды, близкие «монархистам». Он, как и «монархисты», высказывался в пользу верхней палаты парламента с той лишь разницей, что, по его мнению, депутаты должны были избираться в нее провинциальными собраниями на определенный срок²¹. Что же касается права королевского вето, то, идя навстречу триумvirату, Лафайет поддержал суспенсивное вето²², хотя есть сведения о том, что он готов был пойти на признание абсолютного королевского вето²³.

В современной литературе часто указывается на политическую и идейную близость Лафайета и «монархистов»²⁴. После того как последние после поражения по вопросам конституционного устройства утратили былой политический вес и продолжили свою политическую жизнь, объединившись в 1790 г. в маловлиятельный Клуб друзей монархической Конституции, Лафайет и его сторонники заняли их место в Учредительном собрании и отныне вели за собой его центр, оставляя справа от себя только открытых противников революции. Левое же крыло собрания пока еще уверенно возглавляли А. Барнав, А. Дюпор и А. Ламет.

С конца 1789 г., когда «монархисты» перестали играть заметную политическую роль, и вплоть до лета – осени 1791 г. между этими двумя фракциями революционного большинства Учредительного собрания велась неослабевающая борьба за преобладание в высшем законодательном органе, за контроль над исполнительной властью и, шире, – за лидерство в революционном лагере. Несколько преувеличивая значение указанного конфликта в политической истории Учредительного собрания, современный историк Д. Вик утверждал, что «история Национальной Ассамблеи с ноября 1789 по сентябрь 1791 года заключалась главным образом в борьбе за власть между муниципальной партией Лафайета и левыми Ламетов»²⁵.

Основная причина борьбы названных двух фракций Учредительного собрания была, на наш взгляд, та же, что и причина, приведшая к выделению из либерального большинства Собрания «монархистов», т.е. решение вопроса: насколько радикальной должна была быть революция, следует ли ее продолжать или необходимо остановиться на достигнутом.

В своих мемуарах Лафайет указывал, что в 1789–1790 гг. триумvirат выступал за углубление революционных реформ, чтобы (здесь он цитирует слова А. Дюпора) «глубоко вспахать» (*sillonner profondement*). Сам же Лафайет не считал возможным идти на дальнейшее углубление революционного процесса²⁶. В этом плане показательны разногласия

между триумvirатом и Лафайетом во время дебатов по аграрной реформе, возобновившихся в Учредительном собрании в начале 1790 г. в связи с беспорядками, вызванными отказом крестьян выплачивать феодальные повинности. Лафайет, поддержанный бывшими «монархистами» (Малуэ) и крайне правыми, сторонниками Старого порядка в Учредительном собрании (аббат Моря), выступал за усиление исполнительной власти короля и вооруженное подавление беспорядков. Это предложение отверг А. Дюпор вместе с крайне левыми – Робеспьером и Петивоном. Дюпор заявил, что, прежде чем прибегать к силе, необходимо искоренить причины крестьянских выступлений, которые он усматривал в «ненависти народа к косвенным налогам и в ужасе феодальных повинностей»²⁷.

Точка зрения Лафайета, поддержанная как его сторонниками из центра, так и крайне правыми, показала его нежелание и нежелание центра Учредительного собрания идти на дальнейшую разработку аграрного законодательства, начало которому в декларативной форме было положено 4–11 августа 1789 г. Фактически речь шла, и в этом можно согласиться с Ж. Мишоном, о скрытом призыве укрепить исполнительную власть в лице короля и, опираясь на нее, завершить революцию²⁸.

Триумvirат в лице Дюпора, напротив, выступал за более глубокие реформы, и прежде всего за ликвидацию «феодализма» в аграрных отношениях, «феодализма», под которым А. Дюпор, А. Барнав и А. Ламет понимали совокупность личных сеньориальных повинностей, а также налоговой системы Старого порядка²⁹. Триумvirату удалось увлечь за собой большинство членов Учредительного собрания, которые и продолжили разработку аграрного и налогового законодательства революции, завершившуюся в том же году отменой феодальной юридической структуры земельной собственности и введением новой налоговой системы.

Противоречия между либеральными группами Учредительного собрания весной 1790 г. охватили общественно-политические организации – политические клубы, в том числе и Якобинский клуб.

Являясь политическим центром революционных сил, Якобинский клуб был своеобразным зеркалом, в котором отражались все тенденции и противоречия революции. В 1789–1790 гг. он являлся надежной опорой «конституционалистов» в их борьбе со Старым порядком. С первых дней существования Клуба его руководство попало в руки триумvirата. Влияние последнего на внутриклубную жизнь было настолько сильным, что Лафайет само создание Клуба считал происками «ламетистов», стремившихся подорвать его политическое влияние³⁰.

Общая тенденция к размежеванию между «файетистами» и сторонниками триумvirата затронула и Якобинский клуб. В противовес ему часть его членов учредила элитарное «Общество 1789 года». Среди членов-учредителей последнего были Лафайет, Мирабо, Талейран, д'Андре, Эмери, Ле Шапелле, Бомеэ. Вот как оценивал образование «Общества 1789 года» А. Ламет: «Много рассудительных, талантливых и богатых людей, известных писателей поспешило объединиться в этом Клубе, но крайняя умеренность их мнений, робость характера, свойственная многим из них осмотрительность, естественная для тех, кто должен, скорее, сохранять, чем завоевывать, не дали возможности этому обществу действовать

энергично, как того требовала сложная обстановка, не терпящая промедления... Депутаты... которые учредили Клуб-89, это почувствовали сами и почти все вернулись в Общество якобинцев. Собрание, которое они основали, продолжало, однако, существовать, но оно не имело никакого политического влияния и несколько позже растворилось в Клубе фельянов»³¹.

Учреждение «Общества 1789 года» показало, что значительная часть либерального дворянства во главе с Лафайетом, а также представители крупной буржуазии – банкиры и финансисты – проявляют колебания и считают, что революция принимает слишком радикальный оборот и на повестку дня следует вынести вопрос о сохранении достигнутого³². Девиз «Общества 1789 года» «Ни реакции, ни нового восстания» хорошо выражал его политическую направленность: избежать радикализации революции.

Выделение Клуба 1789 г. стало генеральной репетицией раскола Якобинского клуба, происшедшего летом 1791 г. Весной 1790 г. условия для формирования жизнеспособной «умеренной» альтернативы развивающемуся революционному процессу еще не созрели. Либеральные подпитки во главе с триумвиратом контролировали Якобинский клуб и пока еще могли идти в ногу с революцией.

Однако предпосылки для будущего размежевания в Якобинском клубе и, шире, в революционном лагере в целом стали складываться в 1790 г. Уже в этот период времени в противовес либеральному начинает оформляться демократическое движение. С апреля 1790 г. центрами демократической пропаганды становятся Клуб кордельеров и организованный при нем К. Фоме и Н. Бонвилем Социальный кружок, а также многочисленные народные общества, объединившиеся позднее, в мае 1791 г., вокруг созданного ими Центрального комитета. На собраниях в этих организациях не только звучали выступления против цензовой политической системы, но и раздавались требования социального равенства. Даже в самом Якобинском клубе появилась группа демократически настроенных членов – Робеспьер, Бюзо, Петион, Грегуар. Якобинский клуб не только утратил свои позиции на левом фланге революционных сил, но и в нем самом обозначилась угроза господству либералов. Пролиберальный «L'Ami des Patriotes...» в декабре 1790 г. прямо указывал на опасности, грозившие революции со стороны и аристократов, и демократов: «Благонамеренным людям следует остерегаться как друзей народа, так и друзей короля и твердо следовать Конституции ... скоро станет очевидно, что те, кто превозносят демократию, являются настоящими аристократами... те, кто хочет сегодня народоправства, на самом деле являются теми, кто выступает за королевский деспотизм»³³.

Зарождение и рост демократического движения, совпавшего с объективным завершением либерального периода революции с его курсом на буржуазно-дворянский компромисс, привели к резкому поправлению либеральной политики. Особенно это стало заметно начиная с весны 1791 г. В Учредительном собрании либеральное большинство пошло на принятие ряда законодательных актов, таких, как законы, запрещавшие служить «пассивным» гражданам в Национальной гвардии, подавать кол-

лективные петиции, а также запрещавшие коалиции и стачки (закон Ле Шапелье от 14 июня). Неудачно для либералов закончилась только их попытка воспрепятствовать законодательному признанию гражданских прав за свободным цветным населением французских колоний (май 1791 г.). В совокупности все эти акты были направлены против ширящегося демократического движения, в связи с чем в историографии они получили название полятики «социального сопротивления»³⁴.

Отражением общенационального процесса стала резкая смена весной 1791 г. политической ориентации либерального большинства Якобинского клуба. Теперь уже и его лидеры – А. Дюпор, А. Барнав и А. Ламет – считали, что революция зашла слишком далеко и ее необходимо завершить. Поэтому главные задачи момента они видели в укреплении исполнительной власти, неприкосновенности частной собственности и закреплении политических привилегий за имущими слоями общества³⁵.

В своих действиях триумвират возлагал большие надежды на поддержку короля. Весной 1791 г. его членам удалось войти в контакт с двором и был намечен ряд пунктов предполагаемого сотрудничества. Триумвират обязался добиться пересмотра Конституции с тем, чтобы усилить исполнительную власть. В свою очередь король как конституционный глава исполнительной власти гарантировал им назначение на министерские посты³⁶.

Таким образом, А. Барнав, А. Дюпор и А. Ламет вслед за «монархистами» и «файетистами» перешли в оппозицию дальнейшей радикализации революции. Данный факт свидетельствовал об оформлении умеренного крыла революционных сил. 17 мая 1791 г. А. Дюпор сформулировал общую для всех умеренных политическую платформу: «Революция закончилась. Необходимо закрепить и сохранить ее результаты, отбрасывая ее эксцессы. Необходимо ограничить равенство, уменьшить свободу и стабилизировать общественное мнение. Правительство должно быть сильным, устойчивым, прочным»³⁷. Намечившаяся консолидация умеренно-революционных элементов создавала реальные предпосылки для образования их собственной политической организации. Но путь к ее созданию проходил через окончательное организационное размежевание с левыми. Такое размежевание в общенациональном масштабе и осуществилось во время Вареннского кризиса лета 1791 г.

* * *

Политическая группировка фельянов, или, как ее называли современники, «партия» фельянов, вошла в политическую жизнь Франции летом 1791 г. Ее появление было связано с первым после начала революции общенациональным кризисом, завершившимся глубоким расколом в революционном лагере и оформлением его умеренного, либерального, крыла. Политическим проявлением поляризации революционных сил явилось размежевание в главной революционной организации общенационального масштаба – в Якобинском клубе.

К 1791 г. якобинцы создали мощную организацию. Она включала Центральный клуб в Париже и целую сеть аффилированных клубов в

провинции (к лету 1791 г. общее число ее филиалов достигало 400³⁸), состоявших в переписке с Парижским клубом. Аффилированные общества копировали структуру центрального клуба и следовали рекомендованной им политической линии.

Деятельность Парижского клуба была подчинена Уставу, принятому в начале 1790 г. Главными задачами якобинцев согласно Уставу являлись: обсуждение вопросов перед их внесением в Учредительное собрание (а в Парижском клубе преимущественно собирались депутаты Национальной ассамблеи), всемерная поддержка Конституции, сношение с аффилированными обществами³⁹. Политику Парижского клуба, как и всей якобинской организации в целом, вплоть до лета 1791 г. определяли представители либерального большинства Учредительного собрания во главе с триумvirатом. А. Барнав, А. Дюпор и А. Ламет лично контролировали главные органы столичного Якобинского клуба – комиссию администрации и финансов, комиссию приема новых членов, комитет переписки с аффилированными обществами⁴⁰, что позволяло им решать все вопросы, связанные с функционированием якобинской организации практически без участия номинального высшего органа Клуба – общего собрания его членов⁴¹.

Поскольку контроль над якобинской организацией находился в руках высшей политической элиты того времени, данная организация фактически служила связующим звеном между ключевыми институтами государственной власти и проводимой ими политикой либерального компромисса и нации. Мощная сеть аффилированных обществ обеспечивала коммуникативную функцию якобинцев. Есть сведения, что лидеры либералов сознательно стремились превратить сеть якобинских клубов в надежный механизм воздействия на общественное мнение в духе компромиссного курса Учредительного собрания⁴².

В 1790 г. аффилированные общества были важной и надежной опорой либеральных политиков. С точки зрения социального состава в филиалах Якобинского клуба встречались преимущественно представители зажиточных общественных слоев, так как право посещать их собрания предоставлялось только «активным» гражданам и регламентировалось высокими взносами (12 ливров – вступительный и 24 – ежегодный). Исследования провинциальных якобинских клубов показывают, что в 1790–1791 гг. в них доминировали буржуазные элементы (по различным данным они составляли от 66%⁴³ до 71%⁴⁴ от общего числа членов) – неогонанты, мануфактуристы, землевладельцы, лица свободных профессий.

Однако планам либералов относительно превращения якобинской организации в послушную машину в их руках не суждено было сбыться. Весной 1791 г. в поддерживавших их ранее буржуазных кругах французского общества зрело недовольство той самой политикой либерального компромисса, которую они проводили. Об этом свидетельствовали беспрецедентные до весны 1791 г. проявления несогласия ряда клубов с действиями Учредительного собрания. Некоторые аффилированные общества требовали от него пересмотра в демократическом духе уже почти готовой Конституции, и прежде всего разделов, связанных с до-

ступом в высшие органы власти⁴⁵. Признавая разделение граждан на «активных» и «пассивных», эти клубы настаивали на отмене закона о «марке серебра», сильно ограничивавшего доступ к депутатским мандатам Национальной ассамблеи средним слоям общества⁴⁶. По более частному вопросу о предоставлении гражданских прав цветному населению колоний, обсуждавшемуся в мае 1791 г. в Учредительном собрании, многие аффилированные общества заняли противоположную либералам позицию. Если, защищая интересы белых плантаторов-колонистов, А. Барнав в Собрании отвергал возможность предоставления цветному населению колоний прав «активных» граждан, то многие рядовые якобинцы из провинциальных обществ выступали в пользу признания за таковыми этих прав⁴⁷.

Резкие расхождения с официальным курсом имели место и в области политики по отношению к церкви. Они были связаны с попытками Учредительного собрания несколько разрядить возникшую социальную напряженность, вызванную принятием Учредительным собранием в декабре 1790 г. закона о гражданском устройстве духовенства. 7 мая 1791 г. по настоянию либералов Собранием был принят так называемый «Закон о веротерпимости» (la loi de Tolérance), разрешавший отправление культа духовенству, не признавшему принципа гражданского устройства⁴⁸. Эта мера либералов шла вразрез с общими ярко выраженными антиклерикальными настроениями якобинских обществ, отстаивавших жесткое проведение в жизнь гражданского устройства церкви⁴⁹.

Проявившиеся весной серьезные расхождения между курсом либерального компромисса Учредительного собрания и либеральным руководством Якобинского клуба, с одной стороны, и умонастроениями членов многочисленных его филиалов – с другой, свидетельствовали о начавшейся постепенной утрате либералами своего лидерства и вместе с этим – своей социальной базы в буржуазной среде. Примечателен и тот факт, что многие якобинские клубы начиная с весны 1791 г. отождествляли свою политическую линию с «делом демократов»⁵⁰.

Базовые противоречия в якобинской организации не замедлили сказаться и на обстановке в Парижском клубе. В нем значительно усилились позиции демократов – якобинской левой во главе с М. Робеспьером, Ж. Петивом, Ж.-П. Бриссо, Ф. Бюзэ, А. Грегуаром. По мнению современного французского исследователя Ж. Ментвана, май 1791 г. можно считать поворотным пунктом в истории Якобинского клуба, временем четко фиксируемого выделения левой⁵¹. Вместе с тем в Парижском клубе уходило в прошлое безраздельное господство либеральных политиков. «Они сохраняли достаточное влияние, – вспоминал А. Ламет, – на протяжении всего 90 и в начале 91 года, чтобы обуздать буйные выходы... и с успехом способствовать утверждению умеренных идей... Но все усиливающиеся перегибы (exagérations) привели к тому, что большинство депутатов решило не присутствовать на заседаниях в обществе, в котором в результате осталось только пятьдесят членов Национальной ассамблеи»⁵². Ослабело и влияние триумvirата. Если в марте 1791 г. А. Дюкену в письме на имя Парижского клуба друзей конституции еще только жалуется на «невыносимый деспотизм Ламетов»⁵³, то

уже в середине мая в Клубе происходят открытые столкновения между якобинской левой и либералами. Фатальной для власти последних в Клубе стала дискуссия о предоставлении прав «активных» граждан цветному населению колоний. 13 мая Ж.-П. Бриссо и Ж. Петийон высказываются в пользу признания за цветным населением прав «активных» граждан, но выступавший против Барнав сумел увлечь за собой большинство якобинцев и временно одержал верх⁵⁴. Однако уже 15 мая Робеспьер вновь поддерживает права цветных и в своей речи нападает на А. и Ш. Ламетов и А. Барнава. На этот раз члены Клуба были на стороне демократов, а Ш. Ламета, решившего ответить Робеспьеру, встретили выкриками и не дали ему говорить. Не ожидавший такого приема Ш. Ламет, как передает отчет об этом заседании, воскликнул, имея в виду твердое большинство членов Клуба, ранее поддерживавших триумvirат: «Они нас предали, они повернулись к нам спиной!»⁵⁵. Автор отчета резюмировал происшествие у якобинцев следующим образом: «...популярность Ламетов была в опасности»⁵⁶.

Престиж триумvirата подвергся еще более тяжелым испытаниям во второй половине мая. Дело в том, что триумvirат и его окружение в Якобинском клубе и в Учредительном собрании хотели получить возможность занять места в новом законодательном органе, вводимом Конституцией, или, по крайней мере, контролировать министерство, заняв в нем ключевые посты. План либералов заключался в том, чтобы, сохраняя власть в руках большинства действующего Собрания, воспрепятствовать дальнейшей радикализации революции. Но в Якобинском клубе левым удалось провести свою точку зрения по данному вопросу, которая предусматривала не только запрет на переизбрание бывших депутатов, но и невозможность для них в течение четырех лет занимать министерские посты. Более того, в Учредительном собрании левые также одержали верх, опираясь на поддержку крайне правых – убежденных противников революции, видевших в либералах главных ее зачинщиков⁵⁷.

В конце мая якобинской левой удалось закрепить свою победу в Якобинском клубе. Повод для этого представился в связи с обновлением комитета по переписке с аффилированными обществами. Робеспьер воспользовался случаем, чтобы нанести решающий удар по последнему оплоту власти триумvirата в Якобинском клубе – его контролю над комитетами. «Вы не должны страдать от того, – говорил он членам Клуба по поводу состава комитета по переписке, – что отдельные лица рассылают от вашего имени директивы, которые не являются вашими»⁵⁸. Ему отвечал А. Барнав, призвавший к единству, необходимому для завершения революции, и предложивший сохранить комитет в полном составе. Но Клуб не пошел за Барнавом, комитет был переизбран.

Давая оценку сложившемуся в конце мая в Якобинском клубе положению, историк Ж. Мишон отметил, что «между триумvirатом и якобинцами разверзлась пропасть, они не говорили более на одном языке, у них не было больше общих идей»⁵⁹.

Оформление демократического движения как в рамках якобинской организации (якобинская левая), так и вне их (Клуб кордельеров, Соци-

альный кружок, Центральный комитет народных обществ) привело к утрате либералами левого фланга в расстановке политических сил. В глазах современников они стали теперь умеренными революционерами, справа от которых располагались только открытые противники революции, опирающиеся на многочисленную фракцию в Учредительном собрании (293 человека)⁶⁰.

К началу лета 1791 г. триумвират и его сторонники покинули Якобинский клуб. Бывший лидер «монархистов» П.-В. Малуэ писал в своих мемуарах по этому поводу, что «конституционная партия почти полностью отделилась от якобинцев»⁶¹.

Усиление демократов способствовало сближению соперничавших либеральных фракций – «ламетистов» и «файетистов», которое шло параллельно с вытеснением либералов из Якобинского клуба. Первым необходимость такого сближения почувствовал Лафайет. Т. Ламет рассказывал в своих воспоминаниях, как Лафайет пришел в военный комитет Учредительного собрания, где председательствовал А. Ламет, и предложил достичь единства действий⁶². Триумвират принял предложение, и между обеими фракциями установился тесный контакт. Вот что писал умеренный «Babillard» от 17 июня: «Ламет, Ноайль, д'Эгийон, д'Андре, Редерер, Ле Шапелье и т.д. – все эти люди, не кто иные, как патриоты, не посещают больше Якобинского клуба; они собираются у Лафайета»⁶³.

Союз между «ламетистами» и «файетистами» указывал на общую консолидацию умеренных элементов революционного лагеря. Эта консолидация осуществлялась на вполне определенной политической основе. Ее целью являлось завершение революции, в чем ясно отдавали себе отчет непосредственные участники событий. Ш. де Лакретель, принимавший участие в собраниях умеренных, много лет спустя следующим образом описывал их устремления в «Истории Учредительного собрания»: «...г. Барнав, Дюпор и Ламет, объединившиеся на этот раз с партией Лафайета и конституционными роялистами (royalistes constitutionnels), которых они доводили до отчаяния своими интригами и непостоянством, приняли благородное, но запоздалое решение – положить предел революционному потоку...»⁶⁴.

Начавшаяся весной 1791 г. поляризация сил в революционном лагере была приостановлена, когда разразившийся острый политический кризис, связанный с бегством короля и его семьи из Парижа 21 июня, на какое-то время сплотил всех сторонников революции перед лицом ясно обозначившейся контрреволюционной опасности.

Обстоятельства бегства хорошо известны. Ярый противник революции генерал Буйе, по иронии судьбы приходившийся кузеном командующему Парижской Национальной гвардией Лафайету, должен был встретить в районе Монменди, где были расквартированы подчиненные ему войска, короля с семьей и переправить их через границу в распоряжение австрийских войск. Общий замысел состоял в том, чтобы король во главе войск Буйе, австрийцев и эмигрантов вернулся в Париж и осуществил консервативно-реформистскую программу, изложенную еще в «Декларации о намерениях короля» 23 июня 1789 г., означавшую, по сути дела, отказ от всех революционных реформ, восстановление сословий и прерогатив

королевской власти. Но несогласованность действий исполнителей этого замысла, враждебность местного населения, которое собиралось в местах сосредоточения подразделений, назначенных охранять короля от Монмеди до границы, бдительность почтмейстера Ж.-Б. Друэ расстроили эти планы. Беглецы были арестованы в пограничном городке Варенне (он дал название кризису лета 1791 г. – Вареннский кризис), и 25 июня королевскую семью под конвоем доставили в Париж в сопровождении трех специальных комиссаров Учредительного собрания – А. Барнава, Ж. Петнона и Латур-Мобура.

В первые дни после исчезновения королевской семьи «патриоты» всех оттенков демонстрировали видимость единства. Вечером 21 июня либералы после почти месячного отсутствия вновь появились в Якобинском клубе. В речи А. Ламет прозвучал призыв к якобинцам забыть все разногласия и «расстроить происки врагов свободы»⁶⁵. На волне «священного единения» прошло и испытанное практикой достигнутое в июне соглашение между «файетистами» и «ламетистами». Триумvirат приложил максимум усилий, чтобы оправдать Лафайета в глазах общественного мнения. Дело в том, что никому другому, как Лафайету, была доверена охрана королевской семьи. Поэтому демократы недвусмысленно связывали побег с именем генерала. Так, Ж.-П. Марат в своей газете писал, что подготовка к побегу королевской семьи велась Людовиком XVI «вместе с Могье (Лафайетом. – А. Т.), Байи, Казалесом... и другими главарями черной банды заговорщиков»⁶⁶. Дантон в Якобинском клубе прямо требовал «голову Лафайета»⁶⁷. Утром 21 июня в Учредительном собрании А. Барнав страстно защищал Лафайета, используя остатки своей былой популярности. «...21 июня у меня оставалось ее достаточно, – напишет он в мемуарах, – чтобы спасти Лафайета»⁶⁸. Вечером того же дня в Якобинском клубе А. Ламет появился с Лафайетом, демонстрируя удивленным присутствующим полное согласие между ними⁶⁹. Обращаясь к собравшимся, А. Ламет заявил, что «он и его друзья всегда будут прогив того, что могло бы вредить Лафайету»⁷⁰, «одному из самых стойких защитников Конституции»⁷¹. Ему удалось не только убедить собравшихся в невинности Лафайета, но и, согласно его собственному свидетельству, вернуть себе на некоторое время былую популярность, поскольку все якобинцы единодушно выразили ему свою поддержку⁷².

Либералы снова оказались объединяющим центром революционных сил. В этот же день Якобинский клуб разослал воззвание к аффилированным обществам, выдержанное в духе «священного единения» и завершившееся словами: «Все раздоры забыты, все патриоты едины. Национальная ассамблея – вот наш вождь, Конституция – вот наш девиз»⁷³. Но «священное единение» недолго царило среди «патриотов». После того как в ходе Вареннского кризиса миновала непосредственная угроза контрреволюции и король со своей семьей оказался под охраной в Париже, со всей остротой встали вопросы о судьбе короля, монархии и, шире, о судьбе революции: должна ли она продолжаться, или ее необходимо завершить, – вопросы, которые не замедлили снова разделить «патриотов».

Умеренные (либеральные депутаты Учредительного собрания и члены Якобинского клуба во главе с триумvirатом и Лафайетом) видели в неприкосновенности личности Людовика XVI и сохранении за ним трона

залог общественной стабильности, а также средство остановить революцию, сохраняя все ее достижения. Их программу резюмировал в Учредительном собрании А. Барнав 15 июля 1791 г.: «Сегодня, господа, вы должны почувствовать, что общий интерес заключается в том, чтобы революция остановилась... Еще один шаг к свободе означал бы уничтожение королевской власти, по пути к равенству – уничтожение собственности»⁷⁴.

Левые же члены Учредительного собрания и Якобинского клуба (Робеспьер, Петлюк, Бюзю, Бриссо, Грегуар и др.) под воздействием демократической пропаганды Клуба кордельеров выступали за замену Людовика XVI на троне, основываясь на Конституции.

Учредительное собрание пошло за умеренными в вопросе о личности Людовика XVI. 15 июля, заслушав доклад специальной комиссии, оно признало короля невиновным в измене в силу конституционного принципа неприкосновенности его особы.

В Якобинском клубе верх одержало мнение левых. Оно нашло отражение в петиции якобинцев Учредительному собранию от 16 июля о том, «чтобы Национальное собрание приняло от имени нации отречение Людовика XVI от престола и позаботилось о его замене при помощи всех конституционных средств»⁷⁵. Иными словами, якобинская левая требовала отстранения Людовика XVI от престола, но высказывалась за сохранение института монархии.

Еще более радикальную позицию заняли кордельеры. В составленной ими петиции к Учредительному собранию содержался призыв к низвержению Людовика XVI и созыву нового Учредительного собрания, чтобы приступить, как говорилось в документе, к «организации новой политической власти»⁷⁶. Петиция была возложена на «алтарь отечества» на Марсовом поле для сбора подписей.

Несмотря на отсутствие в петиции кордельеров упоминания о республике, общественное мнение расценило ее как республиканскую. И действительно, в отличие от якобинской петиции в ней ничего не говорилось о «конституционных средствах» и, по мнению А. Олара, «республика могла очень хорошо явиться результатом новой исполнительной власти»⁷⁷. Правда, не следует преувеличивать силы зарождающегося республиканского движения. Оценивая его действительность, современный исследователь М. Ренар полагал, что «враждебность не была так велика, чтобы привести к падению института (монархии. – А. Т.), во всяком случае она не была ни всеобщей, ни неотразимой»⁷⁸.

В сложившемся к середине июля спектре мнений «патриотов» по поводу монархии умеренные не без основания увидели угрозу следующего витка революции, который мог бы последовать либо за изменением конституционно-монархической формы правления, либо за передачей трона другому лицу. Поэтому в июле они действовали единым промонархическим фронтом, отстаивая права Людовика XVI. «Барнав, Дюпор, Рено де Сен-Жан д'Анжели, Ле Шапелье, Туре, – сообщает близкая к ним в ту пору г-жа де Сталь, – объединили свои усилия с усилиями Лафайета, чтобы восстановить ниспровергнутую монархию»⁷⁹. Очевидно, что действия умеренных должны были быть направлены в первую очередь против якобинской левой и потенциальных республиканцев.

Первой акцией умеренных явился их выход из Якобинского клуба 16 июля в ответ на петицию к Учредительному собранию, принятую под влиянием якобинской левой. Покинув Клуб, 303 умеренных⁸⁰ обосновались в монастыре фельянов, что находился на месте современной улицы Кастильоне при ее пересечении с улицей Сент-Оноре. Уже сам выбор места заседаний нового клуба говорил о многом образованным людям того времени. Как сообщает в своих мемуарах Ш. Лакретель, «это новое противостояние фельянов и якобинцев довольно близко напоминало времена Лиги. Известно, что фельяны из благодарности к слабому и нерешительному Генриху III были единственным монашеским орденом, который остался верен власти монарха, тогда как якобинцы стали подстрекателями, соучастниками царсубийцы Жака Клемана»⁸¹.

Новое политическое общество приняло название по месту своих заседаний – «Общество друзей Конституции, заседающее у фельянов» – и обнародовало два документа, в которых его члены давали интерпретацию раскола. В одном из них – в «Декларации, адресованной якобинцам, оставшимся в старом Клубе»⁸² – основной причиной образования Клуба фельянов называлось неподчинение части членов Якобинского общества законной власти: факт, который авторами «Декларации...» связывался с допуском на заседания якобинцев посторонних лиц, высказывавших самые крайние суждения, отнюдь не способствовавшие миру, единению и подчинению закону. Поэтому якобинцы не могли больше именовать себя друзьями Конституции⁸³.

В качестве конкретного примера непослушания законной власти «Декларация...» указывала на позицию, занятую якобинцами в деле о личности короля. Вина якобинцев, говорилось в ней, состоит в том, что они продолжили обсуждение этого вопроса, когда решение по нему уже было принято Учредительным собранием⁸⁴. (Петиция демократически настроенных якобинцев была одобрена Клубом на следующий день после провозглашения в декрете неприкосновенности королевской особы.) Более того, выводы якобинской левой не совпали с выводами законной власти, решившей, что король виновен лишь в глазах общественного мнения, перед законом же должны нести ответственность его советники⁸⁵. Вот почему якобинцы обвинялись в том, что они опротестовали решение законной власти, в силу чего фактически стали на сторону открытых врагов революции. В заключение говорилось, что вышедшие из Якобинского клуба его члены вновь дают клятву верности закону и нетерпимости к «мятежникам». Вместе с тем делался и шаг к примирению («Мы знаем, что среди вас еще остаются наши братья»⁸⁶) и выражалась надежда на будущее единство.

В другом документе фельянов – «Адресе общества друзей Конституции к аффилированным обществам»⁸⁷ – кратко перечислялись, с небольшими изменениями, положения «Декларации...» В «Адресе...», в частности, еще раз подчеркивалось, что согласно Уставу все дискуссии в Якобинском клубе должны были носить характер обсуждения законопроектов перед внесением их в Учредительное собрание⁸⁸. Данное правило соблюдалось до тех пор, пока на заседания не стали допускать посторонних и Якобинский клуб произвольно изменил свой статус и про-

тивнопоставил себя законодательной власти в лице Учредительного собрания. Перечисленные факты сделали раскол неизбежным и необходимым⁸⁹. Все же аффилированные общества приглашались вести переписку с истинными друзьями Конституции – фельянами⁹⁰.

Документы фельянов имели явную направленность на то, чтобы свести к минимуму влияние якобинской левой, представив ее врагом нового общественного порядка, и привлечь на свою сторону аффилированные клубы в провинции. Более отчетливо причины раскола и его подоплека явствуют из отчета в «Vabillard»: «Якобинский клуб: все депутаты, которые были его членами, за исключением Робеспьера, Бюзо, Петрона, Грегуара, Приер, покинули это общество, не являющееся больше обществом друзей Конституции. Они образовали новое общество, заседающее у фельянов; именно к ним должны присоединиться все истинные друзья Конституции, которые поклялись жить и умереть, ее защищая: ясно, что высокое звание друзей Конституции не распространяется на мятежников, протестовавших против декретов, составленных на основе конституционных законов государства»⁹¹.

Оставшиеся в Якобинском клубе семь депутатов Учредительного собрания выдвинули свою версию раскола. В написанном М. Робеспьером 17 июня «Адресе к аффилированным обществам» вся вина за него возлагалась на умеренных. Робеспьер отрицал, что имело место какое-либо неподчинение декретам Учредительного собрания⁹². Его точка зрения была развита в подготовленном 18 июля «Адресе Национальной ассамблеи» от имени Якобинского клуба. Невинность якобинцев мотивировалась тем, что Учредительное собрание приняло решение только о неприкосновенности личности короля, не упомянув о его восстановлении на троне, а потому якобинцы считали себя вправе предлагать в петиции не восстанавливать короля в его полномочиях⁹³.

Далее в «Адресе к аффилированным обществам» Робеспьер утверждал, что умеренные воспользовались вопросом о судьбе короля, чтобы отомстить Якобинскому клубу, где они утратили свое влияние, лишив его политического веса, и привлечь на свою сторону клубы в провинции⁹⁴.

Робеспьер верно уловил замыслы умеренных, связанные с расколом. Тот факт, что происшедший выход умеренных из Якобинского клуба являлся хорошо спланированной и продуманной акцией, не вызывает сомнений. «Открытие к концу заседаний Учредительного собрания клуба, соперничавшего с якобинцами, было политической комбинацией Барнава и его друзей», – вспоминал непосредственный участник событий и один из первых членов Клуба фельянов Ш. Лакретель⁹⁵. Современный исследователь Ж. Ментан также считает образование Клуба фельянов делом рук триумvirата⁹⁶.

Смысл этой комбинации разъясняет в своих записках А. Барнав. По его словам, он хотел, чтобы фельяны «стали центром революционной партии, чтобы они могли оказать в первое время поддержку Конституции и чтобы они стали непреодолимым препятствием для второй революции»⁹⁷.

В бумагах Барнава сохранились и наброски учредительных документов нового политического общества, «преданного равенству и правам

человека», цель которого состояла бы в том, чтобы «объединить хороших граждан путем переписки и образовать против... усилий их врагов мощную организацию»⁹⁸.

В выходе умеренных из Якобинского клуба, а также в мотивации этой акции, сформулированной в учредительных документах Клуба фельянов, в высказываниях их лидеров и в оценке происшедшего левыми якобинцами можно увидеть вполне определенную стратегию, которой придерживались умеренные: завершить революцию путем спланированного политического маневра⁹⁹. Первая его часть привела к образованию нового клуба, вторая – к репрессиям против республиканской манифестации на Марсовом поле 17 июля.

Разгон манифестантов на Марсовом поле на следующий день после образования Клуба фельянов был подготовлен совместными усилиями командующего Национальной гвардией Лафайета, мэра Парижа Байи и триумвирата. На согласованный характер действий умеренных 17 июля указывает в своих мемуарах исполнявший в то время обязанности начальника штаба Национальной гвардии генерал Матье Дюма: «Присоединившись к генералу Лафайету... Дюпор, Ламет и Барнав помогли ему изо всех сил, когда ему было необходимо выполнить тяжелый долг... против буржуазных анархистов на Марсовом поле»¹⁰⁰.

Обе эти акции умеренных тесно связаны между собой. Раскол в Якобинском клубе и последовавший за ним расстрел республиканской манифестации знаменовали длительное время назревавший раскол, совершившийся в революционном лагере. Отныне и вплоть до весны – лета 1792 г. его правое, умеренное, крыло будет ориентироваться на фельянов. В то же время завершившееся размежевание революционных сил означало, что если до 1791 г. буржуазия в целом поддерживала политику компромисса с дворянством, проводимую либералами, то теперь в ее среде наметился поворот к отходу от этой политики и стремлению опереться в ходе революции на народные массы¹⁰¹. Тем самым было положено начало сосуществованию двух принципиальных направлений в революционном лагере – либерального и демократического.

Главным результатом июльского маневра умеренных стало завершение консолидации всех умеренных революционеров и создание их общенациональной организации – политической группировки фельянов. В Учредительном собрании эта консолидация привела к складыванию «центристского объединения» (М. Л. Кеннеди)¹⁰². Кроме «файетистов» и «ламетистов», между которыми единство действий установилось еще в июне, туда вошли бывшие «монархисты» во главе с Малуз¹⁰³ и остатки «Общества 1789 г.». Теперь центр Учредительного собрания располагал твердым большинством голосов, чтобы добиться реализации совместной программы – утверждения либеральных «принципов 1789 г.» и усиления королевской власти при сохранении цензового избирательного права, обеспечивавшего собственническим слоям французского общества контроль над политической властью. Заключительным актом революции, по их мнению, должно было стать принятие Конституции, разработанной Учредительным собранием.

Достигнув определенного успеха в сплочении своих рядов, умеренные не достигли поставленной цели в действиях против якобинской ле-

вой и республиканцев. Фельяны с первых своих шагов заявили о себе как о «партии власти» и сосредоточились на парламентской работе, стремясь придать легитимность политическим институтам власти. Между тем после варенских событий власть, и прежде всего исполнительная, в лице короля, в значительной мере утратила легитимность, которая постепенно переходила к якобинцам, благодаря чему якобинизм согласно выводу современного историка Жерара Ментана с осени 1791 г. «перешел на национальный уровень, на высшую ступень, как с точки зрения организации, так и с точки зрения идеологии»¹⁰⁴.

Неудачей закончились и преследования республиканцев. 7 августа, после закрытия в июльские дни, вновь возобновил свою работу Клуб кордельеров. Сама же акция умеренных на Марсовом поле, «во время которой, как они считали, была разгромлена... республиканская партия, только готовила их собственное падение» (Малуэ)¹⁰⁵.

Таким образом, Варенский кризис положил начало сосуществованию в революционном лагере вплоть до лета 1792 г. двух соперничающих друг с другом крупнейших политических группировок – политической группировки якобинцев и политической группировки фельянов¹⁰⁶, соответствующих двум его магистральным тенденциям – демократической и либеральной.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ

В первых документах, изданных от имени «Общества друзей Конституции, заседающего у фельянов», его члены особо выделяли свое несогласие с тем политическим статусом, приобретенным якобинцами, который позволял им активно вмешиваться в действия органов власти. В дальнейшем в публикациях, отражавших точку зрения Клуба фельянов, в выступлениях его лидеров, в мемуарах его членов, в фельянской прессе критика организационных принципов якобинцев была конкретизирована и вместе с тем были намечены те организационные принципы, отличные от якобинских, на которых строилась фельянская группировка.

Главное звено в цепи расхождений с якобинцами по организационным вопросам фельяны видели в роли политической группировки в жизни общества, роли, определяющей основные черты ее устройства. Эта роль, по мысли фельянов, не остается постоянной и изменяется в соответствии с общенациональными задачами.

В начале революции, по словам А. Ламета, «политические общества... имеющие связи в столице и департаментах, способствовали свершению революции»¹⁰⁷. Более того, фельянский публицист Тевено де Моранд считал, что политические общества были даже «необходимы для разрушения Старого порядка»¹⁰⁸. Именно эти общества, подчеркивал в Учредительном собрании Ле Шапелье, «объединили умы, создали общие духовные центры», обеспечившие «уничтожение злоупотреблений, предрассудков и утверждение свободной Конституции»¹⁰⁹.

Осуществляя важную и необходимую революционную задачу по сплочению «патриотов», ассоциации граждан приняли ярко выраженный политический характер. И это было оправдано выполняемыми ими функциями. «Пока длилась революция, – говорил Ле Шапелье, – такой

порядок был почти всегда, скорее, полезен, чем вреден. Когда нация изменяет форму своего правления, каждый гражданин является магистратом, все обсуждают и должны обсуждать общественные дела и должно быть использовано все, что ускоряет и укрепляет революцию»¹¹⁰.

К 1791 г. обстановка, как считали фельяны, в корне изменилась. Революция закончилась, а потому должна измениться и роль политической группировки. Излагая точку зрения фельянов в Учредительном собрании, Ле Шапелье указывал на эту кардинальную перемену: «Когда революция закончилась, когда Конституция государства установлена, тогда необходимо, чтобы все пришло в совершенный порядок, чтобы ничто не препятствовало действиям установленных властей»¹¹¹. Окончание революции согласно фельянам должно положить конец прежней деятельности политических обществ, поскольку «они обладают огромным разрушительным зарядом и могут нанести непоправимый ущерб новому порядку»¹¹². Поэтому, когда речь идет о всемерной поддержке Конституции, все общества должны, по мысли фельянов, утратить свой политический характер и стать, по их терминологии, простыми частными собраниями граждан.

Взгляды фельянов по данному вопросу отразились в проекте декрета, представленного 29 сентября 1791 г. от имени конституционного комитета Ле Шапелье Учредительному собранию и вскоре ставшего законом. В нем речь шла о том, что «никакое общество, клуб, ассоциация граждан не могут иметь ни под каким видом политического характера, оказывать какое-либо влияние на действия установленных властей... что они не могут выступать от имени коллектива граждан – будь то в петициях или путем формирования депутатий... или по какому-либо иному поводу»¹¹³. В то же время (и это особо подчеркивал Ле Шапелье) частные собрания должны сохраниться как право граждан, провозглашенное «Декларацией прав»: «Общества, которые были образованы для пропаганды Конституции, для утверждения ее максим, являются только собраниями, клубами друзей... Они могут собирать информацию, обсуждать проблемы, обмениваться сведениями по тем или иным вопросам; но их собрания, их внутренние действия не должны переходить границ, очерченных ими же самими, носить какого-либо политического характера, иметь вид коллективных выступлений»¹¹⁴. В противном случае, если политические общества сохраняют свой статус, то они неминуемо «выступят против Конституции, вместо того, чтобы ее защитить»¹¹⁵.

В качестве примера наиболее опасной политической группировки фельяны приводят якобинцев. Так, Тевено де Моранд предостерегал в своей газете: «...Общество друзей Конституции было чрезвычайно полезно для революции, она (революция. – А. Т.), может быть, совсем не могла бы совершиться без него; но именно это общество, если не принять предосторожностей, ее погубит»¹¹⁶. Наибольшие опасения у фельянов вызывала сеть аффилированных обществ на местах, поскольку именно они обеспечивали Центральному клубу статус влиятельной политической силы. Выдающийся поэт и талантливый публицист А. Шенье, в то время член Клуба фельянов, приводит интересное описание действий аффилированных обществ Якобинского клуба: «Эти общества,

держась за руки, образуют нечто вроде электрической цепи, опутывающей Францию. Их совместные действия одновременны во всех уголках государства. Их неутомимая активность обрекла правительство на бессилие... Присвоив себе атрибуты публичной власти, они то превращаются в трибунал и приостанавливают действия местных властей, то прямо дают ей предписания»¹¹⁷.

Таким образом, якобинская организация не только сохраняла политический статус, но, более того, носила отчетливо выраженный «мобилизационный» характер, предполагавший активную политическую деятельность всех звеньев организации. Она постоянно держала общество в напряжении, постоянно его революционизировала. На эту черту якобинской организации указывал А. Шенье, ее же имел в виду Тевено де Моранд, когда писал: «Совершив революцию, народ не хочет быть постоянно революционером. Уполномочив своих представителей выработать для него Конституцию, он не хочет, чтобы вместо деспотизма министров утвердился деспотизм республиканской секты»¹¹⁸.

Очевидно, что фельяны, обсуждая роль ассоциаций граждан в жизни общества, непосредственно связывали ее с вопросом, который ранее явился причиной их выхода из Якобинского клуба: следует ли рассматривать революцию завершившейся, или же она имеет потенциальную возможность для дальнейшего развития. Так, якобинскую организацию фельяны воспринимали как органически ориентированное на продолжение революции политическое общество. Существование революционных политических организаций расценивалось ими как положительный факт применительно к той эпохе, когда было необходимо разрушить Старый порядок. Но, поскольку, по их убеждению, революция уже завершилась, они имеют тенденцию противопоставлять себя конституционным властям. Вот почему пришло время для иного типа ассоциаций граждан, названных фельянами неполитическими, частными, ввиду того, что они не должны были располагать возможностями активно вмешиваться в политическую жизнь.

Выдвигая идею о новом типе ассоциации граждан, фельяны первостепенное значение уделяли конкретизации ее организационных принципов и ее общественной роли. Исходя из того, что государство должно управлять обществом в соответствии с состоянием общественных умонастроений, они признавали нежелательным существование «партий», которые могли бы узурпировать право его интерпретации и на этом основании противопоставить себя конституционным властям¹¹⁹. Тем более недопустимо «их вмешательство в отношения между нацией и ее представителями в намерении оказать воздействие на обсуждение законов; между нацией и ее агентами с тем, чтобы помешать их исполнению»¹²⁰.

Однако фельяны не могли прямо отказаться от наследия политических организаций, не отвергая в то же время завоеваний революции, которые они сами хотели сохранить. Отсюда и двойственность их позиции по отношению к политическим клубам. В «Декларации друзей Конституции», датированной январем 1791 г., говорилось, что фельяны «рассматривают ассоциации граждан как чрезвычайно благоприятствующие развитию

общественного сознания, совершенствованию общественных добродетелей», если целью этих ассоциаций является изучение общественного мнения и воздействие на него путем пропаганды и личного примера. Свою организацию они именовали «просветительским обществом» (*société d'instruction*), которое опирается на единственную силу, силу общественного авторитета, и чья задача состоит в содействии бесперебойному функционированию созданных революцией государственных институтов¹²¹. В «Декларации...» также подчеркивалось, что Общество фельянов «никогда не станет партией, или, вернее, оно сразу же стало единственной партией, которая должна существовать, — партией Конституции»¹²².

Положения «Декларации...» показывают, что фельяны не отказывались от роли идейных и в известной мере политических лидеров французского общества. Этой задаче должна была соответствовать и организация, представляющая собой узкую, хорошо отобранную группу лиц, разделяющих одни и те же взгляды. Согласно «Декларации...», чтобы оградить себя от случайных людей, Общество взяло на вооружение самое действенное средство: чистка даст ему возможность удалить из своей организации членов с принципами, не соответствующими тем положениям, которым оно исключительно следует и чья репутация могла бы подорвать общественное доверие — единственную силу, на которую общество хотело бы опереться»¹²³.

Из рассуждений фельянов о конкретных принципах их организации и о той роли, которую они намеревались играть в общественной жизни Франции, следует, что в противоположность их общим убеждениям о правомерности существования в постреволюционной Франции исключительно частных собраний граждан Общество фельянов приобрело черты политической организации. Политическая направленность Общества фельянов в соответствии с его организационными принципами проявлялась прежде всего в явном стремлении стать в известной мере идейным лидером в общенациональном масштабе и обеспечить стабильность политического режима, введенного Конституцией 1791 г. В сущности, в организационных принципах фельянов можно увидеть попытку создания первой во Франции с начала революции общенациональной «партии порядка».

Несоответствие между заявлениями фельянов о недопустимости существования в условиях Нового порядка политических организаций и их поддержкой закона Ле Шанелье от 29 сентября о запрете таковых и политическим характером их собственного Общества было не случайным и хорошо ими осознавалось. Так, по свидетельству А. Ламета, он и вместе с ним еще около 20 видных деятелей Фельянского клуба уже через три месяца после образования Общества фельянов пришли к следующему выводу: «Учреждение нового политического клуба было непростительной ошибкой, совершенной некоторыми членами ассамблеи (Учредительного собрания. — А. Т.), так как мы сами содействовали принятию закона, который их запрещал. К такому мнению пришли я и мои друзья на собрании, которое имело место перед роспуском Учредительного собрания, где присутствовало около двадцати человек. Мы отдава-

ли себе отчет в непристойности такого положения, когда мы как простые граждане не следовали той точке зрения, которую раньше отстаивали как законодатели...»¹²⁴

Таким образом, фельяны сами признавали политический характер своей организации, но когда они противопоставляли созданное ими политическое общество якобинцам, то не грешили против истины. Правда, речь у них, скорее, шла не о противопоставлении «политического» Общества якобинцев «неполитическому» Обществу фельянов, а о различии между двумя политическими организациями разных типов – организации якобинцев, четко ориентированной на активные революционные действия, и их собственной, предназначенной для функционирования в уже установленной системе власти. На данное типологическое различие между фельянской и якобинской организациями указывал А. Ламет, признавая при этом, что учредители Клуба фельянов надеялись противопоставить якобинцам действенный противовес, каковой в конечном счете из фельянов не вышел: «...новый Клуб... был далек от того, чтобы когда-либо сравняться по влиянию с якобинцами, в чьих рядах находились люди деятельные и смелые, большинству из которых было нечего терять, и почти все они были воодушевлены страстным желанием захватывать (*acquérir*), тогда как Клуб фельянов состоял из людей богатых, а следовательно, апатичных и несмелых, противников, по правде говоря, беспорядков, но которые ничего не делали, чтобы им противостоять»¹²⁵.

Разработанные фельянами принципы организации их Общества были зафиксированы в Уставе Клуба¹²⁶. В первом его параграфе была четко сформулирована политическая платформа фельянов, предусматривающая «преданность Конституции королевства, декретированной Национальной ассамблеей и принятой королем» (ч. 1, п. 1). С точки зрения организации, Устав предполагал продолжение организационной традиции политических обществ первых лет революции, которая восходила к салонам, академиям и масонским ложам Старого порядка, – традицию так называемых «обществ для обсуждения» (*sociétés délibérantes*). Устав разрешал принимать на заседаниях Клуба решения только по делам внутриклубной организации. Иные вопросы могли лишь обсуждаться (ч. 1, п. 2). Высшим органом Клуба считалось Общее собрание его членов, проводимое каждые три месяца. Между собраниями управление его делами осуществляли выборные комиссары во главе с президентом и вице-президентом Клуба (ч. 2, п. 11). Членом организации мог стать любой гражданин не моложе 21 года, давший клятву верности Конституции и королю, обязующийся уплачивать ежегодные взносы – 4 луидора 6 ливров (106 конституционных ливров) и успешно прошедший сложную процедуру приема (ч. 1, п. 5, 6). Депутаты Национального собрания пользовались приоритетом при вступлении в Клуб. Процедура приема для них была значительно упрощена (ч. 1, п. 4).

Из анализа Устава Клуба следует, что он предполагал элитарную организацию с ясными политическими ориентирами, но не очень активную в общественной жизни.

Клуб фельянов стал ядром сложившейся к концу 1791 г. политической группировки, которой он дал название. В ее состав помимо Парижского клуба входили клубы в департаментах.

Сведения о центральной организации фельянов и о клубах на местах крайне немногочисленны. Это объясняется отсутствием каких-либо опубликованных записей заседаний и их закрытостью для публики. Даже дружественный фельянам «Babillard» недоумевал по этому поводу: «Почему Общество фельянов не публикует материалы своих заседаний? Много говорят об Обществе друзей Конституции, заседающем у фельянов. Однако не без основания жалуются, что это Общество... не публикует материалы своих заседаний»¹²⁷. Та же газета упрекала фельянов в том, что публике не разрешается присутствовать в Клубе во время заседаний¹²⁸. И все же имеющиеся материалы позволяют составить в общих чертах представление об основных моментах его истории.

Как уже было показано, либеральные якобинцы учредили Клуб фельянов с целью свести на нет влияние левой в Якобинском клубе. В первое время после раскола в действиях нового Клуба явно прослеживается стратегия его лидеров, направленная на подрыв позиций якобинской левой путем их политической изоляции в старом Клубе. На первых порах фельянам сопутствовал успех. Уже к 8 июля в Клуб фельянов записалось 365 человек¹²⁹, из которых 177¹³⁰ являлись депутатами Учредительного собрания. К началу августа согласно «Babillard» в Клубе фельянов собиралось около 400 депутатов¹³¹, тогда как у якобинцев их осталось только пять. Большой популярностью пользовались фельяны и у филиалов Якобинского клуба. С самого начала их поддержало 45 местных обществ, тогда как якобинцев – всего 26¹³². Однако подавляющее большинство провинциальных клубов, не имея достаточной информации о причине раскола, высказалось за объединение якобинцев и фельянов, так как считали возникшие между ними разногласия преходящими (по данным Ф. Фюре – около 150¹³³, согласно последним подсчетам М. Л. Кеннеди – 243)¹³⁴.

Ободренные первыми успехами, фельяны и в дальнейшем проводили курс на окончательный разрыв с якобинцами. Последние же, чувствуя непрочность своего положения, прибегали к более гибкой тактике. Уже 20 июля они предприняли попытку примирения с фельянами. В тот день к фельянам была отправлена делегация во главе с Керсеном и Манду, уполномоченная передать вышедшим членам Якобинского клуба приглашение вернуться в старый Клуб. Формально якобинцы демонстрировали свою готовность идти на уступки и признать некоторые обвинения, выдвинутые против них фельянами, в том числе и те, которые касались деятельности Якобинского клуба. Они предлагали фельянам совместно выбрать комиссию в составе 30 человек (14 из которых должны являться депутатами Учредительного собрания) для пересмотра порядка заседаний в Клубе и условий приема новых членов¹³⁵. Однако демарш якобинцев имел и определенный подтекст: во-первых, якобинцы демонстративно шли навстречу пожеланиям аффилированных обществ о восстановлении организационного единства; во-вторых, остав-

шиеся в Якобинском клубе левые якобинцы надеялись добиться возвращения той части бывших членов Клуба, которые в целом не сочувствовали умеренным, а предприняли совместную с ними акцию только из-за личных противоречий с лидерами левых (среди последних – Барер, Вадье, Кервелеган, Дюбуа-Крансе и др.).

Фельяны справедливо увидели в предложении якобинцев попытку найти выход из кризиса, в котором те оказались. Поэтому они отвергли сделанное им предложение, сославшись на малочисленность присутствующих в этот день на заседании членов Клуба¹³⁶. Подлинную причину отказа подробно изложил А. Барнав: «В то время, когда в Париже были заняты выборами депутатов в Законодательное собрание, якобинцы направили несколько своих членов к фельянам, чтобы им предложить вернуться в Клуб... Я присутствовал при приеме депутации и посоветовал Обществу не отказываться от их настоятельных просьб, а отложить любое обсуждение этого вопроса до окончания выборов; я сказал без всякого притворства, что демарш якобинцев, как мне кажется, предпринят для того, чтобы м. Бриссо был избран, и что, поскольку он хочет войти в число представителей народа только для того, чтобы иметь больше средств для уничтожения Конституции, я не думаю, что те, кто с гордостью называют себя ее защитниками, должны были бы помочь ему ее разрушить. Много других выступавших думали, как я, Обществу отложило на неопределенное время вопрос об объединении...»¹³⁷

В позиции, занятой А. Барнавом и поддержавшими его фельянами, обращают на себя внимание два момента. С одной стороны, он подчеркивает непримиримые разногласия с якобинцами (якобинцы – враги Конституции), с другой – за их маневром усматривает стремление вернуть утраченный ими политический вес, используя выборы в Законодательное собрание. Как известно, согласно закону, принятому 24 мая 1791 г., выборы в Законодательное собрание назначались на июнь (12–25 июня – выдвижение выборщиков и в 12-дневный период после них – выборы депутатов). Однако второй тур выборов был отсрочен в связи с варенскими событиями до августа–сентября. Теперь, когда выдвижение депутатов возобновилось, А. Барнав считал, что объединение якобинцев с фельянами. «по крайней мере, временное (а Барнав был уверен, что их невозможно будет примирить окончательно. – А. Т.), даст возможность обрести достаточно сил, чтобы стать хозяевами выборов и направить их (левых якобинцев. – А. Т.) лидеров в Законодательное собрание»¹³⁸.

В середине августа якобинцы вновь повторили свое приглашение фельянам присоединиться к ним. Но и это предложение, хотя рядовые члены и встретили его с пониманием, было фактически отвергнуто руководством Клуба¹³⁹.

Между тем в августе политическое положение Клуба фельянов резко изменилось. Он не только утратил почти все свое влияние, но и само его существование находилось под вопросом. Профельянский «L'Argus patriote» писал, что «менее чем через шесть недель после своего образования Клуб фельянов почти исчез из политической жизни»¹⁴⁰. Причиной упадка Общества фельянов явилось его фактическое поражение в соперничестве с якобинцами. Об этом свидетельствовал отток к ним большинства

членов Клуба фельянов – у последних к концу августа осталось только 56 депутатов Учредительного собрания. Кроме того, за якобинцами пошло подавляющее большинство аффилированных обществ – не менее 442, тогда как к фельянам отошло всего около 60¹⁴¹. Не последнюю роль в успехе якобинцев в борьбе за аффилированные общества сыграла умело поставленная ими пропаганда¹⁴². Теперь якобинцы могли уже не опасаться соперничества фельянов. Лидеры последних фактически были изолированы – то, что они замыслили против якобинцев, в конечном счете обернулось против них самих, и якобинцы приняли против них жесткие меры: 25 сентября Якобинский клуб исключил из своих рядов Дюпора, Шарля и А. Ламетов, Г.-Ш. Гупиль-Префельна и А. Барнава, которые, как гласила резолюция, «не могут более находиться среди истинных друзей гуманности и Конституции»¹⁴³.

Борьба против якобинцев была важной, но не единственной сферой деятельности Клуба фельянов. Не менее пристальное внимание его члены уделяли парламентской деятельности – предварительному обсуждению вопросов, вносимых затем на обсуждение высшего законодательного органа власти. Факты, свидетельствующие об этой стороне их деятельности, немногочисленны. Известно, например, что Ж.-Г. Турэ – докладчик конституционного комитета – 4 августа 1791 г., за день до того, когда он должен был внести проект Конституции для окончательной редакции Учредительным собранием, поставил его на обсуждение в Клубе¹⁴⁴. Еще одно известие о согласовании позиций депутатов-фельянов в Клубе относится к 14 августа. Обсуждался важный конституционный вопрос о национальном конвенте, конституционном органе, который наделялся полномочиями по пересмотру Конституции¹⁴⁵. На рассмотрение Клуба данную проблему внес Л. Рамон накануне дискуссии по этой проблеме в Учредительном собрании. Благодаря заранее согласованным действиям, фельянам удалось провести свою точку зрения. Есть и еще одно свидетельство о совещании в Клубе – по поводу порядка представления Конституции на утверждение королю¹⁴⁶.

Потерпев поражение в борьбе с якобинцами, Клуб фельянов переживал в конце сентября настолько глубокий кризис, что даже А. Барнав считал его «распушенным или почти распушенным»¹⁴⁷. Но в октябре в связи с началом работы Законодательного собрания деятельность Общества фельянов вновь восстанавливается. Еще в конце сентября, когда в Париж стали прибывать депутаты Законодательного собрания, умеренные приняли решение возобновить свои собрания у фельянов¹⁴⁸. Согласно дошедшему до нас списку членов Клуба, датированному 4 октября 1791 г., в него записалось 175 депутатов вновь избранного Законодательного собрания, а всего в составе Клуба насчитывалось 887 человек¹⁴⁹. К концу года (на 1 декабря) число членов в Клубе достигло максимального уровня. В нем собирались 334 депутата Законодательного собрания и 800–900 других членов¹⁵⁰.

Возрождение Общества фельянов вызвало негативную реакцию у якобинцев, в особенности у их жирондистского крыла. Последние, чтобы окончательно добить своего противника, воспользовались новым муниципальным законом, предписывающим политическим клубам про-

водить исключительно открытые заседания. Журналист жироидист Жире-Дюпре стал появляться на собраниях фельянов в окружении 200–300 санкюлотов¹⁵¹. Они поднимали шум и срывали заседания¹⁵². 23–26 декабря произошли крупные беспорядки в помещении Клуба фельянов¹⁵³. Поскольку все это случилось недалеко от мансжа – места заседаний Законодательного собрания, то 27 декабря депутаты приняли решение запретить любым клубам располагаться рядом с местом его работы. Фельяны вынуждены были покинуть свою резиденцию. В дальнейшем они пытались обосноваться в ряде парижских отелей – Лузиньян, Ришелье, наконец, в монастыре Сент-Оноре¹⁵⁴. Об их собраниях в монастыре Сент-Оноре сообщает «Patriote français» от 31 марта: «Фельяны вскоре возобновят свои заседания, они соберутся в церкви Сент-Оноре. М. Адриен Дюпор должен быть президентом, а м. Барнав, вернувшийся в Париж, – секретарем»¹⁵⁵. Фактически с января Общество фельянов приходит в полный упадок. Оно напоминает, скорее, салон, чем политическое общество. На его заседаниях собираются не более 50 депутатов. Ж. Мишон с известным основанием писал, что с конца 1791 г. Общество фельянов практически прекратило свое существование¹⁵⁶. С ним солидарен и современный историк Законодательного собрания Митчелл, согласно которому начиная с первых месяцев 1792 г. «назвать какого-либо депутата фельяном было, скорее, риторическим приемом, а не указанием на реальное членство в Клубе»¹⁵⁷. Точку в истории Общества фельянов поставила 18 августа Коммуна Парижа, когда по ее решению Клуб был закрыт полицией, а его бумаги опечатаны¹⁵⁸.

Суммируя имеющиеся в нашем распоряжении факты истории Клуба фельянов, можно выделить три этапа в его жизни и деятельности: 1-й этап (16 июля – конец сентября 1791 г.) характеризовался окончательным организационным разрывом с Якобинским клубом, парламентской активностью, наконец, временным упадком; 2-й этап (октябрь 1791 – январь 1792 г.) – возрождение Клуба в связи с началом работы Законодательного собрания, очередное поражение от якобинцев; 3-й этап (январь–август 1792 г.) – кризис и гибель Клуба фельянов.

Помимо вертикальной структуры – Центральный клуб и клубы на местах – группировка фельянов включала и горизонтальную структуру – Центральный клуб и примыкающие к нему организации. Среди последних следует назвать две наиболее важные: Клуб Сент-Шапель, объединивший парижских выборщиков, голосовавших за умеренных кандидатов на выборах в Законодательное собрание, и Клуб Массиак, представлявший собой политическое лобби белых плантаторов французских колоний.

Клуб Сент-Шапель образовался в середине сентября 1791 г. в результате раскола среди выборщиков Парижского департамента на демократов и умеренных. Поводом к расколу явилось выдвижение Ж.-П. Бриссо в депутаты от Парижа в Законодательное собрание. Левое крыло корпуса выборщиков, поддержавшее кандидатуру Бриссо, обосновалось в Епископстве, правое – в церкви Сент-Шапель¹⁵⁹. Профельянский «Babillard» писал по этому поводу: «Известно, что выборщики образовали два клуба, один из которых проводит свои заседания в Сент-Шапель, другой – в Ар-

хиепископстве. Первый избрал в Законодательное собрание негодичантов, деятелей культуры, писателей, адвокатов. Другой выдвинул в качестве депутатов интриганов, спекулянтов, людей бесстыдных, низких льстецов при Старом порядке и безумных демагогов при Новом. Выборщики Сент-Шапель называют членов собрания в Архиепископстве бриссотинцами»¹⁶⁰.

Клуб выборщиков в Сент-Шапель вскоре фактически примкнул к фельянам. Многие его члены одновременно являлись и членами Клуба фельянов. Клуб Сент-Шапель, объединивший около 40% парижских выборщиков, как и собрание проякобинских выборщиков в Архиепископстве (12%), выполнял роль «группы давления» на общественное мнение и на собрание выборщиков Парижского департамента. Однако и здесь фельянам не сопутствовал успех. В Законодательное собрание из 24 парижских депутатов попало только пять фельянов.

Полное название другой примкнувшей к фельянам организации – Клуб отеля Массиак. Отель принадлежал маркизу Морда́ де Массиак. Там собирались представители колониальной элиты – те, кто владел крупной собственностью на Санто-Доминго и на Малых Антильских островах, представители высшей колониальной администрации, а также негодичанты, чьи интересы лежали в области колониальной торговли. В 1791 г. Клуб отеля Массиак насчитывал 435 членов¹⁶¹.

Общество Массиак являлось одной из крупнейших лоббистских группировок первых лет революции. В противовес возникшему еще до революции Обществу друзей чернокожих оно выступало за сохранение работоторговли, против предоставления гражданских прав цветному населению колоний и, шире, – за автономию колоний, при которой все внутриколонийные вопросы решались бы собраниями белых колонистов¹⁶². Помимо связей в колониях этот Клуб имел неоспоримое влияние и в метрополии. Он поддерживал самую тесную связь с негодичантами Амьена, Бордо, Ларошели, Напта, Дюнкерка, Гавра, Рошфора, Руана и Сен-Мало¹⁶³. Между Клубом Массиак и Клубом фельянов также существовали тесные отношения. Так, признанные лидеры белых колонистов Ги д'Арси и Моро де Сен-Мери состояли членами Клуба фельянов. С другой стороны, в состав Клуба Массиак входили Ламеты, владевшие недвижимостью на Санто-Доминго. Тесные контакты сложились между семьей влиятельного члена Клуба Массиак Жана-Жозефа Лаборда-Меревилля, бывшего банкира двора, владевшего одним из самых крупных состояний на Санто-Доминго, и триумвиратом. Исследовавший их взаимоотношения Ф. Вермаль считал эти отношения настолько близкими, что, по его мнению, следовало бы говорить не о триумвирате, а о квадрумвирате – А. Барнаве, А. Дюпоре, А. Ламете и Лаборде-Меревилле-сыне¹⁶⁴. Барнав дважды в течение 1791 г., в мае и сентябре, активно защищал интересы плантаторов в Учредительном собрании, протестуя против предоставления цветному населению колоний прав «активных» граждан на том основании, что этот вопрос являлся внутренним делом колоний. Общество Массиак даже выразило ему в протоколе своего заседания от 16 июня 1791 г. благодарность за «горячую приверженность интересам колоний»¹⁶⁵. Жан-Жозеф Лаборд-Меревиль в свою очередь еще весной 1791 г. рекомендовал Барнава коро-

леве как кандидата, достойного заменить О. Мирабо в роли негласного советника короля¹⁶⁶.

Характеристика структурных элементов группировки была бы неполной без характеристики их политических лидеров – элемента, который, по словам А. Грамши, обладал «мощной связующей силой – централизующей, дисциплинирующей»¹⁶⁷. Наиболее популярными среди них были генерал Лафайет, А. Барнав, А. Дюпор и А. Ламет. Эти политические деятели пользовались общенациональной известностью. Вместе со своим ближайшим окружением, куда входили влиятельные среди фельянов лица, в основном депутаты Учредительного и Законодательного собраний, они играли подчас ключевую роль в деятельности группировки. Лафайета, по словам современного его биографа, «несомненно надо отнести к числу «практиков», пыгавшихся реализовать либеральные принципы и идеи в жизнь»¹⁶⁸. Триумвират действовал как единое целое. Ф. Тулонжон, знавший А. Барнава, А. Дюпора и А. Ламета, писал: «...роли были разделены: Дюпор думал, что нужно сделать, Барнав это говорил, а Ламет это делал»¹⁶⁹. Сторонниками Лафайета («файетистами») были депутаты Учредительного собрания: генералы Латур-Мобур и Каstellан, адвокаты Ле Шапелье, Бомец и Эммери; депутаты Законодательного собрания: писатель и ученый Рамон, адвокаты Бёньо и Даверу, Станислав Жирарден, известный своей дружбой с Ж.-Ж. Руссо в последние годы жизни писателя, а также бывший маркиз Грасье. Группу политических деятелей из окружения триумвирата («ламетистов») представляли депутаты Учредительного собрания: д'Андре, Лаборд-Меревиль Младший; депутаты Законодательного собрания: бывший граф Вьено-Воблан, старший брат А. Ламета Т. Ламет, генерал М. Дюма, адвокаты Дюмоляр, Бекке, Жокур. Список сторонников Лафайета и триумвирата можно было бы продолжить.

Внутри названных групп, или течений, «ламетистов» и «файетистов» формировались кружки наиболее тесно сплоченных людей, иногда называемые «комитетами»¹⁷⁰. Их значение особенно возросло в связи с прогрессирующим упадком Клуба фельянов, начиная с первых месяцев 1792 г. На собраниях этих кружков принимались важнейшие политические решения. Так, в одном из комитетов, включавшем Барнава, Дюпора, А. Ламета и д'Андре, обсуждалось предложение королевы Барнаву стать тайным советником двора. Предложение было принято. Политические рекомендации триумвирата в виде записок при посредничестве графа Жержайеса и его жены де Лаборд – придворной дамы королевы – передавались Марии-Антуанетте вплоть до января 1792 г.¹⁷¹ Роль данного комитета в жизни группировки еще более возросла, когда благодаря связи с двором его члены получили возможность влиять на высшую исполнительную власть в лице короля и, в частности, на назначение министров. Иногда важность стоящей перед группировкой проблемы требовала совместной встречи «ламетистов» и «файетистов». Так было, например, весной 1792 г., когда речь шла о необходимости внести изменения в Конституцию, чтобы сделать ее более консервативной. Собрания проходили либо у Дюпора¹⁷², либо в салоне госпожи де Сталь. У нее в доме «файетисты» и «ламетисты» также встречались с жирондистами – Гаде, Жансонне, Петноном, Бюзю¹⁷³.

Не всегда обоим течениям внутри руководящей верхушки фельянов удавалось поддерживать согласие. Однако противоречия между ними носили тактический характер, отчасти объясняемые соперничеством за влияние в группировке (в 1791 г. в ней преобладали «ламетисты», а в 1792 лидерство перешло к «файетистам»). В 1797 г. А. Ламет в письме к Лафайету подчеркивал превалирование в группировке центростремительных сил над центробежными: «Общим между нами было желание защитить Конституцию (имеется в виду Конституция 1791 г. – А. Т.)... а также не допустить по возможности губительных разногласий»¹⁷⁴.

Сходную ретроспективную оценку противоречий между «файетистами» и «ламетистами» дал в мемуарах Т. Ламет: «Эти две партии... часто находились в оппозиции друг к другу, но немедленно объединялись, когда свобода грозила опасностью»¹⁷⁵.

В своей практической деятельности фельяны особое место уделяли воздействию на общественное мнение через прессу.

Периодические издания, находившиеся под контролем группировки (около полутора десятков названий), подразделялись на предназначенные для образованной социальной верхушки общества («Logographe», «L'Argus patriote», «Gazette universelle») и адресованные народным низам («Babillard», «Chant du Coq»). Фельяны контролировали и газету, предназначенную для крестьян («Feuille villageoise»). Кроме того, с точки зрения тематики профельянская пресса ранжировалась от бульварных газеток типа «Feuille du jour» до изданий, содержащих аналитический обзор важнейших политических проблем – «Journal de Paris», «L'Amis des Patriotes...» Фельянская периодика зачастую тайно субсидировалась из средств королевского гражданского листа («Logographe», «Babillard», «Chant du Coq», «L'Amis des Patriotes...», «L'Indicateur ou Journal des causes et des effets») ¹⁷⁶. В этих газетах сотрудничали талантливые журналисты-фельяны, среди которых следует назвать Эсменара (редактор «Babillard»), Дюко, Тастеля и Леходэ (сотрудники «Logographe» и «Debat»), Дюкенуа (редактор и автор «L'Amis des Patriotes...») и его преемника Рено де Сен-Жан д'Анжели, журналиста Тевено де Моранда (редактор и автор «L'Argus patriote»), известного своей скандальной репутацией еще при Старом порядке. Из приведенной плеяды журналистов выделялся талантливый фельянский публицист А. Шенье – крупнейший поэт XVIII в. В его статьях сначала в «Moniteur», а затем, с конца 1791 г., в «Journal de Paris» настолько отчетливо и ярко были изложены политические установки фельянов, что известный историк французской прессы Е. Атен считал возможным идеи фельянов искать в статьях Андре Шенье, опубликованных в «Journal de Paris»¹⁷⁷. Вокруг «Journal de Paris» вскоре объединилась группа фельяньских публицистов, привлеченная к участию в газете бывшим королевским цензором академиком Ж.-Б. Сюаром, сменившим в ноябре 1791 г. на посту редактора Кондорсе, вызвавшего недовольство учредителей газеты своими левыми взглядами¹⁷⁸. Корреспонденции в газету присылали Ф. де Панж, братья Трюдену, Ш. Лакретель, поэт Руше, Морелле, Ф. Шерон, известный экономист-физиократ Д. Немур, Ларошфуко-Лианкур¹⁷⁹. С начала 1792 г. и вплоть до августа «Journal de Paris» был ведущим печатным органом фельянов.

Руководящие статьи, помещенные в этой газете, перепечатывались в «L'Amis des Patriotes...» и «Gazette universelle». Наиболее важные газетные кампании, берущие начало на страницах «Journal de Paris», находили поддержку и развитие в «Logographe», «L'Argus patriote», «Spectateur et modérateur»¹⁸⁰.

Как и любая политическая группировка, фельяны стремились установить контроль над высшими органами власти. Многие из них хотели «получить места, предоставляемые выбором народа»¹⁸¹.

Ярким примером политической активности фельянов в их стремлении контролировать высшие органы власти может служить участие в кампании по выборам депутатов в Законодательное собрание в августе–сентябре 1791 г. В ней приняли участие как Парижский клуб, так и поддерживающие его клубы на местах. Об этом свидетельствует дошедший до нас документ – «Адрес Общества друзей Конституции, заседающего у фельянов» – аффилированным обществам по поводу выдвижения депутатов в будущее Законодательное собрание¹⁸².

Правильному выбору депутатов фельяны придавали решающее значение в деле упрочения стабильности Нового порядка: «... (Государство. – А. Т.) будет спасено, – говорилось в обращении, – если выборщики сделают правильный выбор; если они сделают плохой выбор, оно погибнет безвозвратно»¹⁸³.

Однако успех не сопутствовал фельянам на выборах, хотя результаты и показали их политический вес. Они одержали победу в 16 департаментах, всего же в Законодательном собрании депутаты-фельяны представляли 64 департамента¹⁸⁴. На прилагаемой карте-схеме, показывающей географию выборов, можно выделить три «очага фельянов»: первый охватывает департаменты Юго-Востока Франции – Вар, Верхние Альпы, Нижние Альпы, Изер, к ним примыкают Лозер, Гар и Тарн; второй включает район департаментов Эндр, Алье, Юра, Эндр и Луара; третий – департаменты севера страны – Сена и Марна, Йонна, Нижняя Сена, Эна, Па-де-Кале. Выборы в Законодательное собрание положили начало формированию долговременной правой традиции в географии выборов. Из выделенных 16 департаментов, где во время выборов преобладание осталось за фельянами, 7 (Лозер, Гар, Эндр, Сена и Марна, Нижняя Сена, Эна, Па-де-Кале) вплоть до 1799 г. будут стойко следовать правой ориентации¹⁸⁵.

Помимо значительных парламентских фракций в Учредительном и Законодательном собраниях фельяны опирались на ряд ключевых Парижских муниципальных органов власти. Полностью фельянской была директория Парижского департамента – Сены и Уазы. Кресло ее президента занимал герцог Ларошфуко д'Анвиль; в нее входили: Талейран, Сийес, Пасторе, Деманж и др.¹⁸⁶ Вплоть до октября 1791 г. профельянским оставался муниципалитет Парижа во главе с Ж.-С. Байи. Их поддерживала Национальная гвардия, находящаяся под началом профельянского штаба. Чувствительная неудача постигла фельянов, когда в ноябре 1791 г., после отставки Байи, в ходе выборов нового мэра их кандидат Лафайет потерпел поражение против жирондиста Ж. Петюона и они утратили контроль над мэрией Парижа.

Характерной чертой фельянов в стремлении утвердиться у власти явилась их борьба за господство в министерстве. Во время пересмотра

Конституции в августе 1791 г. фельянам не удалось добиться отмены майского закона, запрещавшего депутатам Учредительного собрания длительное время занимать министерские посты. В очередном послании к королеве А. Барнав признавал, что этим была нанесена «серьезная рана свободе»¹⁸⁷. Потеряв надежду самим занять министерские посты, триумvirат приложил максимум усилий, чтобы, используя связи с двором, добиться назначения в министерство своих протеже. Согласование кандидатур на министерские посты – важнейший вопрос, обсуждавшийся в переписке А. Барнава с королевой¹⁸⁸. В ноябре обе стороны пришли к соглашению: на пост министра иностранных дел был назначен А. Делессар, пост военного министра занял Л.-М.-Ж. Нарбонн¹⁸⁹.

Принимая участие в формировании министерства, фельяны стремились создать сильное и стабильное правительство национального доверия. Однако в этом они не преуспели. Разногласия между «файетистами» и «ламетистами» отразились и на деятельности нового министерства. В январе 1792 г. Ж. Малле дю Пан оставил запись в дневнике о расколе в министерстве. Одна его часть контролировалась Ламетом, Дюпором и Барнавом и включала министра иностранных дел Делессара, канцлера Дюпор-Дюерттра и негласно их поддерживающего Б. де Моллевиля – морского министра. Нарбонн же стал доверенным лицом Лафайета¹⁹⁰. Недоверие «ламетистов» к Нарбонну возросло, когда стало известно о его контактах через салон мадам де Сталь с жирондистами – Кондорсе, Инаром и Бриссо¹⁹¹.

Разногласиями в министерстве воспользовались жирондисты, которые спровоцировали острейший министерский кризис, разразившийся 10 марта 1792 г. и завершившийся отставкой Нарбонна, Делессара, Б. де Моллевиля, Дюпор-Дюерттра и утратой фельянами важной для них опоры в министерстве.

Переживая это событие, много лет спустя в своих мемуарах М. Дюма писал: «После этого злосчастного дня конституционная партия... не могла найти никакой поддержки в дезорганизованном правительстве»¹⁹². Сменившее профельянское министерство так называемое «первое жирондистское министерство» продержалось до 12 июня и ушло в отставку в результате очередного правительственного кризиса, после чего министерство ненадолго (до середины июля) вновь попало в руки фельянов. При этом министерство вновь оказалось поделенным между «ламетистами» и «файетистами». При трех «нейтральных» министрах Шамбонна (министр иностранных дел) и Терье де Монсель (министр внутренних дел) были сторонниками «ламетистов», тогда как военный министр де Лежар являлся личным другом Лафайета¹⁹³. Но к тому времени сами фельяны фактически перестали быть влиятельной политической силой и их возвращение в министерство уже не имело для них практического значения.

* * *

Существенной чертой политической организации, отражающей ее политическое влияние, является вопрос о социально-профессиональном составе этой организации. Имеющиеся данные позволяют выяснить, представители каких социальных категорий, вышедших из Старого по-

рядка, составляли Клуб фельянов. Этот материал дает определенный ориентир для объяснения идейно-политической ориентации фельянов¹⁹⁴.

Из 887 членов Клуба фельянов, чьи фамилии значились в списках от 4 октября 1791 г., социально-профессиональные характеристики удалось установить для 601 человека (см. табл. 2). 101 из них принадлежал к бывшим привилегированным сословиям: к духовенству – 33 и дворянству – 68. Среди духовных лиц большинство приходится на низшее духовенство: кюре, священники – 22, а также примыкающие к ним по статусу приоры и викарии – 6. Наиболее многочисленными группами дворян являлись представители военного дворянства – 31 и должностные лица (робены) – 14, владевшие должностями в верховных судах, бальяжах, сенешальствах и первичных податных округах – элексьонах.

Наиболее многочисленными в кругу членов Клуба фельянов являлись выходцы из бывшего третьего сословия – 500. В числе последних доминировали представители верхушки третьего сословия. Это были собственники различных государственных должностей – держатели высших судебных и финансовых должностей (аноблирующих), должностные лица бальяжей и сенешальств, королевские прокуроры и адвокаты, королевские нотариусы, должностные лица элексьонов и прочие чиновники, всего – 100 (см. табл. 2); представители сеньоральной и муниципальной властей – 27; военные и кавалеры ордена св. Людовика – 19; банкиры – 9; негоцианты – 56; предприниматели – 7; «буржуа» – 4; фермеры – 20; итого – 242 человека. Верхушка третьего сословия при Старом порядке пользовалась определенными правами и привилегиями, которые хотя и уступали правам и привилегиям первых двух сословий, все же обеспечивали ей особое положение в рамках третьего сословия и открывали в некоторых случаях путь к аноблированию¹⁹⁵. К верхним слоям третьего сословия принадлежала также и часть лиц свободных профессий, которых насчитывалось 212 в составе Клуба фельянов. Некоторые из них, как, например, Ле Шапелле, автор знаменитого закона против «коалиций» и стачек, был даже аноблирован. Другие занимали гораздо более скромное положение в общей массе третьего сословия.

Таким образом, члены Клуба фельянов, по крайней мере в подавляющем большинстве своем, принадлежали к социальным группам, занимавшим подчас видное место в социальных структурах Старого порядка. Их разрыв с этим порядком во время революции был подготовлен социальными изменениями, результаты которых отчетливо проявились во второй половине XVIII в.

Представители деловых кругов – негоцианты, банкиры, предприниматели, фермеры и отчасти дворяне, являвшиеся предпринимателями уже по самому характеру их деятельности, – все меньше были включены в доминировавшие в сословно-корпоративной системе Старого порядка помещельно-рентные отношения¹⁹⁶. Отсюда и растущая оппозиционность в среде этих социальных групп Старому порядку, особенно заметная в 80-е годы XVIII в. Падение стоимости покупных должностей в последние годы Старого порядка и осознание того, что даже при владении должностями, дающими право на аноблирование, невозможно занять равное социальное положение с привилегированными и тем самым поколебать их социально-

политическую монополию, во многом объясняет отход от поддержки институтов Старого порядка бывших держателей различных покупных должностей¹⁹⁷. Наконец, лица свободных профессий – эта интеллектуальная элита того времени, воспринявшая либеральные идеи Просвещения, – ратовала за «разумные» общественные реформы.

Все эти буржуазные социальные группы, чьи представители собирались в Клубе фельянов, хотя и поддерживали начавшиеся в 1789–1790 гг. революционные перемены, все же отнеслись к развивающемуся революционному процессу с определенным опасением – по меткому выражению Тэйлора, «буржуазия не доверяла Новому порядку сколько-нибудь больше, чем Старому»¹⁹⁸. Это предопределило их умеренные политические позиции и поиски компромиссов с бывшими привилегированными с целью предотвратить радикализацию революции¹⁹⁹. Вот почему, «начиная с лета 1789 г. и до весны 1791, партия реформаторов была более или менее едина во мнении, что революция могла бы быть безболезненно завершена... политически либеральным дворянством и социально консервативной буржуазией»²⁰⁰. Наличие в составе членов Клуба фельянов представителей бывших привилегированных сословий свидетельствовало о глубоком размежевании в рядах последних, начавшемся задолго до революции. Эти процессы проявились в выделении либерально-дворянского крыла, готового идти на определенные уступки третьему сословию²⁰¹, а также в растущей оппозиционности низшего духовенства (кюре), в основном выходцев из рядов третьего сословия, высшим церковным иерархам, в подавляющем большинстве происходившим из родовитого дворянства²⁰².

Обзор наиболее значительных социальных групп, представители которых входили в Клуб фельянов, показывает, что в его социальном облике нашел отражение процесс сближения некоторых слоев бывших привилегированных сословий, и прежде всего части дворянства, с буржуазными верхами третьего сословия в условиях общего буржуазного переустройства французского общества.

Социальный облик политической группировки фельянов может быть уточнен на основе имеющихся в нашем распоряжении фактов, говорящих о том, какие группы французского общества ориентировались на нее и выражали поддержку проводимому ею политическому курсу. Так, заслуживает внимания интересное письмо в фельянский орган «*Journal de Paris*» одного крупного коммерсанта, называющего себя «буржуа». Оно было опубликовано на страницах газеты именно тогда, когда в революционной прессе обсуждалась проблема той роли, которая принадлежит буржуазии в революции и в новом французском обществе. К тому времени «*Journal de Paris*» уже опубликовал приведенную выше (см. с. 77) апологию А. Шенье новой общественно-политической силе – «буржуазии». Автор письма, отвечая на статью жирондиста Горса, назвавшего всех, кто занимался крупной оптовой торговлей, аристократами, заявлял вслед за А. Шенье, что нужно «искать патриотизм, разум и все добродетели в этом среднем классе, который стоит выше физической нужды и равным образом условной нужды, вызываемой стремлением к роскоши и спесью...» «Хотя я и буржуа, – продолжал далее автор, – я не жалею ни о дворянстве, ни о куртиза-

нах... я люблю равенство, но признаюсь, что его недостаточно для моего счастья. Для моей торговли необходимо, чтобы собственность усиленно охранялась законами и специальными органами и чтобы я не опасался однажды увидеть разграбленными мою лавку и мой магазин бандитами, которые плетут заговоры против свободы по ту сторону Рейна, а также пикосцами, объявляющими себя ее защитниками»²⁰³.

Приверженность к политике фельянов демонстрировали самые разные буржуазные социальные группы. Об этом свидетельствует сохранившаяся и опубликованная в «Archives parlementaires» лоялистская петиция «настоящих граждан города Руана»²⁰⁴ королю, датируемая летом 1792 г. В ней предлагается закрыть все революционные клубы, и в первую очередь якобинские, что полностью совпадало с планами фельянов. Поскольку в Руане последние пользовались значительным влиянием, то не исключено, что этот документ был ими же и инспирирован. Петицию подписали 4 000 граждан; для 46 из них указан социально-профессиональный статус. Среди последних наряду с представителями верхних буржуазных слоев (негоцианты – 5 человек, «буржуа» – 5, фермеры – 1) значительное место занимают представители мелкой и средней буржуазии (служащие – 2 человека, священники – 1, торговцы – 7, лица свободных профессий – 4, мелкие и средние буржуазные предприниматели (fabricants, menuisier, manufacturier) – 21 человек).

И все же на фельянов ориентировались прежде всего буржуазные верхи французского общества. Об этом свидетельствуют материалы о размежевании в провинциальных клубах после раскола Якобинского клуба в Париже и образовании Клуба фельянов. Так, в Лионе существовало два умеренных клуба, объединивших представителей местной элиты, – Общество друзей Революции и Общество друзей Конституции. В противовес им в сентябре 1790 г. будущие жирондисты М.-Ж. Ролан и Ф.-К. Лантена основали демократический Центральный клуб. После образования Клуба фельянов в Париже Центральный клуб не только стал аффилированным обществом Якобинского клуба в Париже, но и добился после 10 августа 1792 г. роспуска своего конкурента – Общества друзей Конституции как «гавани фельянов». Другой умеренный клуб прекратил свое существование уже осенью 1791 г.²⁰⁵

В Ренне в эпоху Учредительного собрания существовал только один клуб, где доминировали судейские чиновники. Ситуация изменилась, когда в него по истечении депутатских полномочий был принят один из основателей парижского Клуба фельянов Ле Шапелье. Якобинский клуб в Париже в ответ отказался вести переписку с клубом в Ренне, пока из него не будет исключен Ле Шапелье. В результате произошел раскол в реннском клубе. Из него вышли проякобински настроенные члены и в начале декабря 1791 г. основали Общество друзей Конституции. По подсчетам современного историка Р. Дюпон среди вышедших из клуба были представители мелкой буржуазии – служащие, ремесленники. Судейские чиновники остались в старом клубе. Только в марте 1792 г. последний, оказавшись в политической изоляции, вынужден был исключить из своих рядов Ле Шапелье и затем слиться с новым клубом²⁰⁶. Расколы произошли в клубах Шатору и Риома, где в апреле–мае 1792 г. образовались демократические клубы.

В Фуа аффилированный клуб Якобинского клуба в Париже, выросший из литературного салона эпохи Старого порядка и имевший среди своих членов много бывших дворян и почти всю местную администрацию, в начале 1792 г. был исключен парижскими якобинцами из сети якобинских клубов, куда вошел его политический оппонент, демократический клуб, где преобладали ремесленники. Уже после падения монархии из старого клуба были изгнаны все умеренные элементы, и он вновь вошел в число аффилированных клубов якобинцев²⁰⁷.

В Ниме, административном центре департамента Гар, со времен Учредительного собрания действовало Общество друзей Конституции, многие члены которого принадлежали к местной администрации. В ноябре 1791 г. возник и его соперник – Народное общество Нима, состоявшее в основном из представителей мелкой буржуазии. Противостояние двух обществ достигло апогея в апреле 1792 г., когда Народное общество Нима поддержал Якобинский клуб в Марселе, давший следующую характеристику обоим обществам: «Одни бедные, другие – богатые. У одних хорошие принципы, у других – плохие, одни являются якобинцами, другие – фельянами»²⁰⁸. Еще более показательны социальные последствия выхода из Якобинского клуба в Страсбурге в феврале 1792 г. местных умеренных во главе с мэром города Дитрихом. Современный американский исследователь Д.-М.-Ж. Сазерленд пришел к выводу, что после раскола «Якобинский клуб в Страсбурге имел в своем составе в три раза больше, чем ранее, ремесленников, а доля деловой и промышленной буржуазии упала, поскольку многие ее представители присоединились к местному Клубу фельянов»²⁰⁹.

Приведенные данные отражают ситуацию по стране в целом. По авторитетному мнению крупного специалиста по истории революционных клубов Луи де Карденаля, «просвещенная буржуазия, которая доминировала на собраниях клубов в 1790 г. ... стала профельянской»²¹⁰. К подобным выводам пришел и современный историк якобинских клубов Кеннеди, отмечая резкое сокращение доли крупной буржуазии в якобинских клубах после раскола с фельянами: «Доля средней и крупной буржуазии, под которой мы понимаем врачей, юристов, преподавателей, священников, оптовых торговцев, рантье, государственную администрацию и им подобных, падает в процентном отношении после сентября 1791 г.»²¹¹. После 1791 г., по данным исследователя, случаи принятия в члены клубов влиятельных предпринимателей были редки и в целом доля этой группы в составе членов клубов резко сократилась²¹².

Вместе с тем сказанное не означает, что средняя и крупная буржуазия утратила влияние на революционную политику. Эти слои продолжали держать в своих руках бразды правления, составляя 2/5 членов якобинских клубов²¹³.

Наряду с буржуазией определенные надежды на Общество фельянов возлагали и бывшие привилегированные. Как сообщает в «Истории Французской революции» Б. де Моллевиля, хорошо осведомленный об их действиях и планах, «умеренные роялисты... хотя и не находили в этом обществе принципов, столь же честных, каковыми они сами руководствовались, все же считали его полезным для королевства единственно потому, что оно

противостояло якобинцам и могло однажды сделаться объединяющим центром для неэмигрировавших роялистов...»²¹⁴ Тот факт, что Клуб фельянов привлек к себе внимание бывших дворян, вызывал опасение и даже негодование революционных демократов. Так, в одной из фельянских брошюр приводилось выступление в Клубе фельянов некоего Лалуэ, солдата-гражданина, который заявлял собравшимся в Клубе: «Народ признает вас... если вы не станете впредь принимать у себя... бывших дворян, надувшихся от спеси и поглощаемых желанием господствовать...»²¹⁵

Итак, фельяны снискали себе симпатии как в буржуазной среде, и прежде всего в ее верхних и средних слоях, так и среди части бывших привилегированных.

В социальном облике фельянов можно увидеть не только элитарную политическую организацию, но и прообраз нового общества социального компромисса, которое бы объединило и бывших привилегированных, и бывших ротюрье, еще недавно разделенных сословными барьерами Старого порядка и имеющих общую цель – защитить собственность и завершить революцию.

Сами фельяны в ряде оценок и высказываний обосновали эту гипотезу. Вот что писал по этому поводу «L'Argus patriote»: «Хотя Конституция возродила народ²¹⁶, раздавленный под гнетом налогов, феодальных законов, деспотизма и предрассудков, она не принизила значимости бывших первых классов общества. Упраздняя нелепые различия, она не захотела создать новые...»²¹⁷

Предпосылки для сближения в общественных верхах между привилегированными и буржуазной верхушкой третьего сословия сложились еще в последние годы Старого порядка. А. Ламет относил истоки данного процесса к тому времени, когда в многочисленных общественных организациях Старого порядка клубного типа стала собираться «элита всех классов граждан; это было самопроизвольное слияние (fusion), подготовившее слияние законное, которое утвердила первая ассамблея»²¹⁸. По мнению А. Ламета, власть оказалась в руках этой «элиты» и она с первых дней революции направляла ее ход. «Решение проблем страны, – отмечал он, – естественным образом оказалось переданным двенадцати сотням членов Генеральных штатов, которые, будучи избранными от трех классов общества, так или иначе представляли их элиту»²¹⁹.

Под «слиянием элит» А. Ламет, по сути, понимал буржуазно-дворянский компромисс с целью установления контроля этих социальных сил над политической властью – контроля, основанного на их господстве в обществе. Резюмируя свою точку зрения, он подчеркивал, что отказ аристократии «от своих привилегий и добровольное признание ею Нового порядка поставило бы ее во главе среднего класса, самой влиятельной части цивилизованной нации», что открыло бы для нее путь в высшие органы власти «совместно с нотаблями третьего сословия»²²⁰. Результатом компромисса явилось бы торжество идеи свободы и утверждение либеральных ценностей. «Невозможно было бы отрицать, – продолжал он далее свою мысль, – что великодушное и мудрое решение, принятое дворянством и духовенством (т.е. отказ от своей сословной исключительности. – А. Т.) снискало бы им общественное признание как основоположникам целой системы,

которую можно считать системой свободы, сравнивая ее с режимом произвола, царившим на протяжении стольких лет»²²¹.

Таким образом, по мнению фельянов, в новом бессловном обществе право на ведущие позиции и доступ в высшие органы власти должно предоставлять не право рождения, а владение собственностью и компетентность. «Человека, — писал Тевено де Моранд, — у которого есть таланты, добродетели, богатство, всегда будут выделять его сограждане, если он использует свои таланты и свое богатство для того, чтобы быть полезным... Совершенно справедливо, что право рождения не будет больше служить человеку основанием для уважения сограждан»²²².

Придавая новое содержание отношениям господства в обществе и государстве, фельяны тем самым пытались разрешить один из ключевых вопросов Великой французской революции — о передаче всей полноты власти в руки буржуазных собственников вне зависимости от их прежнего сословного статуса. Вот как этот вопрос был сформулирован современным французским историком Л. Бержероном: «... что такое Французская революция? Решительная и удавшаяся попытка в русле общей социальной стратегии... уничтожить сословные барьеры, которые препятствовали восходящей мобильности к более высоким социальным стратам... Это желание установить на уровне правящей элиты замкнутую социальную общность, право доступа в которую предоставляли отныне только собственность и компетентность»²²³. Фельяны сами представляли собой фрагмент новой правящей элиты. Относясь в подавляющем большинстве по своему происхождению к социальным верхам, они занимали видное место в высших органах государственной власти. Из 887 членов Клуба фельянов 394 были депутатами Учредительного или Законодательного собраний, а 175 принимали непосредственное участие в деятельности администрации и судов разных уровней (см. табл. 3,4).

* * *

Подведем некоторые итоги. Как уже было показано, фельяны полагают, что с завершением революции должна прекратиться и деятельность политических обществ, которые хотя и сыграли решающую роль в революционном процессе, по его завершении стали опасными, так как обладали мощными средствами политического давления и могли подорвать основы Нового порядка. Поэтому, по их убеждению, все ассоциации граждан должны стать частными, неполитическими. Однако созданная ими группировка вскоре приобрела политические черты, что ясно осознавали сами фельяны. И действительно, Обществу фельянов были присущи такие признаки политической организации, как наличие организационной структуры, политической платформы (группировка провозглашала своей стратегической целью защиту Конституции 1791 г.), участие в политической жизни как посредством пропаганды своих взглядов через прессу, так и путем борьбы за государственную власть.

Политическая группировка фельянов с точки зрения организации в значительной мере отличалась от своего главного политического соперника — якобинцев. Правда, фельяны отчасти заимствовали у якобинцев

организационную структуру – Центральный клуб с сетью зависимых от него клубов на местах. Однако созданный якобинцами тип организации, рассчитанный на активную политическую деятельность, не прижился у фельянов: он не соответствовал формам политического поведения выходцев из элитарных слоев, составлявших основную массу членов фельянской группировки. «Фельяны, – писал с обычной своей пронизательностью А. Барнав, – были по большей части депутаты, уделяющие слишком большой интерес своим частным делам, чтобы быть заинтересованными в успехах общества, которое они не замедлили покинуть... Собственнический и мирный класс в целом был еще не настолько решителем, чтобы выступить в поддержку новых учреждений, чтобы можно было его заставить пренебречь какими-либо опасностями и мобилизовать... на их защиту»²²⁴.

Элитарный состав Общества фельянов и свойственное его членам политическое поведение обусловили своеобразие фельянской организации как определенного типа политической общности. На это своеобразие вслед за А. Барнавом указывал А. Ламет: «... Клуб фельянов представлял собой внушительное собрание гражданских добродетелей, значительных состояний, выдающихся талантов... но ему не хватало единства, энергии и той постоянной твердости, без которой он был обречен стать жертвой революции»²²⁵.

Проблема политической солидарности среди фельянов не раз поднималась в их выступлениях. Вот что писал по этому поводу А. Шенье: «Я и мои друзья имеем одни и те же принципы, одну и ту же цель, тем не менее мы сохраняем полнейшую свободу мнений относительно путей достижения этой цели и развития этих принципов»²²⁶. А. Шенье указывал на наличие у фельянов некоей идейной общности и на определенную разобщенность по конкретным политическим вопросам, а также на относительную свободу в интерпретации основополагающих идеологических постулатов, обосновывающих единый для них стратегический ориентир. Его выводы относительно солидарности членов группировки подтверждаются и высказываниями других фельянов. Так, Т. Ламет, давая оценку деятельности фракции умеренных конституционалистов в Учредительном собрании, считал, что уровень ее сплоченности был невысок. Фракция дробилась на группы по единству местности, откуда прибыли депутаты, или по какому-либо иному признаку. Во главе этих групп стояли лица, пользующиеся наибольшим доверием. Организующую функцию в их среде выполняли общefeldьянские лидеры, в данном случае А. Барнав, А. Дюпор и А. Ламет. Чтобы достичь определенного единства действий фракции, триумvirат должен был убедить групповых лидеров по тому или иному вопросу, а затем через этих лидеров – и соответствующие группы рядовых депутатов²²⁷.

Еще более категорично отсутствие единодушия у фельянов подчеркивал хорошо осведомленный сторонний наблюдатель: «Фельяны не являются единой партией, так как существует двадцать партий среди самих фельянов»²²⁸.

Но, в то же время, из приведенных суждений следует, что присущая фельянам тенденция распада на отдельные группы не была абсолютной.

Личный авторитет лидеров, их способность увлечь за собой членов группировки, пропаганда в профельянских изданиях программных целей и задач, стоявших перед умеренно-революционными силами, – все это позволяло сплачивать фельянов вокруг того или иного лидера, той или иной программы и поддерживать определенное единство, которое отнюдь не являлось эфемерным. М. Дюма принадлежит следующая достаточно оптимистичная оценка сплоченности рядов парламентской фракции фельянов: «Мы полагались друг на друга... и нам не нужно было опасаться ни единого предательства»²²⁹.

В нашем распоряжении имеются данные о семи поименных голосованиях в Законодательном собрании, позволяющие оценить степень сплоченности фракции фельянов²³⁰. Эти голосования проводились по следующим политическим вопросам: о недоверии военно-морскому министру Б. де Моллевилю (1 февраля 1792 г.); о возможности использования зала Законодательного собрания в отсутствие заседаний (23 февраля); следует ли оказывать почести амнистированным солдатам полка Шатовьё на одном из заседаний Законодательного собрания (9 апреля); преследовать ли в судебном порядке лиц, предоставляющих работу эмигрантам (13 апреля); необходима ли компенсация за отмену казуальных феодальных прав (14 июня); следует ли ставить на голосование собрания вопрос о том, имел ли право Лафайет покинуть армию и прибыть в Париж (28 июня); наконец, вопрос о недоверии Лафайету как командиру армии (8 августа).

Названные вопросы относились к числу принципиальных, приведших к разделению Собрания на правую и левую. Фракция фельянов в Законодательном собрании – 175 депутатов – возглавляла правую Собрания. Именно фельяны оказывали поддержку Б. де Моллевилю, поскольку его падение привело бы к кризису и падению всего профельянского министерства (что и случилось в марте 1792 г.). Возможность использования зала заседаний Законодательного собрания по вечерам отвечала интересам фельянов, вынужденных к тому времени покинуть свой прежний клуб и искать помещение для собраний. Фельяны являлись последовательными противниками амнистии солдатам полка Шатовьё и тем более их чествования, на чем настаивала левая Собрания, поскольку, по их мнению, они были виновными в мятеже против законных властей. Выступая против преследования эмигрантов, фельяны были и против преследования лиц, помогающих эмигрантам. Они выступали за отмену казуальных феодальных прав без компенсации, если только их владелец не предоставит письменные доказательства того, что эти права происходят из первоначальной уступки земли сеньором держателю. Такая позиция фельянов отчасти предполагала разрыв с принятым еще Учредительным собранием положением о презумпции в пользу сеньора при выкупе феодальных прав. Наконец, они последовательно защищали Лафайета от атак левой Законодательного собрания.

В целом по результатам поименных голосований парламентская фракция фельянов демонстрировала достаточно высокий уровень сплоченности: по первому вопросу только 9 человек не присоединились к мнению большинства фракции, по второму – 21, по третьему – 14, по четвертому – 5, по пятому – 13, по шестому – 9 и по седьмому – 7 человек.

Тип созданной фельянами организации вписывается в либеральное толкование феномена партии. Для либералов начала XIX в. понятие «партия» определяло прежде всего идейную общность и уже затем подразумевало определенную организационную структуру²³¹. Такого рода организация, и пример фельянов в данном случае показателен, предполагала ориентацию ее членов на определенную стратегическую установку, обоснованную ее доктриной, причем сама доктрина не являлась чем-то самодовлеющим и оставляла широкий простор для ее интерпретации.

Отличительной чертой данного типа политической организации являлась ее гетерогенность, проявляющаяся в легальном сосуществовании в такой организации различных фракций, каждая из которых могла придерживаться своей варианты. общей для организации доктрины и собственного подхода к решению конкретных политических проблем.

Организация такого типа не предусматривала активных коллективных действий, поскольку была ориентирована на общественные элиты и рассчитана на оформление их политических действий.

Глава II

ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ РЕВОЛЮЦИИ

Как было показано в предыдущей главе, «партия» фельянов с точки зрения принципов организации и тех задач, которые ставили перед ней ее учредители, была призвана прежде всего осмыслить исторические границы Французской революции, которую лидеры «партии» объявили завершившейся, и не допустить ее дальнейшей радикализации. Вся практическая деятельность фельянов в 1791–1792 гг. как раз и была направлена на поиски ответов на вопросы, намеченные в выступлениях ее лидеров и ждущие решения: что означает «завершить революцию» и как ее завершить. При этом фельяны продолжали идентифицировать себя с революцией и более того – с идейным наследием Просвещения, постоянно присутствовавшим в политических дебатах и конфликтах революционной эпохи. Иными словами, завершение революции они представляли как результат ее развития.

Представления фельянов об исторических границах революции выразились в целой системе взглядов, где определялись принципиальные черты нового социально-политического устройства Франции, противоположного Старому порядку. – устройству, с утверждением которого должна была завершиться Французская революция.

1. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРИНЦИПАМ

Стремясь разрешить общенациональную проблему исторических границ Французской революции, фельяны обращались к идеям эпохи Просвещения, идеалы которой прочно вошли в их сознание.

Часто в высказываниях фельянов можно встретить обращение к просветительскому идеалу счастья – высшей цели человеческого общества. В одной из фельянских брошюр счастье провозглашается «первой потребностью человека»¹. Вместо религиозно-мистического счастья, достижимого согласно церковным канонам в потустороннем мире, фельяны полагали его достижение в разумно устроенном реальном обществе: «Общество не имеет другой цели, как счастье многих...»² Нередко свою дея-

тельность они отождествляли со стремлением ко всеобщему счастью. В одной из политических статей А. Шенье сообщал, что «только горячее желание счастья людей является единственной страстью, которая... проходит через (его. – А. Т.) политические выступления»³. Но хотя А. Шенье и превозносил всеобщее счастье, на первое место он ставил индивидуалистическую любовь к себе. Этот эгоцентризм выражен им в патетическом восклицании «*Cape dieu!*» («Лови момент!»)⁴.

Идеал счастья воспринимался фельянами как некая данность, к которой все имеют равный доступ: «Природа... всем дала равное право на счастье»⁵. Каждый индивидум стремится его достичь: «Человек тянется к счастью инстинктивно... потому, что природа хочет, чтобы он был счастлив, и дала ему средства быть таковым: дайте возможность ему действовать»⁶. Само же счастье ассоциируется с использованием какими-либо благами. Так, «*L'Ami des Patriotes...*» писал о «пользовании свободой и миром, без которых не может быть счастья»⁷. В том же духе говорил и аббат Мунье: «Природа установила наши самые приятные права пользования в осуществлении обязанностей отца и сына, супруга и гражданина; как раз в развитии этих счастливых начал природой уготовано нам счастье»⁸.

Таким образом, фельяны придавали особый этический статус буржуазному по сути праву пользования и, шире (если вспомнить классическое определение права собственности в Гражданском кодексе Наполеона I как «права пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом»⁹), давали морально-этическое обоснование отношениям частной собственности.

Теме счастья в сознании фельянов сопутствовала тема природы и естественного закона, которые они объединили эмоциональным лейтмотивом — не все люди счастливы, как же сделать их счастливыми? «Если мы все имели право на счастье, почему же столько несчастных?» — задавался вопросом аббат Мунье. «Дело в том, — продолжал он, — что, вплоть до сего дня, мы оставались глухи к голосу природы. Это природа наделила нас одинаковым умом, одними и теми же органами, одинаковым желанием счастья, а кто-то нас лишил обладания этими средствами... мы имели глупость позволить их нас лишит кастам, которые мы называем привилегированными; мы возвели в боги нескольких самых презренных существ»¹⁰.

Таким образом, счастье, по фельянам, заключалось в неукоснительном следовании законам природы, в близости к ней и в освобождении от тех злоупотреблений, которые имели место в обществе — «гордыни, презрения к людям, жестокости и угнетения»¹¹. При деспотизме — символе произвола и угнетения, правлении, поправшем права человека, — никто не может быть счастлив, даже те, кто осуществляет злоупотребления: «...никакой класс граждан не может быть счастлив, если он угнетает других»¹². Учредительное собрание вернулось к первоначальным естественным принципам и утверждало их в обществе, положив тем самым конец злоупотреблениям. Обращаясь к депутатам Учредительного собрания, Пасторе подчеркивал выполненную ими историческую миссию: «Деспотизм уничтожил все записи в книге природы, вы вновь вписали туда эту бесмертную декларацию, катехизис свободных людей»¹³.

Вера фельянов в возможность совершенствования общественного устройства восходила к вере в оптимистическую идею философии XVIII в. – в способность человека к самосовершенствованию¹⁴. «Одна из самых ярких черт в человеке, – считал Талейран, – это способность к совершенствованию»¹⁵. Но совершенствование человеческого индивидуума в обществе путем возвращения к рациональным началам его устройства и следования естественным законам непосредственно опирается на разум. Именно разумная природа человека позволяет ему путем познания естественных законов сделать их основой общественной жизни и утвердить всеобщее счастье. Сакральное отношение к разуму как к демиургу отчетливо проявляется в брошюре аббата Мунье, утверждавшего, что «Верховное Существо наконец нас вдохновило на использование разума» и тем самым «сделало из нас свободный народ, освободило нас от всякой зависимости, исключая освященную законом»¹⁶. Сам закон как выражение разумного начала также становится объектом поклонения. «...Закон – это божество, а подчинение ему – культ», – торжественно провозгласил в Учредительном собрании Ж.-С. Байи.

Любой общественный прогресс представлялся фельянам прогрессом разума, а революция – не чем иным, как процессом осознания людьми своих прав. Она совершилась, «когда засиял факел разума, чей свет является таким же драгоценным благодеянием, как свет солнца... огромное большинство людей узнало свои права...»¹⁷ Если в разуме фельяны видели средоточие всех человеческих благ, то в предрассудках, невежестве усматривали угрозу общественному процветанию и источник зла. «Невежество, – писал А. Дюпор, – является первой и, может быть, главной причиной всех наших бед. Невежество постоянно сопровождается глупыми предрассудками и ведет, вследствие своей слепоты, в пропасть»¹⁸.

Призывы фельянов в поисках всеобщего счастья к «жесткому следованию принципам»¹⁹, к «подчинению законам природы»²⁰ проникнуты мотивом, свойственным философии XVIII в., – «возвращение к истокам», «возвращение к принципам»²¹: если устои общества не удовлетворяют его членов, следует вернуться к изначальным их основам и внести необходимые коррективы в общественные установления. Но каковы эти принципы? Вот как определял их Ш. де Лакретель: «В обществе существуют законы, которые никогда не должны изменяться, так как они являются только декретированным применением прав человека и гражданина... таких же древних, как природа, которая дает нам представление о них, и разум, который делает их действующими»²².

Таким образом, в центре внимания фельянов оказались права человека и гражданина – «принципы 1789 г.» Именно эти принципы должны были лечь в основу новой организации французского общества. Рассуждая о принципах Нового порядка, фельяны отталкивались от естественноправовой традиции. «Наш общественный договор, – говорил в Учредительном собрании М. Дюма, – основывается на правах человека»²³.

Принципы Нового порядка, по их убеждению, были провозглашены в «Декларации прав человека и гражданина», к которой они неизменно апеллировали. А. Шенье в «*Moniteur*» подчеркивал огромную значимость этого документа: «"Декларация прав человека и гражданина", принятая Наци-

ональным собранием, содержит все основные истины, которые являются базой справедливого и свободного общества»²⁴. Основным принципом Нового порядка фельяны считали свободу – «первое право человека»²⁵. Другие принципы призваны были ее гарантировать и потому часто именовались фельянами «принципами свободы»²⁶. Именно в такой трактовке «принципы 1789 г.» были восприняты в немецкой классической философии²⁷.

Обостренная страсть к свободе была свойственна всем фельянам. Лозунг «Жить свободным или умереть» (*Vivre libre ou mourir*) стал их девизом во время предвыборной кампании в Законодательное собрание²⁸. Ораторы фельянов нередко ставили рядом понятия «свобода» и «счастье». «Я непрестанно думаю об общем счастье, о свободе и безопасности для всех», – так охарактеризовал свою общественную деятельность Р.Малуэ²⁹. О свободе говорили как о высокой жизненной цели. В одном из писем Лафайет с гордостью сообщал своему корреспонденту: «С девятнадцати лет я посвятил себя свободе людей и искоренению деспотизма»³⁰. Наконец, свободу фельяны облекли атрибутами культового почитания. «Господствующей религией королевства должен быть культ свободы», – убеждал Тевено де Моранд³¹. Идея свободы была неотделима и от того литературного направления, у истоков которого стояли такие выдающиеся поэты, как А. Шенье, Руссе, Рамон, – направления, получившего позднее, в начале XIX в., название романтизм. Ведь, по словам Виктора Гюго, «романтизм... есть либерализм в литературе», а «литературная свобода – дочь свободы политической»³². И хотя высказывание писателя датируется концом 20-х годов XIX в., оно применимо и к концу предыдущего столетия. Как считал известный французский историк общественной мысли Ж. Госдорф, «все элементы того, что в XIX в. называли романтизмом, могут быть найдены в литературе и искусстве предыдущего века»³³, поскольку «появление романтизма и конец века Просвещения являются не двумя следующими друг за другом периодами, а взаимосвязанными аспектами одной и той же эпохи»³⁴.

Вслед за принципом свободы, фельяны выдвигали другой важнейший принцип справедливого общества – принцип гражданского равенства – «первой и постоянной потребности того, кто умеет уважать свое достоинство в достоинстве других»³⁵. «Равенство в правах – это, по мнению Андре Шенье, гораздо больше, чем простой конституционный закон... и не во власти даже Национального собрания возродить эти одиозные различия, покоящиеся на рождении и привилегиях»³⁶.

В сознании фельянов принципы свободы и равенства стояли рядом и были неотделимы друг от друга («...свобода... равенство – основы нашей Конституции»³⁷). Иными словами, в соответствии с духом «Декларации прав человека и гражданина» свобода мыслилась ими только на основе равенства перед законом, т.е. предполагала гибель сословно-корпоративного общественного устройства Старого порядка³⁸.

Само равенство воспринималось фельянами как символ неестественности и неразумности существования сословной иерархии. Ощущение сословной неполноправности, общее для представителей элиты третьего сословия, уступавшего первым двум сословиям по своему общественному

весу лишь в силу их привилегий, ярко выражено в известных строках А. Шенье, относящихся еще к началу 1789 г.: «... нет больше сил, чтобы негодовать против искусственно созданного неравенства... тяжело видеть, как вами пренебрегают»³⁹. Но свою глубокую неприязнь к сословным различиям фельяны не распространяли на бывших носителей сословных привилегий. В этом плане показателен дидактический монолог от лица третьего сословия, обращенный к бывшим привилегированным, опубликованный в «L'Argus patriote»: «Мы вас охотно признаем за наших братьев, но вы не будете более нашими хозяевами. У нас будут... общие законы и не будет больше каст привилегированных. Личность и собственность всех будут в равной мере священными»⁴⁰.

Возможность проявления «братских чувств» по отношению к бывшим членам первых двух сословий при условии признания последними «справедливых принципов» Нового порядка четко обозначила отношение фельянов к характеру революционного процесса. Они отвергали революцию как насилие над человеком, над личностью, и приветствовали ее только как освобождение общества от «старых злоупотреблений», т.е. от порочных социальных институтов⁴¹. «Во всех революциях, – писал «L'Argus patriote», – необходимо было, чтобы одна партия уничтожила другую, но Французская революция не похожа ни на какую другую»⁴². Таким образом, Французская революция должна была осуществиться в пользу равенства, а не во имя его. Среди основополагающих принципов Нового порядка фельяны выделяли и принцип «неотчуждаемого народного суверенитета»⁴³. «...Суверенитет зиждется в нации, – говорил в Учредительном собрании Анжюбо де Ла Рош, – он неотчуждаем потому, что никто не может отказаться от выражения своей воли»⁴⁴. Только при деспотизме «воля всех подчинена воле одного» (Пасторе)⁴⁵. Согласно суждению д'Алларда «каждый индивидуум является частью суверена» и данный его статус «определен не человеком, а самой природой»⁴⁶.

В суждениях фельянов, как и в «Декларации прав человека и гражданина», четко фиксируется совершившееся в ходе революции перераспределение власти в результате гибели королевского абсолютизма – носителя государственного суверенитета при Старом порядке.

Наконец, еще двумя принципами Нового порядка были право собственности и право личности на безопасность⁴⁷. «Пусть, – требовал в одной из своих брошюр А. Шенье, – собственность будет неприкосновенной... пусть любой мирный гражданин пользуется безопасностью»⁴⁸. Эти права согласно доктринам того времени, нашедшим отражение в «Декларации прав...», являлись важнейшими гарантиями системы свободы. Собственность тогда трактовалась как «форма и условие свободы»⁴⁹, а свобода в свою очередь «предполагает собственность»⁵⁰. Что же касается безопасности, то данный принцип подразумевал независимость личности от незаконного контроля над ней. А по «Декларации прав...» свобода как раз и состоит в том, «чтобы не быть подчиненным чужой воле»⁵¹.

Утверждение в общественной жизни Франции «принципов 1789 г.» фельяны напрямую связывали с Французской революцией. Но не являлось ли это разрывом с наследием Просвещения? Ведь «философы» никогда не призывали к революции и их целью было предохранение обществен-

ного порядка от социальных катаклизмов путем модернизации и реформирования общества. Вместе с тем следует отметить, что просветители связывали необходимые перемены с деятельностью государства, с просвещенной политикой. Именно просвещенная политика призвана была переустроить общество на основе безусловно утопичного проекта всеобщего счастья. Политическая власть становилась легитимной в связи с этой общенациональной задачей и обретала суверенитет, основанный на национальном доверии. Ее действия в конечном счете оказались направленными на то, чтобы заменить порядок, основанный на традиции, на порядок, основанный на разуме. В результате открывался путь к признанию прав человека и развитию индивидуалистического общества. Но эти перемены, к которым вплотную подводила логика просветителей, оказались невозможными без революционных событий.

В происходившей на их глазах революции фельяны видели «уничтожение злоупотреблений»⁵² Старого порядка путем «полной смены в природе и форме правления»⁵³. Революционные перемены они связывали с глубокими общественными мутациями. «Поскольку, – писал «L'Ami des Patriotes ...», – ... настоящая революция, кажется, уже рассеяла предрассудки, которые существовали по поводу знатности и общественных рангов, то отсюда следует, что произошла смена общественного порядка... другими словами, поверхностные изменения сопровождались коренным преобразованием принципов и мнений, преобразованием, без которого любые перемены не обретут прочности»⁵⁴. Содержание революционных перемен в жизни общества, а также особенности революционного процесса емко определял А. Шенье: «Когда великая нация, состарившись в заблуждениях и праздности, устает наконец от несчастий и угнетения и обретает свои права, а также разрушает порядок, который лишал ее этих прав, то она не может сразу же утвердиться и прийти в спокойное состояние при Новом порядке, который должен следовать за старым»⁵⁵. Следовательно, главное содержание революции заключалось в восстановлении нации в присущих ей правах. Тот общественный порядок, который приводил к нарушению этих прав, должен был быть разрушен в результате всеобщего восстания, являющегося проявлением общей воли и в связи с этим законного, а Новый порядок, где эти права вновь обретут положенное им место, должен быть создан.

Французская революция не являлась для А. Шенье узконациональной – она имела огромное значение для судеб всего мира. «Революция, совершающаяся у нас, является... величайшим из мировых свершений». внимание всех наций приковано к ее ходу. «Если мы одержим верх, – утверждал Андре Шенье, – изменится судьба Европы: люди вновь обретут свои права, народы – узурпированный у них суверенитет...»⁵⁶

Об окончательной гибели Старого порядка фельяны считали возможным говорить уже летом–осенью 1791 г. «Старый порядок разрушен...» – подчеркивал в очередном письме королеве А. Барнав в сентябре 1791 г.⁵⁷ Принципы Нового порядка, по мнению фельянов, к тому времени утвердились. Как считал А. Шенье, эти принципы, «призванные к установлению Национальным собранием, стали истинной базой общественного договора» и «будут сохраняться всегда, так как они основаны не на

пустых фантазиях или недолговечных условиях, а на отношениях, вытекающих из природы человека и природы общества»⁵⁸.

Являясь творцом Нового порядка, революция в то же время формировала и нового человека для этого порядка. Изменение общественных институтов вело и к перемене моральных ценностей. Так, фундаментальной ценностью рационально устроенного общества в противоположность родовитости и сословным привилегиям фельяны считали труд. Обращение к теме труда достаточно часто встречается в фельянской публицистике. Еще в 1789 г. Сийес в брошюре «Что такое третье сословие?» доказывал, что в состав нации входят лишь те, кто занимается общественно полезным трудом, и на этом основании ставил привилегированные сословия вне нации и отождествлял нацию с третьим сословием⁵⁹. Вслед за Сийесом фельянские публицисты видели в труде конституирующее начало нации: «... никто не может быть счастлив, не работая, никто не может долгое время быть добродетельным, если он пребывает в праздности; труд создает народ»⁶⁰. Только «труд делает человека свободным и независимым», тогда как праздность ведет к рабству⁶¹. Поэтому целью хорошего правительства является предоставление каждому члену общества возможности трудиться и получать «плоды своего труда»⁶².

Таким образом, труд у фельянов становится источником и мерилем всех общественных ценностей. Система ценностей, в основе которой лежит труд, гарантирует личности ее реальный общественный статус. «Репутации... личные качества, таланты, а также богатство будут отныне указывать на действительное место в обществе»⁶³. Определяя общественный статус личности, исходя из ее экономической активности, фельяны следовали за либеральной этикой, ставящей во главу угла «экономического человека».

Отличительными чертами человека новой эпохи, по мысли фельянов, должны были стать патриотизм и чувство гражданственности. Вот что писал по этому поводу («L'Ami des Patriotes...»): «Раньше воспитывали военных, финансистов, дворян, священников; наконец пришло время воспитывать граждан. Среди людей уже уничтожены предрассудки, нужно уничтожить их среди детей... С приходом нового правления нам нужны новые люди... Заставить каждого человека жить для себя – вот секрет деспотизма; объединить людей, вдохнуть в них желание сделать счастливыми своих собратьев, увеличивая тем самым собственное счастье. – вот цель свободного правления, основанного на принципах природы»⁶⁴. Сами фельяны – люди революционной эпохи – не раз демонстрировали готовность служить высоким общественным идеалам. Их отличительной чертой было стремление активно участвовать и возглавить революцию. Об этом от имени триумvirата сообщал в письме к королеве А. Барнав, предлагая двору свою помощь: «До недавнего времени происходящие события не получали глубокого истолкования... Ситуация изменится к лучшему, если хватит смелости отвергнуть все советы, диктуемые предубеждением, неосведомленностью или вероломством, и проникнуться доверием к людям, которые понимают революцию, которые, как никто другой, могут ее возглавить, чьи советы самые верные...»⁶⁵

Равным образом фельяны – бывшие депутаты Учредительного собрания – после завершения его работы вновь пытались добиться избрания

на ряд важных административных постов. Об этом факте вспоминал в книге об Учредительном собрании Александр Ламет: «Закон, который запретил членам Учредительного собрания доступ по назначению короля к ряду должностей, не лишил их права добиваться мест, назначения на которые происходили в силу народного избрания. Многие члены Учредительного собрания с вождельствием смотрели на пост мэра Парижа...»⁶⁶ А. Ламет добавлял, что помимо личных интересов их действиями руководило и «патриотическое беспокойство» за судьбу страны⁶⁷.

Отождествляя свою судьбу с делом революции, фельяны зачастую рассматривали собственную жизнь как средство в достижении стоящих перед революцией целей. Политическую карьеру многие из них связывали с выполнением клятвы в зале для игры в мяч: не расколоться, пока не будет выработана Конституция. Так, Ж.-С. Байи в прощении об отставке с поста мэра Парижа подчеркивал, что его долг выполнен: «Конституция завершена, торжественно провозглашена и принята королем. Поскольку ее начинали составлять под моим председательством, я должен был увидеть ее завершённой, и я выполнил свою клятву»⁶⁸. Такими же мотивами при своей отставке руководствовался и Лафайет. «Так как конституционный акт был завершён, Лафайет, верный обязательству, которое он принял, удалился в свой родной край», – рассказывал он о себе в мемуарах, как обычно, в третьем лице⁶⁹.

Верность избранным принципам фельяны особенно ценили и ни при каких обстоятельствах не отходили от них. Так, роль тайных советников двора не означала для триумвирата отхода от своих убеждений. Нежелание двора следовать их советам, что, по мнению триумвирата, могло привести к серьёзным и непоправимым ошибкам, послужило причиной написания резкого письма королеве, где говорилось об их нежелании быть причастными к порочному политическому курсу двора. «Мы, – писал Барнав, – сумели быть вместе с королем, не жертвуя нашей приверженностью к свободе; и мы могли быть в оппозиции, не ставя под сомнение конституционных прерогатив короля. Наши друзья в Законодательном собрании будут придерживаться этой линии поведения... Если же Конституция и монархия подвергнутся реальной угрозе, они еще раз станут их спасителями»⁷⁰.

Подобным же образом о политическом поведении фельянов отзывался Вьено-Воблан: «Члены этой партии (фельяны. – А. Т.) не то, чтобы делали уступки, прогибались, а, скорее, жертвовали общественным мнением. Честность позволяет и даже требует поступаться общественным мнением, если есть цель, достойная похвалы...»⁷¹ Пример тому – расстрел республиканской манифестации на Марсовом поле. Лафайет лишился популярности, но, по мнению Воблана, спас государство от анархии. Фельяны, веря в свою непогрешимость, не считали нужным объяснять неоднозначность своих действий. В одном из писем А. Барнав прямо говорил: «Мы не стремимся доказывать наш патриотизм, так как он искренен и реален»⁷². «Фельяны... ищут только разум, справедливость и правду», – утверждал Реньо де Сен-Жан д'Анжели⁷³. При этом свои патриотические чувства они ставили выше революционного рвения своих противников из Якобинского клуба. «Я, – с гордостью писал Тевено де Моранд, – принял на себя торжественное

обязательство, что, выступая против всяческих злоупотреблений, какими бы они ни были, я не последую примеру ни одного из этих журналистов, которые называют себя Патриотами, тогда как они являются еще только революционерами»⁷⁴. В более раннем номере своей газеты он с большой симпатией отзывался об «умеренных», противопоставляя их «демократам» и «аристократам»⁷⁵.

Таким образом, унаследовав свои ценностные ориентиры от мировоззренческих установок века Просвещения, получивших распространение в среде социальных верхов дореволюционной Франции, фельяны видели в революции процесс их утверждения в общественной жизни. Они связывали свою судьбу с революцией, во всяком случае были способны в экстремальных условиях революционного времени абстрагироваться от своих личных интересов и мыслить общенациональными категориями. И только когда напряженность временно спадала, человеческое, слишком человеческое, одерживало верх.

В условиях политической борьбы между фельянами и якобинцами в 1791–1792 гг. «принципы 1789 г.» оказались в центре политических дебатов. Уже 15 июля 1791 г. в речи А. Барнава в Учредительном собрании звучала тревога в связи с возможным искажением принципов, если революция будет продолжена: «Подумайте, господа, подумайте о том, что произойдет после вас: вы сделали все необходимое для свободы и равенства... Вы сделали всех людей равными перед гражданскими и политическими законами. Вы взяли и вернули государству все, что у него было отнято. Из этого вытекает та великая истина, что, если революция сделает еще один шаг, она сделает его, подвергая себя опасности: ведь, поскольку речь идет о свободе, теперь возможно было лишь упразднение королевской власти, а поскольку речь идет о равенстве, теперь возможно было бы лишь упразднение собственности»⁷⁶.

Опасения А. Барнава, разделяемые всеми фельянами, имели основания и заставляли их вновь и вновь обращаться к «принципам 1789 г.». И действительно, когда представители революционно-демократического течения все более энергично оспаривали умеренное применение «принципов 1789 г.», возникла необходимость вернуться к определению и обоснованию принципов либерального общественно-политического устройства, выдвинутых в начале революции в «Декларации прав человека и гражданина». Решая эту задачу, фельяны обращались к теориям, представлявшим подчас различные тенденции внутри социально-политической мысли века Просвещения – от либеральной до демократической (среди наиболее почитаемых ими авторитетов – Локк и Вольтер соседствуют с Руссо и Маблю)⁷⁷. Осмысление ими с помощью унаследованных от Просвещения теорий порожденных революционным временем новых социально-политических реальностей и исторического опыта, означало в определенной мере и развитие этих теорий. Либеральная трактовка прав человека и гражданина, которой придерживались фельяны, противостояла интерпретации этих прав демократической мыслью. Обе эти традиции

зародились в общественно-политических учениях XVIII в.⁷⁸ Во время революции они вскоре стали идеологическим обоснованием размежевания, обозначившегося в революционном лагере.

Либералы и демократы в теории исходили из разных традиций, сложившихся в общественно-политической мысли XVIII в. и различавшихся противоположными взглядами на общество и права личности. Если согласно либеральной традиции, идущей от Дж. Локка, Вольтера и физиократов, в обществе существуют два вида прав – коллективные права, выражающиеся в осуществлении сообществом граждан политической власти, и права личности, неподвластные сообществу и являющиеся собственностью индивидуумов, то демократическая традиция, яркими представителями которой были Ж.-Ж. Руссо и Г.-Б. Маблю, предусматривала «полное отчуждение каждого члена ассоциации в пользу всей общины»⁷⁹, т.е. ограничение и подчинение прав личности решениям сообщества граждан, коллективного суверена. Иными словами, либеральная мысль представляла общество как сосуществование частных интересов, тогда как согласно демократической традиции общество – это сплоченная общность граждан, где частный интерес подчинен общему. Поэтому, обращаясь к идейному наследию Просвещения при осмыслении привнесенного революционным временем нового исторического опыта, либеральные политики отстаивали неприкосновенность неотъемлемых прав личности, т.е. ее свободу, тогда как демократы ради достижения общественного прогресса в ходе революции считали возможным и даже необходимым ограничивать свободу личности во имя равенства.

Придерживаясь либеральной традиции, фельяны отвергали саму возможность полного подчинения частных интересов общественным. Аббат Сийес утверждал, что «общество может быть только добровольной и свободной ассоциацией людей, объединяющихся ради общего интереса... однако это не означает, что они передают в общее ведение все свои интересы»⁸⁰.

Фельяны также настаивали на неотчуждаемости естественных прав человека в обществе. В августе 1791 г. во время обсуждения окончательного проекта Конституции в Учредительном собрании один из активных фельянских ораторов Брио-Бомец говорил: «Я требую по возможности объединить естественные и гражданские права, принадлежащие всем людям, которых никакая Конституция не может лишить и которые Конституция только гарантирует всем тем, кому природа их преподнесла в вечный дар»⁸¹. В том же ракурсе рассматривался общественный договор и в мемуарах Лафайета, где он отмечал, что «права, дарованные природой каждому человеку... настолько неотъемлемы от его сущности, что даже общество не имеет права его лишить»⁸².

Возможность каждого гражданина свободно распоряжаться самим собой и была основным пунктом общественного договора в понимании фельянов. М. Дюма прямо заявлял об этом в Законодательном собрании: «Итак, общественный договор... не определяет время и обстоятельства, когда французские граждане могли бы быть лишены права распоряжаться самим собой и своей собственностью»⁸³. Следуя либеральной традиции, фельяны часто отождествляли право каждого индивидуума

распоряжаться самим собой и право распоряжаться своей собственностью. «...Если вы, – риторически обращался Ж.-С. Байн в своих записках к членам сообщества, – не можете распоряжаться моей собственностью... без меня, вы тем более не можете распоряжаться моей личностью... это моя собственность, такая же, как и моя земля»⁸⁴. «Мы добьемся среди нас уважения прав личности и собственности», – писал А. Барнав⁸⁵.

Параллель, проводимая фельянами между правом собственности индивидуума на внешние по отношению к нему предметы и правом собственности на самого себя, восходит к физиократам, которые впервые во французской либеральной традиции определили права личности как неотъемлемую и неотчуждаемую ее собственность⁸⁶. Выдвинутое физиократами толкование прав личности, индивидуализма через принцип собственности сводило «индивидуализм к его экономическому содержанию»⁸⁷. «При таком толковании индивидуализма принципы свободы, равенства, безопасности понимаются только как необходимые дополнения собственности, которая, подчиняя их себе, их же и определяет»⁸⁸. Именно экономический индивидуализм будет воспринят либерализмом и станет основным его постулатом. Концентрированная формулировка либерального индивидуализма была предложена аббатом Сийесом: «Каждый человек является единственным собственником своей личности, и эта собственность неотчуждаема»⁸⁹. Развивая идею Сийеса, редактор «L'Ami des Patriotes...» А. Дюкенуа прямо сформулировал принцип экономического либерализма, заключавшийся в том, что общество саморегулируется под воздействием свободной игры рыночных сил. «У Бюффона есть блестящая идея, – отмечал Дюкенуа, – он считает, что вечный геометр не расставил по местам все части мира, которые составляют универсум, а что он сообщил матери движение и сказал: организуйся сама. То же следует делать и законодателю. Пусть он скажет народу: будь свободен, и пусть он ему позволит действовать (qu'il le laisse faire); тогда все уладится и все придет в порядок; каждый займет свое место»⁹⁰.

Право собственности у фельянов выдвигалось на первое место среди принципов Нового порядка, поскольку именно оно обосновывало остальные неотъемлемые права личности и само являлось одним из важнейших ее прав. Но содержание права собственности не ограничивалось гарантией собственности индивидуума на самого себя. Его «продолжением» являлась собственность на внешние по отношению к личности предметы (реальная собственность). По словам того же Сийеса, «собственность на внешние предметы, или реальная собственность, есть не что иное, как продолжение или распространение собственности (индивидуума – А. Т.) на самого себя»⁹¹. Любые ограничения права собственности ассоциировались и с ограничением свободы личности. Вот почему фельяны отстаивали ничем не ограниченное право собственности. Показательна в этом плане их критика Ж.-П. Бриссо за сформулированный им еще в 1782 г. уравнилельный, по сути, тезис о том, что крупная собственность незаконна и что право собственности определяется необходимыми потребностями индивидуума⁹². Аббат Морелле, один из авторов статьи, направленной против Бриссо, вспоминал, что он хотел доказать, что «революция была войной в пользу собственности»⁹³.

Либеральная трактовка фельянами общественного статуса личности и права собственности предполагала и либеральное содержание других гражданских прав. Так, свобода определялась ими в соответствии с известной максимой Ш. Монтескье, зафиксированной в «Декларации прав человека и гражданина»: «Свобода состоит в том, чтобы не причинять вреда другому»⁹⁴. Фельяны подчеркивали, что принцип свободы они понимают прежде всего как обретение личностью независимости от какого бы то ни было влияния на нее, т.е. как свободу-автономию⁹⁵. Выступая в Законодательном собрании по вопросу об эмигрантах, М. Дюма апеллировал к либеральной концепции свободы, доказывая правомерность их отъезда за границу тем, что в «определении свободы нельзя найти принцип, принуждающий каждого непременно входить в социальное целое (*corps social*)»⁹⁶. «Целью общества является личная свобода», – подчеркивал Сийес⁹⁷. Кроме того, свобода означала для фельянов и возможность экономической активности. «Неравенство в распределении богатств, – отмечал «L'Ami des Patriotes...», – является естественным и необходимым следствием свободы, способствующей развитию неравных возможностей людей, которыми природа их одарила в неравной мере»⁹⁸.

По-иному представлен принцип свободы в демократической мысли. Так согласно руссоистской традиции свобода каждого гражданина зависит от коллективного суверена и реализуется через непосредственное его участие в деятельности суверена (эта концепция свободы получила название «свобода-участие»)»⁹⁹.

Принцип равенства в правах также по-разному понимался либералами и демократами. У фельянов он означал гражданское равенство и в конечном счете гарантировал независимость личности, т.е. ее свободу. Суть либеральной трактовки равенства сформулировал Сийес: «Равенство – есть только неравенство в соответствии с законом»¹⁰⁰. В демократической интерпретации гражданское равенство – это не что иное, как равенство граждан перед лицом коллективного суверена¹⁰¹.

Либеральное толкование фельянами принципов свободы и равенства вплотную подвело их к либеральному пониманию принципа суверенитета как национального суверенитета, когда нация – совокупность всех граждан, свободных и равных в правах, – принимает решения через своих представителей.

Интересный подход к его осмыслению можно встретить в выступлении в Учредительном собрании П.-В. Малуэ. Следуя либеральному пониманию принципа свободы как свободы-автономии, Малуэ резко противопоставлял ее интерпретации этого понятия демократами как свободы-участия, считая, что «свобода политическая гораздо менее важна и полезна людям, чем безопасность их личности и собственности»¹⁰². Применяя абстрактные рассуждения относительно либерального содержания понятия свободы к истолкованию принципа суверенитета, А. Шенье писал: «...в хорошо организованном государстве не все граждане участвуют в решении общественных дел, но зато все граждане должны заниматься своими частными делами»¹⁰³. Другими словами, в русле либерального мышления фельяны представляли участие в отправлении политической власти (т.е. участие в осуществлении функции суверена) в качестве продолжения

частной жизни, причем приоритет оставляли за последней. «Наиболее расудительные люди, — подчеркивал «L'Ami des Patriotes...», — понимают, что они не найдут в политической свободе иного реального преимущества, кроме гарантии против любого покушения на гражданскую свободу»¹⁰⁴.

Политическая деятельность становилась, таким образом, специфической и неосновной сферой деятельности граждан, что предполагало существование определенной группы их представителей, ведущей политические дела, которой остальные граждане делегируют на это полномочия. Фельяны, как и либеральная мысль в целом, не усматривали в таком разделении граждан умаления их свободы. Ведь то, что все граждане имеют независимость от кого бы то ни было, — важнейшее проявление свободы. Еще в середине XVIII в. Ш. Монтескье писал: «Не нужно путать власть народа со свободой народа»¹⁰⁵. Либеральный идеал Монтескье нашел в лице фельянов страстных защитников.

Совершенно противоположную точку зрения на принцип суверенитета разработала демократическая мысль, унаследовав многие идеи Ж.-Ж. Руссо и толкуя этот принцип как народный суверенитет, предполагавший прямую демократию. Мыслители демократического направления исходили из единства свободы и политической власти. Суверенитет, по их убеждению, проявляется в коллективном участии в процессе политического управления, в совместном законотворчестве, а гражданин может быть свободным только вследствие его участия в делах политических¹⁰⁶. Но практическая реализация принципа народного суверенитета (и Французская революция ярко это подтвердила) делала гражданина зависимым от решений коллективного суверена и накладывала существенные ограничения на его частную жизнь. Отстаивая право каждого гражданина на безопасность, фельяны видели осуществление этого принципа в невмешательстве в частную жизнь граждан и пресекали любые попытки такого вмешательства. Иногда такая их практика принимала антиэтикологическую направленность и проявлялась в защите частных интересов граждан от посягательств политических институтов власти, или, другими словами, в утверждении автономии гражданского общества по отношению к государству, позднее оформившемся в первостепенное положение либеральной доктрины.

Особенно ярко фельяны показали себя сторонниками невмешательства государства в частные дела граждан в вопросе о так называемых «неприсягнувших священниках», т.е. о духовенстве, не принявшем гражданского устройства, декретированного в 1790 г. Учредительным собранием. В противовес насаждению государственного религиозного культа и, таким образом, вмешательству в частную жизнь граждан они предлагали, по меньшей мере, провозгласить равенство культов (Баэр, Жокур, Лемонтэ, Рамон)¹⁰⁷. А наиболее последовательные из фельянов, такие, как журналисты А. Шенье и Тевено де Моранд, на страницах газет предлагали, кроме того, сделать религию частным делом путем отделения церкви от государства. Вот что писал по этому поводу А. Шенье: «Национальная ассамблея предоставит каждому полную свободу следовать той религии, которая ему более подойдет... каждый будет оплачивать тот культ, какому он захочет следовать, и не будет оплачивать

никакой иной... необходимо издать закон, согласно которому никакой гражданский акт не будет затрагивать церковную организацию»¹⁰⁸. Итак, фельяны предложили систематическую либеральную интерпретацию принципов Нового порядка, которая, с одной стороны, была направлена против общественного устройства дореволюционной Франции, а с другой – последовательно дистанцировалась от демократического толкования этих принципов.

Среди принципов социально-экономического устройства общества Нового порядка фельяны, как это уже было показано выше, первоочередное внимание уделяли принципу права собственности. Но понятие «собственности» означало у них не только важнейшее право личности, но и базу любого общественного порядка – «нет собственности, нет и общества»¹⁰⁹. Указывая на всеобъемлющее влияние собственности на общество, фельян Лемонте говорил в Законодательном собрании: «...собственность – это основа всего»¹¹⁰. Известно и глубокое суждение А. Барнава о влиянии форм собственности на развитие общества и на распределение власти в нем: «...как только искусству и торговле удастся проникнуть в народ, – писал он, характеризуя главную, по его мнению, причину революции, – создать новый источник обогащения для трудящегося населения, подготавливается революция в политических учреждениях: новое распределение богатства подготавливает новое распределение власти. Как владение землей возвышает аристократию, промышленная собственность возвышает власть народа, он завоевывает свободу... начинает влиять на общий ход дел»¹¹¹.

Признавая ведущую роль собственности в жизни общества, фельяны обратились к анализу содержания этого понятия как при Старом порядке, так и при Новом. Это позволяло им определить качественное своеобразие предложенного ими либерального общественного устройства в условиях усилившегося к 1792 г. их противостояния как демократам, с одной стороны, так и открытым противникам революции – с другой. При этом, как и в любом рассуждении о собственности в XVIII в., в центре внимания фельянов была проблема земельной собственности, употребляя современные понятия, – феодальной и буржуазной.

Весной 1792 г. четыре депутата-фельяна – Дорлиак, Дези, Даверу и Удо – в связи с обсуждением в Законодательном собрании вопроса об отмене казуальных феодальных платежей сформулировали некоторые принципиальные положения относительно содержания понятия собственности. Исходя из того, что королевская власть всегда «тесно связана с народом», они доказывали, что представители королевской юстиции (герцоги и графы, а также бенефициарии) на заре Средневековья узурпировали у нее как право юстиции в своих владениях, так и право на передачу владений по наследству. Отсюда появились фьефы – прообразы сеньории XVIII в. «Это были узурпации, – говорил Дорлиак, – которые свершились у королевской власти и которые породили повсюду фьефы, зависимые от них фьефы, вассалитет. Эти изобретения явились не чем иным, как взаимной поддержкой против суверена, обещанной друг другу тиранами, которые захватили собственность, низвели народ до положения рабов и уничтожили все законы»¹¹².

Борьба народа против «тиранов» привела к компромиссам между ними. Крепостные получили свободу и «все права, которые предоставляет природа людям», но взамен обязаны были платить ценз и выполнять другие сеньориальные повинности, просуществовавшие до революции; «отсюда и презумпция, что они получили благодаря щедротам сеньоров земельные владения, обладателями которых они стали после личного освобождения»¹¹³. Эта презумпция была узаконена в правиле «нет земли без сеньора». На этом этапе возникают и «феодальные титулы» (titres), т.е. документы, в которых были записаны лежавшие на крестьянах сеньориальные повинности.

Таким образом, согласно депутатам-фельянам большая часть повинностей «представляла собой плод тирании и обмана». Однако предложения об их безвозмездной отмене не последовало. Более того, опираясь на учение Ш. Монтескье о гражданском праве, рассматривавшее взаимоотношения между гражданами (область, в которую государство не могло вмешиваться), и о политическом праве, регулирующем отношения между гражданами и верховной властью, а также на либеральную концепцию общественного договора, фельяны Дези отрицал в Законодательном собрании возможность отмены даже узурпированных прав: «...господа, ваша честность убеждает меня в том, что вы поспешите отвергнуть столь возмутительную меру. Осмелюсь даже сказать, что она превышает ваши полномочия. И в самом деле, во все времена и при всех обстоятельствах нация сама по себе или в лице своих представителей... имеет неотъемлемое право изменять форму своего правления и отменять все установления, его различные сферы; но распространить эти права на гражданские законы, определяющие частную собственность, значило бы ниспровергнуть основные принципы общественного договора. Ибо тогда собственность приобрела бы иллюзорный характер, поскольку зависела бы от революции... а известно, что прочность, безопасность и сохранение собственности являются одной из главных основ всякого политического общества»¹¹⁴. Право собственности устанавливается либо свидетельством о договоре, либо сроком давности владения. Если последний «определен для той или иной собственности, то уже нельзя допустить выяснения происхождения первоначального права, которое этот срок узаконивает; он покрывает мантией закона все пороки, которыми мог бы быть запятан первоначальный договор». Поэтому вся эта собственность, относительно которой был заключен договор или же существует установленный срок давности в ее обладании, является вечной собственностью, способна «существовать независимо от феодального порядка» и независимо от какого бы то ни было порядка¹¹⁵.

Итак, феодализм, в понимании фельянов, относился лишь к области политического права (точнее, это была система злоупотреблений, выражавшаяся в узурпации сеньорами исконных государственных прав, в то время как гражданское право, узаконивавшее собственность, не имело отношений к феодализму, за исключением случаев ее насильственного захвата: доказательством последнего является отсутствие титулов или невозможность предоставить акт о сроке давности владения имуществом). Такая формально-юридическая трактовка содержания понятия собственности давала возможность поставить под защиту законов буржуазного

государства повинности (такие, как ценз, шампар, казуальные платежи и т.д.), основанные на поземельных отношениях и закрепленные в юридических нормах.

Данная концепция собственности лежала в основе социально-экономических проектов, предлагавшихся фельянами. В решении аграрного вопроса предусматривалось сохранение в силе законодательства 1789—1790 гг. о выкупе «реальных» феодальных повинностей. Но сама выкупная операция переводилась в иную плоскость. Во-первых, предполагалось удовлетворить требование крестьян о предоставлении сеньорами доказательств на право владения повинностями (ранее незаконность той или иной повинности должен был доказать крестьянин). Во-вторых, после регистрации выкупаемых повинностей выкупная операция переходила в руки государства, которое должно было выплачивать сеньору стоимость повинностей и получать с крестьян соответствующие выкупные платежи¹¹⁶. Цель подобной комбинации заключалась в том, чтобы заменить феодальные отношения, связывающие держателя с сеньором, на отношения буржуазного государства с его кредиторами и должниками. По словам Ж. Жореса, этот проект предусматривал бы «буржуазную национализацию феодального порядка»¹¹⁷. Сформулированное фельянами понимание собственности при его расширенном толковании позволяло поставить под защиту буржуазного государства более широкий круг отношений эпохи Старого порядка, чем те, о которых уже шла речь. Так, могли быть соблюдены интересы не только бывших сеньоров, но и разного рода кредиторов абсолютистского государства или значительного по своей численности отряда держателей государственных должностей. В Учредительном и Законодательном собраниях фельяны были ревностными защитниками неприкосновенности государственного долга, значительная часть которого являлась долгом Старого порядка, а также сторонниками выкупа через систему государственного долга упраздненных продажных должностей Старого порядка¹¹⁸.

Избавление от государственного долга путем банкротства фельяны считали мерой безнравственной. «Journal de Paris» писал, что банкротство «было постыдным и легким методом неспособных и нерадивых министров; вряд ли справедливая Нация захочет его использовать... свободная Нация не дошла бы до такой крайности, чтобы терпеть его»¹¹⁹. Фельяны не допускали также отсрочек в выплатах государственного долга, как того хотели жирондисты. Например, позиция фельянов по отношению к владельцам подлежащих государственному выкупу ликвидированных должностей была четко отражена в том же «Journal de Paris»: «Просроченный долг владельцам должностей может быть выплачен только двумя способами: либо в ассигнатах, либо в национальных имуществах. Если кредитор не может получить долг в ассигнатах, то он имеет полное право требовать его уплаты в части национальных имуществ, так как именно на эти владения переносится право его собственности»¹²⁰. Здесь, как и в проектах решения аграрного вопроса, явно проступает тенденция не только защиты лиц, связанных с разного рода феодальными учреждениями, но и ее главное условие: все эти феодальные формы должны быть «переведены» на буржуазную правовую основу.

Рассмотренное направление социальной мысли фельянов показывает, что выработанная ими своеобразная концепция собственности включает два аспекта. С одной стороны, собственность объявлялась имманентно присущей всякому человеческому обществу, с другой – предполагалось, что только при Новом порядке она может освободиться от груза опутавших ее злоупотреблений. И эта вторая сторона подразумевала радикальный разрыв с унаследованной от феодального общества юридической системой Старого порядка, узаконивавшей личные общественные связи. Ее место должна была занять юридическая система, освящающая социальные отношения буржуазного общества и подразумевающая свободную частную собственность (*usus, fructus, abusus*).

Эта концепция делала в принципе возможным компромисс между бывшими привилегированными и собственническими слоями третьего сословия. Господствующий класс старой Франции получал право не только войти в новое буржуазное общество, поскольку после гибели сословной иерархии права личности гарантировались всем и никто не властен был их ограничить, но и занять лидирующие позиции благодаря своему богатству при том, что частная собственность становилась базой социальной организации. В предложениях фельянов можно увидеть попытку найти разрешение порожденной сословно-корпоративной системой «социальной напряженности» в верхах общества и пути к «примирению элит» на основе частной собственности¹²¹. В сущности, именно в этом будет заключаться социальный смысл того режима «нотаблей», т.е. специфической формы социально-политического верховенства буржуазии и крупных землевладельцев, который утвердился во Франции позднее, в первой половине XIX в.¹²²

Подводя итоги социально-экономическим взглядам фельянов, можно сделать вывод, что их социально-экономическая программа предполагала либеральный компромисс со Старым порядком. В этом заключалось главное своеобразие той модели Нового порядка, которую предложили фельяны.

2. ЭЛИТАРНОЕ ОБЩЕСТВО. ЛИБЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

К существенным элементам Нового порядка фельяны причисляли социальную структуру нового общества и организацию новых институтов власти; они также придавали особое значение принципам подбора нового политического персонала (политической элиты). И эти элементы Нового порядка, как считали фельяны, были уже налицо. «...Политический корпус сформирован, социальная организация завершена», – говорил 20 октября 1791 г. в Законодательном собрании М. Дюма¹²³.

Революция уничтожила сословно-корпоративное деление общества. Гибель старой социальной организации общества, с точки зрения фельянов, была прогрессивна и необходима. «Любое различие, – писал «L'Ami des Patriotes...», – которое основывается не на естественном происхождении, т.е. на не зависящем от человека, является порочным и антиобщественным; пример такого рода деления – дворянство»¹²⁴.

Сословно-корпоративной иерархии Старого порядка фельяны последовательно противопоставляли индивидуалистический принцип. Имен-

но на основе данного принципа они мыслили новую социальную организацию общества, где бы не было места никаким юридическим ограничениям свободы личности. Так, Ле Шапелье торжественно провозглашала с трибуны Учредительного собрания, что «от края и до края государства Конституция уничтожила все корпорации и что она признает только общество в целом (*corps social*) и отдельных индивидуумов»¹²⁵.

Но новое общество не представлялось фельянам простой однородной совокупностью индивидуумов. Они выделяли в нем различные социальные группы, нередко связанные друг с другом отношениями господства и подчинения. Лемонтэ делил общество на две большие группы: «одна это класс, который чем-либо владеет, другая – класс, который работает»¹²⁶. Малюз признавал необходимым «подчинение... одного класса... другому». Использование фельянами для обозначения социальных групп понятия «класс» – понятия, часто употребляемого в конце XVIII в. для обозначения социального объекта по двум признакам: образу жизни и источнику дохода, – свидетельствовало о признании ими вышедшего на первый план после падения Старого порядка социального деления, основанного на экономических реалиях, близких буржуазному идеалу общественной пользы. Среди социальных групп Нового порядка общества фельяны попытались найти ту новую господствующую общественную силу, которая шла на смену привилегированным сословиям и выразителями устремлений которой они себя считали. Определяя эту силу, фельяны обратились к понятиям «буржуазия» и «средний класс». По словам близкого к фельянам военного министра Луи Нарбонна, «самый важный класс общества... это класс буржуазных собственников»¹²⁷.

Но наиболее яркую характеристику новой правящей элите дал А. Шенье: «Должно было бы заметить, что класс, который обозначают словом «буржуазия», находящийся на равном удалении как от пороков чрезмерного богатства, так и от пороков нищеты, между расточительностью роскоши и крайней нуждой, составляет в основном массу настоящего народа... что этот класс самый мудрый, самый умеренный, ему наиболее свойственно все то хорошее и достойное похвалы, что подразумевает честный промысел, что, когда этот класс чем-либо недоволен, необходимо осудить пороки в законах и в правительстве»¹²⁸. С социологической точки зрения под достаточно широкую социальную категорию, которую А. Шенье определил как «буржуазия», можно подвести различные общественные слои, владевшие каким-либо доходом с вложенного капитала и ведущие «скромный» образ жизни. Иногда фельяны (и А. Шенье, как мы видели, не был исключением) ассоциировали ее с понятием «настоящий народ», которое также подразумевало зажиточную часть общества. «Народ, т.е. буржуазия, собственники, – писал журналист фельян Эсменар, – этому народу необходимо общественное спокойствие, возможность работать и свободное обращение богатств, которыми он владеет»¹²⁹. Таким образом, «настоящий народ», «буржуазия», – это собственники в широком смысле слова. В эту группу, вероятно, могли входить как представители средних и верхних слоев бывшего третьего сословия, так и некоторые бывшие привилегированные, ставшие после отмены сословных различий собственниками. Все собственники, по мнению фельянов, представляют

определенную психологическую общность, поскольку их объединяет общность целей и интересов: «... все земельные собственники, все те, кто живут на доходы от своей торговли и труда, чувствуют, что у них один и тот же интерес»¹³⁰. Обращает на себя внимание и некая градация, которую делают фельяны применительно к общей массе «истинных» граждан: на первом месте землевладельцы, затем коммерсанты и, наконец, на третьем – совокупность лиц, располагающих иными источниками дохода.

Следует отметить и новое употребление фельянами понятия «буржуа» применительно к широкому кругу собственников, занимающих срединное положение между «роскошью» и «нищетой» в предложенной ими социальной стратификации. «Я понимаю под этим словом, – писал Дюкенуа, – каждого, кому его труд или благоприобретенная собственность дают средства к существованию»¹³¹. Употребление понятия «буржуазия» в таких широких рамках появилось только в революционную эпоху. При Старом порядке наиболее распространенным был термин «буржуа», обозначавший рантье, «живущего по-дворянски» (*vivant noblement*), т.е. не занимавшегося физическим трудом и пользовавшегося закрепленными за данной категорией лиц привилегиями¹³².

В годы революции наравне с понятием «буржуазия» как его эквивалент стали употреблять и понятие «средний класс», которое ввел в политическую фразеологию А. Барнав¹³³.

Итак, основной фигурой общества Нового порядка, по мысли фельянов, должен стать буржуазный собственник в широком смысле слова. Его цель, по словам Дюкенуа, – раз и навсегда «установить иерархию властей, основывая общественное процветание на собственности – единственной и стабильной базе государства, единственной настоящей опоре свободы»¹³⁴.

Как и либералы XIX в., фельяны постулировали превосходство «буржуазии» над остальными социальными группами, во-первых, исходя из убеждения о совпадении интересов «буржуазии» с интересами общества в целом, во-вторых, считая, что только «буржуазия» в состоянии наиболее адекватно понять эти интересы и последовательно стремиться к общественному благу.

Интересна интерпретация этой либеральной по сути идеи у Малуэ. Выступая в Учредительном собрании, он говорил, что собственники, «как и лица, лишенные собственности, имеют разный интерес к безопасности и индивидуальной свободе, но они имеют сверх того особый интерес к созданию благоприятного положения для собственности. Они не составляют общество целиком, но являются его стволем и корнями, которые должны питать и направлять ветви»¹³⁵.

Характеризуя политические устремления «буржуазии», фельяны подчеркивали ее заинтересованность в гражданском равенстве, в свободе, причем не только в политической, но и в экономической, наконец, она выступает за «общественное согласие на основе общих интересов»¹³⁶. Фельянам удалось уловить реальные запросы того гетерогенного социального образования, каковым в ту эпоху являлась буржуазия в современном понимании этого слова. Зачастую связанная с движимым богатством и его воспроизводством и будучи самой мобильной из социально-классовых групп

Старого порядка¹³⁷, она ратовала за свободу как в сфере экономики, так и в сфере политики. Но лозунг свободы можно реализовать, только лишив привилегированных исключительного положения в социально-экономических и политических структурах дореволюционной Франции, закрепленного в их сословных правах. Поэтому требование свободы дополнялось и требованием гражданского равенства.

Принципы свободы и равенства, понимаемые в либеральном духе «Декларации прав...», отражали интересы общества в целом, интересы, на основе которых «буржуазия», по мысли фельянов, стремилась достичь общественного согласия. Но был и еще один принцип, важнейший, фокусирующий в себе интересы большей части французской нации, – речь идет о праве собственности. «Они (буржуа. – А. Т.) хотят революцию, свободу, равенство, но они хотят и собственность», – подчеркивал («L'Ami des Patriotes...») ¹³⁸. Как уже было показано выше, на этот принцип фельяны обращали самое пристальное внимание. Именно в собственности видели они консолидирующее начало общества, в собственности, понимаемой ими в широком смысле – как собственность гражданина на самого себя и на свои права, так и «реальная (вещная) собственность», и считали возможным объединение различных социальных слоев на данной основе. Об этом свидетельствует целый ряд высказываний в профельянской прессе. Так, аббат Морелле писал 6 марта в «Journal de Paris»: «Ни у кого нет сомнений, что... всем друзьям свободы... всем тем, кому есть что терять, настоятельно необходимо объединиться с тем, чтобы защитить свою личность и собственность (подчеркнуто мной. – А. Т.) и чтобы предотвратить, если еще есть время, полное уничтожение гражданского общества...» ¹³⁹

Призыв к объединению фельяны адресовали всем собственническим слоям французского общества, в том числе и выходцам из бывших привилегированных сословий. Как раз в таком контексте понимал призыв к сплочению собственников Малле де Пан в «Mercure de France», когда предупреждал всех собственников о нависшей над ними угрозе: «Настал день, когда собственники всех классов (подчеркнуто мной. – А. Т.) должны наконец осознать, что их... подрежет коса анархии...» ¹⁴⁰

Собственники, основная категория которых, с точки зрения фельянов, «буржуазия», или «средний класс», должны не только занять господствующие позиции в обществе, но и стать ведущей политической силой. Данный факт должен был проявиться в их исключительном праве на формирование политической элиты, куда, согласно фельянам, могли иметь доступ лишь владельцы собственности. По словам А. Барнава, только «зажиточный и просвещенный класс может управлять государством» ¹⁴¹. А Малуэ добавлял: «Лучше всего устроено то правление, где только собственники имеют решающее влияние» ¹⁴².

Фельяны определили новый, установленный революцией принцип доступа к государственно-политическим институтам. Если при Старом порядке таким принципом было обладание привилегиями, то теперь – владение собственностью.

Предлагая утвердить политическую власть собственников и опираясь на либеральную трактовку суверенитета, согласно которой только часть граждан может принимать участие в решении политических дел, фельяны

пошли по пути ограничительного толкования понятия «народ-суверен». М. Дюма дал, на наш взгляд, интересное и важное определение круга граждан, входивших в состав «народа-суверена». «Народ, – говорил он, – состоит из своих представителей, Национальной ассамблеи и короля; из всех выбранных им лиц для департаментов, дистриктов, муниципалитетов, трибуналов, большинства граждан королевства. Те, кто не являются активными гражданами, не являются и народом, а также частью того, что называют сувереном»¹⁴³.

Итак, «народ-суверен», по мысли фельянов, – это совокупность всех активных граждан, причем на первом месте ими выделяются лица, занимающие выборные государственные посты – настоящая политическая элита, – за которыми фельяны закрепили название «нотабли»¹⁴⁴. Только «активные» граждане способны со знанием дела отстаивать общие интересы и потому только они имеют право принимать непосредственное участие в политических делах. «*Chant du coq*» предостерегал от участия в важнейшем политическом деле – выдвижении выборщиков для последующих выборов депутатов в Законодательное собрание – «пассивных» граждан: «...если все люди без различия будут наделены правами активных граждан, голоса не имеющих никакого состояния будут подавлять голоса тех, кто, благодаря своему состоянию, предан судьбе отечества; представители нации будут назначаться теми, кого совершенно не интересует общественное благо. Что можно ждать от легкомысленной и заблуждающейся толпы, которую сбивают с истинного пути интриги и чьи-либо честолюбивые помыслы и которую нельзя остановить страхом перед опасностью, которой подвергается общественное благо из-за выдвижения в национальные представители людей несведущих или злодеев? Напротив, закон, который дает право присутствовать в избирательных собраниях активным гражданам, благоприятствует мудрому выбору... Нельзя сказать, что этот декрет узаконивает аристократию богатства, так как умеренный налог в размере трех ливров почти повсюду достаточен, чтобы стать активным гражданином, и этот налог... предполагает владение реальной собственностью»¹⁴⁵.

Владение собственностью, по мысли фельянов, обуславливает заинтересованность в общественном благе и потому необходимо для того, чтобы гражданин мог с наибольшей пользой принимать участие в решении общественных дел. «Активные» граждане не были в равной мере согласно представлению фельянов облечены правами суверена. «Если, – рассуждал М. Дюма, – отделять на время всех активных граждан королевства от их представителей и от их администраторов, от Национальной ассамблеи и короля, от администрации департаментов, дистриктов, муниципалитетов и так далее, то они не останутся народом-сувереном...»¹⁴⁶ Отражая чаяния фельянов и подчеркивая ведущую политическую роль нотаблей, М. Дюма указывал, что реальная власть сосредоточена в руках узкой политической элиты. Главным критерием принадлежности к ней фельяны считали владение собственностью – ведь настоящий хозяин страны тот, кто видит в ней свое отечество. А «поскольку родина – это земля, на которой живут, то она принадлежит только тем, кто владеет земельной собственностью»¹⁴⁷. Знак равенства, который ставили фельяны между фактом владения собственностью и заинтересованностью в общественном благе, опирался на известный либеральный постулат, согласно которому граж-

данин, имевший собственность, считался добившимся определенных успехов в ведении своих частных дел, в силу чего признавалось, что он будет также успешно решать и государственные дела (т.е. благо для отдельного гражданина является благом и для государства). Поэтому А. Дюпор предостерегал от выдвижения «на общественные должности людей неопытных в ведении дел, которые не имели до этого большого опыта»¹⁴⁸.

Права на осуществление функций суверена, как уже говорилось, были неодинаковы для тех или иных категорий «активных» граждан. Фельяны считали, что нужно «измерять права на суверенитет размерами собственности»¹⁴⁹. Основной социальной категорией, которая, по их мнению, должна контролировать политические институты власти, была «буржуазия», или «средний класс». Именно представители данной категории «активных» граждан отвечали необходимым для этого требованиям: быть просвещенными, иметь готовность жертвовать всем ради общественного интереса, обладать материальной независимостью, исключаяющей возможность подкупа¹⁵⁰. К тому же «буржуазная умеренность» являлась «душой и поддержкой свободы»¹⁵¹. В наиболее богатых «классах» слишком велик частный интерес, который вредит общему делу. В низших «классах» тем более нельзя найти гарантий защиты общественного блага, поскольку у граждан, принадлежащих к ним, нет не только необходимого состояния, чтобы обладать независимостью и не поддаваться коррупции, но и достаточного образования¹⁵².

«Средний класс» фельяны выделяли на основании ценса, из расчета уплаты прямого налога в сумме, превышающей стоимость заработной платы 40 рабочих дней (т.е. к нему относились те, чей годовой доход был не менее 120–240 ливров)¹⁵³.

«Буржуазия», или «средний класс», – главная, но не единственная социальная категория, имевшая доступ в выборные органы власти, хотя и монополизировавшая право на его формирование благодаря своему безраздельному господству в коллегиях выборщиков. Фельяны стремились обеспечить ей широкую поддержку, а также возможность выдвигать в состав политической элиты прочих «активных» граждан, не входивших в «средний класс», путем предоставления им пассивного избирательного права. Поэтому в Учредительном собрании они активно выступали за предоставление доступа всем «активным» гражданам к любым выборным органам власти при условии, что их кандидатуры будут одобрены коллегиями выборщиков, состоящих из представителей «среднего класса»¹⁵⁴.

Таким образом, оставив контроль над политическими институтами со стороны «среднего класса», фельяны фактически провозглашали суверенитет собственников. Те, у кого нет собственности, не могут претендовать на то, чтобы быть частью суверена. «Тот, кто хочет осуществлять народный суверенитет при посредстве сотен сбившихся с истинного пути рабочих, – писал Эсменар, – является интриганом и мятежником. Именно этому народу нужно оказывать помощь и усиливать по отношению к нему благотворительную деятельность, не позволяя ему, однако, злоупотреблять священным именем нации; именно об этом классе людей честных, но малообразованных Ш. Монтескье сказал: “Нужно сделать все для народа и ничего посредством него”»¹⁵⁵.

Устранение от участия в политической жизни «пассивных» граждан не рассматривалось фельянами как нарушение прав человека, поскольку они пользовались естественными правами. Что же касается политических прав, то их имеет далеко не каждый член общества. В «Le Chant du Coq» проводилось следующее различие между естественными и политическими правами: «Права человека и права гражданина разделены гранью, которую необходимо принимать в расчет. Мы выводим права человека из природы, а права гражданина из закона. Часто общественный интерес требует, чтобы изначальное равенство было изменено и чтобы в управлении страной наибольшее влияние принадлежало тем, кто больше всего заинтересован в приверженности к общественному благу. Права человека – неотъемлемые права. Великодушная нация должна их признавать и провозглашать. Права гражданина не всегда совпадают с правами человека. Они определяются законом, который может, исходя из нужд отечества, их расширять или уменьшать»¹⁵⁶. По словам Дюкенуа, повторявшего знаменитую формулу аббата Сийеса, политические права принадлежат только «акционерам» общества, которые участвуют в его жизни путем уплаты налогов¹⁵⁷.

Стремясь еще более закрепить ведущие позиции «среднего класса», фельяны отводили ему роль «промежуточной силы» в обществе, наподобие той, которой Ш. Монтескье хотел наделить аристократию. Как известно, этот мыслитель считал, что дворянство, в силу не зависящего от монарха и народа положения, которое ему обеспечивали его привилегии, должно уберечь государство как от народной анархии, так и от королевского деспотизма и тем самым придать устойчивость государственному механизму¹⁵⁸. В новых условиях, как полагали фельяны, «средний класс» должен занять то место в политической системе, которое Монтескье предназначал аристократии. А. Дюпор сожалел о том, что «масса» уничтожила дворянство: «...элемент нужный, даже необходимый для политической машины, тогда как достаточно было лишь уничтожить злоупотребления. Если бы в государственной машине получили место люди, известные благодаря своему богатству и образу жизни, то они могли бы пресекать волнение в народе и произвол министров. Они предотвратили бы вечную и гибельную борьбу короля и Законодательного собрания и придали бы вес правительству...»¹⁵⁹ А. Барнав считал, что именно наличие «среднего класса» позволяет «ввести аристократию в правительственную машину, не создавая дворянства в нации»; для этого необходимо учредить две палаты в высшем законодательном органе власти: «первая представляла бы порядок и собственность», вторая – прочих активных граждан¹⁶⁰.

Предложенное фельянами решение вопроса о формировании политической элиты напрямую связано с либеральным выбором. Либеральная доктрина во Франции конца XVIII – первой половины XIX в., четко разграничивая сферы «общества» и «политики», утверждала, что понятие «демократия», т.е. равенство в правах, не распространяется на «политическую сферу» и всецело принадлежит лишь «сфере социальной», а поэтому и признавала, что «демократия в обществе» (т.е. гражданское равенство. — А. Т.) не является несовместимой с политической аристократией¹⁶¹.

Одно из центральных мест в социально-политической мысли фельянов занимала проблема государства. Их интерес к устройству публичной

власти был не случаен. Во-первых, устройство государственной власти должно было быть подчинено единой цели – сохранению в неприкосновенности утвержденных революцией либеральных принципов и выводимых из них прав личности, что в конечном счете должно было гарантировать свободу личности. «Свобода, – утверждал Лемонтэ, – это цель хорошего правления»¹⁶². Во-вторых, еще с весны 1791 г. будущие члены фельянской группировки считали, что революция достигла своей цели, восстановив в обществе справедливые принципы его устройства, и выступали за упрочение Нового порядка путем укрепления политической власти. Отголоском этих настроений явилась следующая мысль А. Шенье: «... не может быть счастливого общества без политической власти и общественного порядка»¹⁶³. Обе указанные проблемы фельяны пытались решить в рамках оптимального государственного устройства.

Обдумывая принципы организации публичной власти, фельяны обратились к понятиям и логическим построениям, широко распространенным в XVIII в.

Как и все образованные люди XVIII в., они разделяли идею о том, что людьми движут слепая сила страстей и разумное начало. Причем только разум, по их мысли, может привести к общественному благу. «Каждый человек, – подчеркивал Малуэ, – приобщен к общественному благу благодаря своему разуму, тогда как страсти отдаляют его от общего блага»¹⁶⁴. Если страсти выходят из-под контроля, они губят разумное начало. Только законы и государственный аппарат могут уберечь разумное начало от поглощения страстями. В одной из брошюр, изданной от имени Общества фельянов, приводится известная цитата из Мабли: «Законы и государственная машина изобретены как раз для того, чтобы прийти на помощь нашему разуму, почти всегда бессильному перед страстями»¹⁶⁵. «Ваш разум... – говорилось далее в документе, – сделал бы из вас не людей, охваченных страстями, и мятежников, но друзей народа и его счастья»¹⁶⁶. Главная задача политической власти, следуя логике фельянов, – прийти на помощь разуму против действий страстей. Орудием политической власти является закон – проявление Высшего Разума, воплощенного в общей воле. Как раз на общую волю, т.е. на разум, должна ориентироваться политическая власть и устанавливать тот предел, за которым «индивидуальная воля должна остановиться и отступить перед законом»¹⁶⁷, т.е. перед выражением общей воли.

Оперируя понятиями общей воли и индивидуальной воли, фельяны отнюдь не считали, что первая должна подчинить вторую. Скорее, общая воля призвана установить границы, в рамках которых вполне допустимо проявление воли индивидуальной. Иными словами, публичная власть ни в коей мере не стесняет личность в пользовании ее правами и оставляет ей определенную законом автономию. Проявление страстей, как полагали фельяны, в известных границах благоприятно, так как, по мнению А. Шенье, страсти, двигающие людьми, «порождают соревнование – источник тысяч благ во всяком хорошо организованном обществе, поскольку оно поощряет каждого человека становиться лучшим из лучших»¹⁶⁸. Таким образом, публичной власти следует только контролировать проявление страстей – «примирять различные интересы и препятствовать частным амбициям покушаться на чужие права и гражданский мир»¹⁶⁹.

В определении публичной власти фельяны солидаризировались с Ш. Монтескье, считавшим, что внутренние противоречия в государстве ведут к процветанию и прогрессу, и явно дистанцировались от Ж.-Ж. Руссо, а вместе с ним и от целой школы государствоведов, представленной именами Спинозы, Гоббса, Локка, расценивавших их как символ упадка государственности¹⁷⁰.

Итак, концепция политической власти, отстаиваемая фельянами, предполагала сохранение прав и свободы личности, сосуществование и гармонизацию различных устремлений и интересов. Публичная власть призвана гарантировать пользование правами и свободу каждому гражданину, а также поддерживать установленный общественный порядок, защищая тем самым, общий интерес и общее благо. В рамках данной модели могли сосуществовать интересы самых различных социальных групп, включая и бывших привилегированных, которые признали бы революционные преобразования.

В своих рассуждениях о государстве фельяны обращались также к вопросам о форме правления и о разделении властей.

Лучшей формой государства они считали конституционную монархию. Яркую характеристику этой формы правления дал А. Барнав во «Введении в историю Французской революции»: «... есть государства, положение которых укрывает от бедствий войны, всегда благоприятной для королей... для дворян, земельная собственность которых не может погибнуть, но губительной для народа, труд которого требует покоя, призывает к навигации и торговле. В этих государствах в силу природы вещей движимое богатство и, следовательно, мощь народа должны завоевать огромное пространство. Здесь народ, дающий государству золото, которым этот государь оплачивает свою армию и с помощью которого управляет государством, однажды приобретает достаточно сил, чтобы отказать ему в нем; он ставит государю условия, он хочет наблюдать за его (золота. – А. Т.) употреблением, он хочет, чтобы власть, которую он поддерживает, была бы организована с наибольшим преимуществом для него самого, он хочет сам вести свои дела там, где он способен их вести, и наблюдать за ними там, где он не может управлять. Тогда организуется свободная и ограниченная монархия, самая счастливая, самая прекрасная из форм правления, которая когда-либо царствовала на земле»¹⁷¹.

В конституционной монархии принцип суверенитета, по мысли фельянов, должен реализовываться через систему представителей нации.

«Представителями французского народа являются Законодательное собрание и король» (Дюмолар)¹⁷². Оба эти органа – Законодательное собрание и король – представляют необходимые элементы организации конституционной монархии. Так, «L'Ami des Patriotes...» указывал, что закон во французском государстве является результатом обсуждения 747 граждан, наделенных доверием 7 млн их братьев, и размышлений монарха, наделенного полномочиями оценивать состояние общественного мнения и решать, правильно ли представители народа выражают волю народа»¹⁷³. Им соответствовали исполнительная и законодательная власти. Политические власти должны быть разделены¹⁷⁴. «Разделение властей есть один из главных принципов... Конституции», – говорил во время пересмотра Конституции в Учредительном собрании Гупиль-Префельн¹⁷⁵. Общим государственным властям следует пользоваться равными правами, быть независимыми и

находиться в равновесии. Устранение короля может привести к новому Учредительному собранию и к угрозе анархии, сосредоточение же всей власти в его руках – к деспотизму¹⁷⁶.

Разделение властей, по мнению того же Гупиль-Префельна, не должно быть абсолютным и между ними следует установить тесное взаимодействие. «... Но, – продолжал свою речь в Учредительном собрании Гупиль-Префельн, – если нужно, чтобы эти власти были разделены, также необходимо, чтобы между ними имела связь...»¹⁷⁷ Тесная связь между властями предполагала гармонизацию различных интересов и должна была уберечь от раскола в государстве.

Подводя итог социально-политическим взглядам фельянов, можно выделить две проблемы, получившие развитие в либеральных доктринах начала XIX в.: проблема «среднего класса» и проблема «свободного» правления¹⁷⁸. «Средний класс», или «буржуазия», по мнению фельянов, должен стать господствующей социально-политической силой, гарантом новой общественной организации, где были бы провозглашены принципы свободы, гражданского равенства, собственности, безопасности, национального суверенитета и обеспечены права и свобода личности. «Средний класс» осуществляет объединение самых различных социальных групп на базе провозглашенных либеральных прав и свобод и, что наиболее важно, – на основе собственности. Мощным средством такого социального компромисса, призванного положить конец революции и упорядочить Новый порядок, является государство, стремящееся примирить самые различные интересы и устремления под эгидой «среднего класса», т.е. буржуазное по сути государство с либеральным политическим режимом.

Воззрения фельянов, как и позднее либералов XIX в., имели под собой почву, поскольку отражали реальные черты, сопутствовавшие объективному превращению буржуазии (в научном понимании этого слова) в господствующий класс общества. Емкую характеристику этих черт дал А. Грамши: «Прежние господствующие классы были по существу своему консервативными в том смысле, что они не стремились проложить путь, по которому мог бы осуществиться органический переход от других классов к ним самим, т.е. не стремились расширить свою классовую сферу в «физическом» и идеологическом смысле, придерживаясь, таким образом, концепции замкнутой касты. Класс буржуазии утверждается как находящийся в непрерывном движении организм, способный абсорбировать все общество и поднять его до собственного культурного и экономического уровня. Вследствие этого роль государства меняется: оно становится «воспитателем», стремится к “конформизму”»¹⁷⁹.

Следует особо выделить подход фельянов к определению новой правящей элиты. Можно сделать вывод о близости проектов фельянов к правящей элите, которая станет реальностью в начале XIX в., – нотаблям¹⁸⁰. В обоих случаях в состав правящей элиты должны были иметь доступ средние или крупные собственники (причем предпочтение отдавалось держателям земельной собственности), в жизни которых важную роль играло происхождение и родовые связи – они наследовали свое состояние и передавали его потомкам. Фельяны также хотели создать своего рода буржуазное дворянство, принадлежность к которому определялась бы заслугами и размерами состояния, что вело к усилению родовых связей¹⁸¹.

Глава III

В ПОИСКАХ КОМПРОМИССА

В октябре 1791 г. один из лидеров фельянов, мэтр Парижа Ж.-С. Байи, выступая перед депутатами только что начавшего работу Законодательного собрания, провозгласил в форме наказа идею национального примирения: «Вы, господа, должны все объединить и все примирить. Революция окончена»¹. Именно гражданское согласие и социальный мир должны были прийти на смену «слишком затянувшейся революции»².

Сформулированный в многочисленных выступлениях фельянов в Учредительном, а затем и в Законодательном собраниях, в их прессе план – завершить Французскую революцию путем утверждения либерального общественно-политического устройства, в основе которого лежал бы компромисс между всеми имущими слоями общества, независимо от их прежнего сословного статуса, – фельяны пытались осуществить в тяжелой политической борьбе, продолжавшейся с лета–осени 1791 по лето 1792 г., т.е. вплоть до восстания 10 августа 1792 г. и свержения монархии во Франции.

1. КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПОРЯДОК

«Самая счастливая революция, – писал в июле 1791 г. А. Барнав, – готова завершиться. Основы свободы и равенства уже заложены, и французской нации осталось сделать только один шаг, чтобы приступить к осуществлению своих прав»³. И этим шагом должно было стать принятие первой французской Конституции.

Работа над отдельными статьями Конституции велась с сентября 1789 г., когда был сформирован конституционный комитет Учредительного собрания, провозгласивший подготовку Конституции своей первоочередной задачей. Через год, в сентябре 1790 г., Учредительное собрание решило приступить к кодификации принятых к тому времени конституционных декретов. С этой целью был расширен состав конституционного комитета, куда помимо его прежних членов – Турэ, Сийеса, Тарже, Талейрана, Деметье, Рабо, Тронше, Ле Шапелье – вошли Клермон-Тоннер, Бометц, Петитон, Бюзон, Дюпор, А. Ламет и Барнав. С приходом «триумвирата» – Барнава, Дюпора и А. Ламета – в конституционный комитет его работа приняла

иное по сравнению с первоначальным направлением. Теперь речь шла уже не только о сведении воедино конституционных декретов Учредительного собрания, но и о переосмыслении их содержания, о точном определении места и функций политических институтов с тем, чтобы препятствовать новому витку развития революции. Необходимость такого пересмотра для фельянов была очевидна. В ходе революции ослабела взаимосвязь между важнейшими элементами политической системы, теперь же, когда на повестке дня стоял вопрос о достижении общественной стабильности, насущной потребностью являлась адаптация политической системы к решению этой задачи. «Когда Революция совершилась, — отмечал А. Барнав, — когда Конституция восстановлена, для утверждения Нового порядка нужно, чтобы общее движение (политической машины. — А. Т.) вновь обрело свою энергию, чтобы каждая часть имела возможность выполнять свои функции, чтобы части сблизилась, чтобы вся машина укрепилась»⁴.

Для фельянов принятие Конституции должно было символизировать заключительный акт Французской революции. Старый порядок, против которого и была направлена революция, как считали фельяны, уже более не существовал. «Было бы невозможно дать Конституцию Франции, если бы еще сохранились какие-либо остатки Старого порядка», — уверял своих читателей Тевено де Моранд (см. табл. 2). В то же время, фельяны видели в Конституции надежный оплот против надвигающейся анархии. «Если вы, — обращался Барнав к депутатам Учредительного собрания, — когда-либо усомнитесь в Конституции, где же будет находиться тот рубеж, на котором вы остановитесь, и где остановятся ваши преемники?»⁵

Определяя ее политическое значение, они исходили из выдвинутой в 1789 г. Ж.-Ж. Мунье, Э.-Ж. Сийесом и А. Барнавом идеи о необходимом разграничении двух властей — конституирующей и конституированной. В соответствии с логикой такого разграничения нация обладает обеими властями, которые восходят к общему для них источнику — принципу народного суверенитета. В силу конституирующей власти нация вправе учредить представительные органы власти, т.е. дать себе Конституцию. Закрепленная в Конституции конституированная власть будет затем принимать решения от имени нации. Еще в марте 1789 г. Барнав указывал на необходимость различать две названные власти, когда писал, что «сама форма, которую бы сочли подходящей для сохранения Конституции, не соответствовала бы задаче ее установления»⁶.

Летом 1791 г. А. Барнав вновь вернулся к вопросу о соотношении этих властей, чтобы доказать необходимость скорейшего принятия Конституции. По его мнению, конституирующая власть являлась следствием «полного суверенитета», временно перешедшего от нации к Учредительному собранию, и представляла собой совокупность «крайних средств, необходимых, чтобы освободить угнетенный народ»⁷. Но, когда нация «дала себе Конституцию»⁸, когда ее «конституционная свобода гарантирована публичными обсуждениями и установлением ограничивающих друг друга властей»⁹, необходимо, чтобы конституирующая власть уступила место конституированным властям, поскольку конституирующая власть как прямое выражение национального суверенитета является «вечной причиной революции»¹⁰.

Конституционный акт, предложенный конституционным комитетом Учредительному собранию, воплощал важнейшие положения либеральной идеологии. В нем содержались гарантии гражданских прав и свободы личности, закреплялся принцип народного суверенитета и разделения властей при сохранении института монархии, а также обеспечивался контроль собственников над политической властью путем установления избирательного ценза. Конституционный акт предполагал утверждение либерального политического режима, наиболее благоприятного для достижения общественного согласия.

Названные черты будущей Конституции были очевидны для фельянов, видевших в ней институциональное воплощение своей политики гражданского примирения. «Почти подавляющее большинство конституционалистов, – вспоминал М.-Ж. Лафайет, – считали вместе с Лафайетом, что спасение заключается в полном и безоговорочном объединении вокруг Конституции»¹¹. Такой же точки зрения придерживался и «L'Argus patriote»: «...не существует ни одного благонамеренного человека, который бы не считал, что следует объединиться вокруг Конституции»¹².

Та роль, которую играла Конституция в политических планах фельянов, объясняет и их официальный лозунг, авторство которого приписывают Пьеру де Лакретьелю: «Конституция, вся Конституция и ничего, кроме Конституции!»¹³

Признавая политическую значимость конституционного акта, фельяны, однако, считали, что ему присущи и определенные недостатки, хотя наличие последних (и в этом были единодушны обе главные фракции фельянов – «ламетистов» и «файетистов») нисколько не умаляет его ценности. «Ламетисты» полагали, что «французская Конституция, имеющая много недостатков, тем не менее состоит из совокупности взаимосвязанных частей, которая не может быть нарушена при внесении в Конституцию недостающего ей политического элемента...»¹⁴ Почти так же думал Лафайет: «Конституция была несовершенной, но имелись возможности ее пересмотра, и она завоевала общественное доверие»¹⁵. Имелись и резко отрицательные оценки. Г-жа де Сталь назвала Конституцию «плохим кораблем, пущенным в море», поскольку видела в этом документе компромисс между конституционными монархистами и республиканцами¹⁶.

Основной слабостью Конституции 1791 г., по мнению А. Барнава, являлась организация политической власти: «Недостаток Конституции ... заключался не только в том, что общественные власти были плохо разделены, но и в том, что это разделение произвели неумело и что этим властям присуща неудачная организация»¹⁷. Фельяны считали, что законодательная власть не отвечала уровню стоящих перед ней задач. В ноябре 1791 г. они писали в секретном мемуаре бывшему послу императора Австрии во Франции графу Мерси-Аржанто о той проблеме, которая была для них очевидной еще летом 1791 г. и которую они так и не смогли разрешить: «У существующей в настоящее время Национальной ассамблеи нет ни опыта, ни твердого политического курса, она не пользуется доверием. Начиная с высших классов общества и кончая наименее просвещенной частью народа, все порицают ее крайности, все видят необходимость придерживаться бо-

лее правильной политической линии и придать управлению энергию, которая бы соответствовала задаче поддержания порядка в обществе...»¹⁸

Противовесом к посредственно исполняющему свои функции Законодательному собранию, воплощавшему законодательную власть, по мысли фельянов, являлась исполнительная власть в лице короля. Однако этому политическому институту, по их мнению, еще не были предоставлены все необходимые средства, чтобы он смог успешно выполнять свои функции равноправной власти по отношению к законодательной¹⁹.

Но если все фельяны были единодушны в оценке значимости Конституции 1791 г. и ее слабых сторон, то, когда речь шла об изменениях, необходимых внести в Конституцию, возникали разногласия между «файетистами» и «ламетистами».

Летом 1791 г., в тревожные дни Вареннского кризиса, противоречия между ними возникли по поводу организации исполнительной власти. Лафайет и некоторые его сторонники, видя в бегстве короля измену делу революции, высказывались за республиканскую форму правления, о чем М.-Ж. Лафайет оставил запись в своих мемуарах: «... никого не удивит, что день 21 июня породил среди одних или возродил у других чисто республиканские идеи. Совершенно естественно, что Лафайет должен был находиться среди последних. Договор нации с королем был нарушен им самим, он увлек за собой свою семью... Нужно было либо вести переговоры с королем, либо заменить его другим, либо уничтожить королевство. Это последнее решение находило отклики в сердцах республиканцев, и было бы несправедливо назвать необдуманным движение, которому в первое время Лафайет и его друзья позволили себя увлечь. Полной правдой является то, что в доме у Ларошфуко Дюпон де Немур предложил установить республику, известно также, что республиканская идея встретила сочувствие у хозяина дома и его друзей... надо также признать, что они хотели установить наследственное президентство, наделенное функциями исполнительной власти...»²⁰ Проект республики М.-Ж. Лафайета коренным образом отличался от проекта демократической республики, тогда же предложенного кордельерами. Сам Лафайет называл свою республику «политической», а республику кордельеров – «анархистской». В проекте «файетистов» вся конституционная система, разработанная Учредительным собранием, оставалась неприкосновенной, речь шла лишь о замене короля наследственным президентом. Кордельеры же предлагали демократическую республику с участием всех граждан в управлении, при отсутствии цензовых ограничений, с императивным депутатским мандатом и слиянием законодательной, исполнительной и судебной властей в одну, так как «суверенитет неотчуждаем и неделим»²¹.

На пост президента в новом, республиканском, устройстве, вероятно, рассчитывал сам Лафайет. Однако он не мог не понимать, что такого его возвышения не захочет прежде всего триумвират, в поддержке которого он в то время сильно нуждался (см. гл. I, п. 1). Лафайет отмечал в своих мемуарах, что его идея республики не встретила широкой поддержки среди умеренных конституционалистов²². Яркий пример тому – обсуждение вопроса о судьбе короля в конституционном комитете Учредительного собрания, когда два «файетиста» – Ле Шапелье и Бомец – не поддержали

мнения большинства о необходимости скорейшего восстановления на престоле Людовика XVI.

Признанный авторитет в области конституционных теорий Учредительного собрания и член конституционного комитета, Сийес также не высказывался прямо о необходимости восстановить на престоле Людовика XVI. Правда, в заочной полемике на страницах «Moniteur» с Т. Пейном, предлагавшим установить во Франции республику как форму правления, наиболее соответствовавшую «Декларации прав человека и гражданина», он (16 июля) доказывал, что монархия вполне соответствует «Декларации прав...» и наиболее приемлема для Франции²³. Вместе с тем вопрос о личности монарха Сийес оставлял открытым. В одном из своих черновых набросков, датированных 30 июня–16 июля, он записал, что «Людовик XVI должен оставаться пленником общественной безопасности» и что «Национальная ассамблея должна начать дискуссию относительно всех элементов, составляющих королевство, и относительно наилучшего соединения всех этих элементов, наиболее благоприятного для французской Конституции»²⁴.

В бумагах Сийеса сохранилась и сделанная его рукой копия петиции Якобинского клуба Учредительному собранию, в которой речь шла о замене Людовика XVI на троне при использовании всех конституционных средств, т.е. при сохранении институтов монархии²⁵. Справиться с неожиданной оппозицией оказалось непросто. Для этого, как сообщал Т. Ламет, не хватило красноречия и силы убеждения даже у Дюпора и Барнава. Только страстная реплика А. Ламета – «...если столь странная идея... была бы принята комитетом, несмотря на то бесчестье, которое он на себя этим действием навлечет, если даже ее примет Национальная ассамблея и лишит короля короны, я думаю, что я и мои друзья еще будут обладать достаточной популярностью, чтобы возложить корону на голову королевского наследника»²⁶, – спасла легитимно-конституционную монархию. Комитет поддержал своим решением восстановление монархии в лице Людовика XVI, и этим разногласия между «ламетистами» и «файетистами» по вопросу организации исполнительной власти фактически были исчерпаны и в дальнейшем не возобновлялись.

Другим важнейшим пунктом разногласий являлась проблема организации законодательной власти. К августу 1791 г. как «ламетисты», так и «файетисты» разделяли идеи «монархистов» о двухпалатном парламенте²⁷. Забегая вперед, следует сказать, что вплоть до весны 1792 г. они не могли прийти к соглашению по фактически второстепенным деталям учреждения нового парламента. Эти расхождения сводились к двум следующим положениям: 1) «ламетисты» в отличие от «файетистов», ратовавших за организацию верхней палаты в форме сената, выбираемого на определенный срок, склонялись к наследственной верхней палате парламента²⁸; 2) «ламетисты» стремились провести изменения в устройстве парламента, используя надвигающийся внешне- и внутриполитический кризис лета 1791 г., тогда как «файетисты» считали такие изменения неприемлемыми в экстремальных условиях и откладывали их на будущее²⁹.

В целом, оценивая позиции сторонников Лафайета и Ламетов по глобальным конституционным вопросам, можно прийти к заключению, что

обе фракции фельянов хотя и имели определенные расхождения, тем не менее были едины в главном. И эту общую для них цель резюмировал в июле 1791 г. в Учредительном собрании А. Барнав, который, как и все фельяны, считал, что правление во Франции должно быть «представительным и монархическим», а не республиканским и демократическим³⁰. Против своих оппонентов из республиканско-демократического лагеря А. Барнав использовал ставший классическим аргумент, который исторически связывал республиканскую модель с прямой демократией, предполагавшей обязательное участие каждого гражданина в выражении суверенной власти и строгое подчинение частных интересов интересам всего гражданского коллектива. Кроме того, считалось, что республика может существовать в небольших государствах. Как и большинство либеральных политиков, А. Барнав утверждал, что для такой большой и густонаселенной страны, как Франция, где к тому же отсутствуют необходимые для существования республики простота и строгость нравов, монархия является единственно приемлемой формой государственного устройства. Именно монархия могла обеспечить Франции свободу и стабильность – два непеременных условия «хорошего правления»³¹.

Идея ограниченной монархии неразрывно связана в политическом дискурсе Барнава с идеей представительного правления. Политическое представительство, по его мысли, дает гарантии «свободного правления» в монархии и противоположно прямой демократии. В Учредительном собрании он обвинял республиканцев за то, что «ним неизвестны основные принципы правительств»: «...когда они приходят в Учредительное собрание с тем, чтобы противопоставить чистые демократии представительному правлению... я их спрашиваю еще раз, неужели они забыли уроки истории, свидетельствующие, что чистая демократия одной части народа может существовать только благодаря гражданскому, политическому, абсолютному рабству другой части народа... я утверждаю, что представительное правление – первое, самое свободное и самое возвышенное»³².

Конституционными представителями нации А. Барнав называл депутатов будущего Законодательного собрания и короля, наследственного представителя нации, главу исполнительной власти. Закрепление за королем статуса наследственного представителя нации было определенным новшеством. В силу легицентризма политико-правовой мысли эпохи Французской революции статус власти определялся по ее роли в издании законов. Поэтому исполнительную власть французские революционеры зачастую рассматривали как власть, подчиненную власти законодательной. Летом 1791 г. тема укрепления исполнительной власти стала лейтмотивом политических выступлений фельянов. По мысли А. Барнава, независимость обеих властей являлась «первоосновой представительного и монархического правления»³³. Обе власти – исполнительная и законодательная – независимы, так как равноправны по своей природе: они в равной мере являются конституированными властями. Вместе с тем А. Барнав не раз подчеркивал, что обе эти власти должны ограничивать друг друга. Так, исполнительная власть в лице короля наделена правом участия в законодательстве, поскольку обладает правом суспенсивного вето на декреты Законодательного

собрания. Последнее в свою очередь может вмешиваться в действия исполнительной власти в силу ответственности перед ним министров, назначаемых королем. При этом Барнав последовательно отстаивал неприкосновенность личности короля, ибо ее неприкосновенность – залог независимости исполнительной власти.

В августе 1791 г. фельяны предложили Учредительному собранию ряд поправок к конституционным декретам. Они были направлены, во-первых, на то, чтобы закрепить преобладание либерального большинства Учредительного собрания в высших институтах государственной власти. Фельяны хотели: 1) отменить декрет о несовместимости депутатского мандата с постами министров и разделить последних правом законодательной инициативы, которой те были лишены; 2) отменить закон, запрещавший переизбрание депутатов Учредительного собрания в Законодательное; 3) узаконить избрание депутатов в Законодательное собрание не от департаментов, а от страны в целом, что давало определенные преимущества политикам-либералам, зачастую пользующимся общенациональной известностью, тогда как избрание от департаментов усиливало влияние на выборы партикуляристских настроений.

Во-вторых, предложения профельянского конституционного комитета имели своей целью усилить королевские прерогативы. Об этом свидетельствовали следующие поправки: 1) наделить короля правом помилования; 2) предоставить ему право командовать армией; 3) предоставить ему статус наследственного представителя нации, не сменяемого и не подлежащего суду; 4) лишить родственников короля статуса «активных» граждан и присвоить каждому титулу «принц Франции», что исключало из политической жизни близких королевских родственников, в том числе и герцога Орлеанского, представителя младшей ветви дома Бурбонов, в котором фельяны видели нежелательного претендента на политическое первенство и кого они стремились удалить из активной политической жизни.

Наконец, третья группа поправок преследовала цель предоставить всем собственникам господствующее положение в государственных институтах власти и решить на компромиссной основе вопрос о церковном устройстве. Среди последних следует назвать: 1) предложение о реформе избирательного ценза, которая хотя и предусматривала отмену закона о «марке серебра» и открывала путь в выборные органы власти всем «активным» гражданам, тем не менее резко затруднила бы доступ в коллегию выборщиков, ограничив его высоким цензом дохода стоимостью 200 рабочих дней в городах с населением не менее 6 000 жителей; 2) проект декрета о создании 2-й палаты парламента с депутатами, избираемыми пожизненно; 3) исключение из числа конституционных законов декрета о гражданском устройстве духовенства – именно эта мера давала возможность уже в рабочем порядке пересмотреть правовой статус церковной организации. Проект Конституции, представленный конституционным комитетом, не предусматривал возможности в ближайшем будущем вносить изменения в Конституционный акт³⁴.

В ходе бурных августовских дебатов по Конституции фельянам не удалось одержать верх по всей совокупности предложенных ими изменений. И все же Учредительное собрание приняло ряд внесенных ими

принципиальных поправок. Учредительное собрание пошло на реформу имущественного ценза, предоставило право королю командовать армией и признало за ним статус наследственного представителя нации, несменяемого и не подлежащего суду. За рамки Конституции был выведен закон о гражданском устройстве духовенства.

Ощутимый успех сопутствовал фельянам и в самом конце августа, когда неожиданно остро стал обсуждаться вопрос о возможности внесения последующих изменений в Конституцию. Якобинская левая настаивала на том, чтобы такой пересмотр был осуществлен периодическими или даже экстраординарными собраниями – «конвентами», которые собирались бы по инициативе всех «активных» граждан. Фельяны – Л.-Ф.-Э. Рамон, А.-Б.-Ж. д'Андре, Ж.-Б. Салль, Ж.-Н. Деменье — добились того, что пересмотр можно было осуществить только по инициативе Законодательного собрания, путем преобразования его в Национальный конвент посредством увеличения состава последнего наполовину. Первый пересмотр Конституции мог быть осуществлен не ранее 1800 г.³⁵

В целом фельянам, несмотря на то, что Учредительное собрание отвергло многие из предложенных ими поправок к Конституции, удалось достичь значительного укрепления королевской власти и усиления контроля собственников над государственными институтами, а также не допустить саму возможность пересмотра Конституции «конвентами». Этим они создавали условия для политического компромисса. 3 сентября 1791 г. первая французская Конституция была принята.

В сентябре, развивая свой августовский успех, фельяны провели через Учредительное собрание ряд законов, которые были направлены на стабилизацию конституционного порядка и генетически восходили к «политике социального сопротивления» весны 1791 г. 20 сентября, по речи А. Дюпора, Учредительное собрание приняло декрет, предусматривающий разного рода наказания должностным лицам, подписавшим какую-либо антиконституционную петицию. На следующий день, 21 сентября, тот же Дюпор провел декрет о создании специальной городской полиции, которая призвана была обеспечивать безопасность граждан и их собственность³⁶. 29 сентября он же вносит в Собрание проект декрета, принятого большинством, о так называемых «преступлениях прессы», под которыми понимались оскорбления в печати должностных лиц³⁷. В одном ряду с этими декретами стоит и декрет, развивающий содержание майского декрета об управлении колониями, принятый по докладу А. Барнава. С его принятием Учредительное собрание окончательно передало проблему надления правами «активных» граждан свободного цветного населения колоний на усмотрение колониальных собраний, состоящих из белых колонистов, не желающих допускать мулатов к управлению делами колоний³⁸.

Заключительным аккордом в осеннем «фельянском законодательном натиске» прозвучал проект декрета, внесенный Ле Шапелле и сразу же одобренный Учредительным собранием, о запрещении политической деятельности клубов в любых формах (запрещались воззвания от имени клубов, декларации, петиции, вмешательство в работу государственных органов управления) под угрозой строгого наказания, вплоть до лишения на определенный срок прав «активного» гражданства и высокого денежного штрафа³⁹.

В дальнейшем фельянам никогда не удастся достичь таких парламентских успехов, как в августе–сентябре 1791 г.

Конституция 1791 г. и принятые в сентябре под давлением фельянов законы, казалось, стали воплощением политики гражданского примирения, для которой теперь была создана юридическая база.

2. ВОПРОСЫ ТАКТИКИ. ВОЙНА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ЛЕТА 1792 г.

Успех политики национального примирения фельяны связывали с ее поддержкой «буржуазией», или «средним классом». От политической позиции «среднего класса» зависела стабильность общественно-политического режима, закрепленного в Конституции 1791 г. Вот почему одним из основных условий успеха политики фельянов А. Дюпор считал следующее: «Нужно добиться доверия и приверженности этого среднего класса, оставаясь верными Конституции...»⁴⁰

Вместе с тем фельяны утверждали, что «средний класс» органически связан со всей нацией, являясь ее признанным лидером. В этом плане показательна критика журналистами-фельянами А. Шенье и Тевено де Морандом жирондистов Лантена и Петиона, попытавшихся представить «буржуазию» антиреволюционной силой и противопоставить ее народным массам. В открытом письме к Бюзо мэра Парижа Жером Петион высказал реалистическое понимание сложившейся к началу 1792 г. политической ситуации. Опасность для революции он видел в том, что «буржуазия, этот многочисленный зажиточный класс, идет на раскол с народом, она ставит себя выше его, она видит себя на одном уровне с дворянством, которое ее презирает и которое ждет только подходящего момента, чтобы ее унижить»⁴¹.

Спасение революции, по его мнению, заключалось в восстановлении единства третьего сословия. Мэр Парижа верно указывал на имеющую место тенденцию компромисса верхних слоев бывшего третьего сословия с бывшим дворянством. Но он также подчеркивал и невозможность подобного компромисса. На два месяца ранее Петиона подобную точку зрения на суть происходящих событий высказывал Лантена, который считал, что «буржуазная аристократия» заняла бывшее место дворян и ставит народ ниже себя.

Положения, сформулированные Петионом и Лантена, были расценены отвечающими им А. Шенье и Тевено де Морандом как попытки внести раскол в ряды третьего сословия, разделить «нацию на народ и буржуазию», называя «народом всех тех, кто ничего не имеет», и посеять вражду между имущими и неимущими слоями общества (А. Шенье)⁴². «Кто не видит (в этом предложении. – А. Т.) желания поднять против класса людей, который имеет собственность, тех людей, кому ничего не терять?» – спрашивал у своих читателей Тевено де Моранд⁴³.

Тем самым подрывалась идея политического объединения различных социальных сил во главе с «буржуазией» с целью завершения революции и сохранения Нового порядка. Что же касается упомянутой жирондистами попытки компромисса между «буржуазией» и бывшим дворянством, то А. Шенье и Тевено де Моранд обошли этот вопрос молчанием, вероят-

но, потому, что такая его постановка отвечала их убеждениям. Во всяком случае фельяны, как о том писал к королеве А. Барнав, спасение Нового порядка от анархии видели в политическом объединении и активных действиях всех собственников, независимо от их происхождения: «Мы страхнем апатию со всех собственников, которых обрекают на разорение продолжающиеся беспорядки»⁴⁴.

Достижение общенационального примирения, которое фельяны хотели осуществить на условии признания всеми противоборствующими политическими силами Конституции 1791 г., требовало от них и определения действий по отношению к своим политическим оппонентам. Профельянская афиша «*Chant du Coq*» четко подразделяла последних на два лагеря: «...не надо смешивать две группировки, которые в равной мере опасны; те, кто сожалеет о своих титулах, о своих привилегиях, отличиях, которые льстили их самолюбию, и об узурпированных правах, которые позволяли угнетать им себе подобных, хотят возврата к Старому порядку и являются как врагами революции, так и врагами Конституции – это аристократы; те, кто вчера помог совершить революцию, а сегодня под влиянием ложных идей хотел бы изменить законно установленную форму правления, те, кто желает заменить ограниченную законом монархию абсурдным республиканизмом, и кто, чтобы достичь этой жалкой цели, беспрестанно клеветает на дела и помыслы Национальной ассамблеи, – также являются врагами Конституции, и притом не менее опасными, чем первые»⁴⁵.

Фельяны ясно обозначили два враждебных лагеря – революционных демократов и открытой конгрессологии, сами же претендовали на центристскую политическую позицию. В фельянской прессе часто оба неприятельских лагеря объединялись в единый лагерь тех, кто так или иначе выступал против Конституции. «...Уже не в первый раз, – писала одна вечерняя профельянская газета, – мы имеем возможность указать на близость аристократов и мятежников (т.е. революционных демократов. – А. Т.) и заметить, что они имеют общие взгляды по многим вопросам»⁴⁶. Сходство между ними фельяны усматривали прежде всего в том, что и те и другие в равной мере тайно или явно не признавали Конституции⁴⁷.

Наиболее опасными среди своих политических противников фельяны считали революционных демократов. Они называли их несколько необычно: «республиканцы-аристократы»⁴⁸. «Самые опасные аристократы те, – говорилось в афише «*Chant du Coq*», – которые хотят из Франции сделать гигантскую республику или конфедерацию из 83 республиканских государств»⁴⁹. Однако отношение к ним среди фельянов было неоднозначным. «Ламетисты» настаивали на применении жестких мер к демократам. Дюпор делил последних на три группы: 1) приверженцы революционных переворотов, видящие в них свою цель; 2) мошенники и преступники, желающие укрыть свои преступления под громкими лозунгами; 3) убежденные республиканцы. Он призывал свести их политическое влияние к минимуму⁵⁰.

Иные позиции в данном вопросе занимали «файетисты». Они видели потенциальных союзников в жирондистах, правда, с оговорками и в определенных границах. Вот какую оценку перспективам союза с жирондистами дал Лафайет: «Лафайет сожалел о расхождениях между

конституционалистами и жирондистами... но, хотя среди жирондистов также были роялисты–конституционалисты, они... стремились изменить Конституцию или, скорее, помешать ее применению... чтобы не дать себя обойти по популярности настоящим якобинцам»⁵¹.

Иным было отношение фельянов к правым, контрреволюционным, силам, к эмигрантам, которые к тому времени уже создали вооруженные формирования и вели активную агитацию в европейских столицах против революционной Франции. А. Дюпор подразделял эмигрантов на две группы: 1) те, кто отвергает Конституцию, поскольку она не обеспечивает в достаточной мере сохранности собственности, – «это, скорее, роялисты, чем аристократы»; 2) те, кто не признает Конституцию из-за «уязвленной гордости и потери выгоды», – «это, скорее, аристократы, чем роялисты»⁵². Между обеими группами, по мнению Дюпора, имели место глубокие противоречия, поскольку, «как только речь заходит о замене (Конституции. – А. Т.) другой системой, они не могут сговориться»⁵³. Фельяны были убеждены, что среди эмигрантов почти никто не хочет возврата к Старому порядку. «Одним словом, – писал Дюкенуа в «L'Ami des Patriotes...», – за исключением очень узкого круга людей... невозможно найти того, кто бы отрицал, что нужно установить во Франции правление, отличное от старого и на более справедливой основе... У революции гораздо меньше врагов, чем думают, если подразумевать под этим понятием то, что я понимаю всегда – уничтожение прежних злоупотреблений»⁵⁴. Отсюда они делали вывод о необходимости гибкой политики по отношению к эмигрантам с тем, чтобы создать все условия для признания ими Нового порядка и для их возвращения.

В то же время, по мнению фельянов, необходимы жесткие меры по отношению к непримиримым. «L'Ami des Patriotes...» призывал придерживаться лозунга «Единение и порядок»: единение – для успешной борьбы с внешними врагами и непримиримой эмиграцией; порядок – для борьбы с теми, кто хочет продолжения революции, и для того, чтобы создать условия для возвращения тех эмигрантов, которые покинули пределы страны из страха за свою жизнь и собственность»⁵⁵. Необходимо гарантировать личные права эмигрантов и неприкосновенность их собственности. «Заслуживающие уважения люди, – писал «L'Argus patriote», – выходящие из сословий, которые упразднены, не утратили своих личных прав, хотя притязания касты, к которой они принадлежали, не признаются более»⁵⁶. «Во Франции, – подчеркивал «L'Ami des Patriotes...», – есть только одно имя – это имя французов, свободных людей. Равенство уравнило всех перед законом»⁵⁷. Фельяны пытались также найти ключ к решению проблемы церковного раскола – к осени 1791 г. Франция разделилась на сторонников и противников гражданского устройства духовенства, принятого еще в июне 1790 г. Они видели выход в предоставлении права каждому священнику следовать избранному им культу: «Религия – это отношения человека с Богом, и она не признает иного посредника, кроме совести»⁵⁸.

* * *

Осуществление политики национального примирения, по мысли фельянов, должно было сопровождаться укреплением конституционного

порядка и усилением исполнительной власти в лице короля. Они полагали, что Людовик XVI призван стать организатором национального согласия. Он должен был оказаться в центре нации, на «своем настоящем месте» и оставаться «единственным неколебимым элементом Конституции»⁵⁹.

Но, несмотря на то что Барнав считал всю «Конституцию проникнутой монархическим принципом»⁶⁰, позиции короля как наследственного представителя нации не были прочны. Уже в самой Конституции было заложено противоречие, заключавшееся в неравной легитимации двух властей: законодательной – путем выборов и исполнительной – в соответствии с правом наследования. 10 августа 1791 г. в Учредительном собрании Редерер обратил внимание на это противоречие: «Сущность политического представительства в том, что каждый гражданин, которого представляют, существует и принимает решения через своего представителя, в том, что он растворяет свою волю путем акта свободного доверия к воле своего представителя. Таким образом, без выборов нет политического представительства; идеи политического представительства и наследования взаимоисключают друг друга; наследственный монарх не является представителем нации»⁶¹.

Выход из создавшегося положения фельяны усматривали в легитимации исполнительной власти силой общественного мнения. «Король, – писал А. Барнав Марии-Антуанетте 7 сентября 1791 г., – либо завоюет сейчас общественное мнение, либо отворотит его от себя. Если король будет поддержан общественным мнением и всеобщим доверием, то он очень быстро достигнет такого могущества, которое ему было предназначено, все группировки будут повержены, а их главы уничтожены. Если, напротив, король оттолкнет общественное мнение в то время, когда оно само стремится к нему, группировки вновь обретут все свои преимущества и вскоре король, лишенный силы и сторонников, увидит, как власть оспаривается между внутрисударственными группировками и группой эмигрантов, которые хотя и будут под разными знаменами, тем не менее все выступят против него»⁶². Чтобы окончательно привлечь на свою сторону общественное мнение и симпатии всей нации, король, разумеется, должен был следовать политическим рекомендациям фельянов. В качестве первого шага ему следовало безоговорочно санкционировать конституционный акт. «...Король, – писал «L' Ami des Patriotes...», – должен принять Конституцию, не делая никаких замечаний. Этот долг диктуется его интересами, его безопасностью, общественным спокойствием, счастьем королевства»⁶³. Вслед за тем предполагалось, что Людовик XVI пошлет официальные приглашения вернуться во Францию своим братьям – графу Прованскому и графу Артуа, а с ними и примиренчески настроенным эмигрантам⁶⁴. Тексты посланий, как и всех речей короля в Законодательном собрании, составляли А. Барнав, А. Дюпор и Александр Ламет⁶⁵.

Параллельно с активным участием в формировании королевской политики фельяны провели ряд демаршей при императоре Австрийской империи Леопольде II и других европейских дворах. Их цель заключалась в том, чтобы добиться признания Конституции и Нового порядка во Франции европейскими государствами, в результате чего последние прекратили бы

предоставлять помощь эмигрантам и сами отказались бы от враждебных Франции действий. В результате была бы устранена внешняя опасность, резко уменьшился бы политический и военный вес эмигрантов, создающих собственные вооруженные силы, и утвердился порядок внутри страны, поскольку внешнеполитической напряженностью, как считал А. Барнав, пользуются якобинцы для дестабилизации внутривнутриполитического положения. Именно они называют «порядок мирной контр-революцией»⁶⁶.

Еще в конце июля – начале августа 1791 г. в соответствии с планом фельянов была осуществлена миссия доверенного лица Талейрана аббата Луи при императорском после во Франции графе Мерси-Аржанто, в то время проживавшего в Брюсселе, с целью войти в непосредственный контакт с Леопольдом II. Суть миссии аббата Луи, организованной при посредничестве Марии-Антуанетты, состояла в том, чтобы условиться с императором о характере изменений, которые следует внести в Конституцию во время пересмотра конституционных декретов в августе 1791 г., о мерах по усилению исполнительной власти короля и потребовать взамен от императора прекращения поддержки эмигрантов и признания конституционного порядка во Франции⁶⁷. Леопольд II достаточно благосклонно принял переданные ему предложения фельянов. В личном послании Марии-Антуанетте он писал, что с удовлетворением узнал о существовании союза «лучших умов Национальной ассамблеи», объединившихся с «настоящими слугами короля, чтобы поддержать монархию и обеспечить Его Величеству власть и авторитет, которые ему необходимы для управления». «Эти обещания, – добавлял император, – отвечали бы моим желаниям, если бы к твердости намерений прибавилась реальность их осуществления...»⁶⁸

В принципе император был не против существования конституционно-го режима во Франции, однако при условии, если Людовик XVI добровольно одобрит Конституцию⁶⁹. Он даже настоятельно советовал королю «испытать Конституцию»⁷⁰. Ободренные позицией, занятой императором, фельяны для дальнейших переговоров с Венским, а также Берлинским дворами стремились действовать через близких к их организации представителей короля Франции при этих дворах, соответственно Сегюра и Ноайля. Однако планам фельянов не суждено было сбыться. Неожиданно для них самих их непримиримыми противниками стали королева и Людовик XVI. Вплоть до конца 1791 г. Мария-Антуанетта и Людовик XVI связывали свои надежды с созывом «вооруженного конгресса» европейских государств, который принудил бы французов вернуться к несколько реформированным принципам Старого порядка, изложенным 23 июня 1789 г. в «Декларации о намерениях короля»⁷¹. В одном из писем к Мерси-Аржанто, датированном 7 августа 1791 г., Мария-Антуанетта назвала Конституцию «сплошным неприменимым абсурдом»⁷². Об отношении же королевского двора к фельянам она следующим образом сообщала в послании к тому же адресату в Брюссель: «...для нас речь идет только о том, чтобы их (фельянов. – А. Т.) усыпить и внушить доверие к себе, чтобы затем с большим успехом расстроить их плань»⁷³.

Намерения Марии-Антуанетты и королевского двора были вполне ясны графу Мерси-Аржанто. В письме к канцлеру Кауницу он резюмировал

ставшие известными ему планы французского двора: «Королева заигрывает с этой партией (т. е. фельянами. – А. Т.), которая кажется ей полезной, но она против той системы, которую эта партия предлагает; отсюда становится ясным, что Тоильери надеется на восстановление ранее существовавшего порядка»⁷⁴.

Позиция, занятая французским двором, существенно повлияла на политику европейских дворов по отношению к Франции. И это уже отчетливо проявилось в реакции европейских государств на санкционирование Людовиком XVI Конституции. Они не торопились признавать законность Нового порядка. Леопольд II уклонился от четкого определения своего отношения к конституционной монархии во Франции. Выжидательную позицию занял король Пруссии. Испанская монархия через своего министра иностранных дел графа Флорида Бланка объявила о непризнании конституционного режима во Франции, ссылаясь на тот факт, что король не пользовался полной свободой, когда санкционировал конституционный акт⁷⁵. Только второстепенные государства – Швеция, Дания, Неаполитанское королевство, а также ряд мелких германских княжеств нашли новый конституционный порядок во Франции вполне законным⁷⁶.

* * *

В эпоху Законодательного собрания фельяны предприняли ряд действий с тем, чтобы добиться решения вопросов об эмигрантах и о неприсягнувших священниках. Левая Собрания настаивала на принятии суровых мер по отношению к ним, что делало невозможным в дальнейшем какой-либо политический компромисс. Поэтому фельяны, верные своей политике национального примирения, предприняли ряд мер, направленных на предотвращение окончательного разрыва с политическими противниками Нового порядка. Еще в августе 1791 г. они выработали концепцию закона против эмигрантов. 1–3 августа фельяны К.-Ф. Буш, Т. Вернье и Ж.-В. Салль внесли в Учредительное собрание законопроекты, согласно которым имущества «отсутствующих в королевстве граждан» (так они называли эмигрантов) подлежало обложению налогом в 3-кратном размере⁷⁷. Уже в этих законопроектах и принятом 6 августа законе отчетливо проявились главные черты политики фельянов по отношению к эмигрантам, которые сохранятся и в дальнейшем: предполагалось, с одной стороны, жесткими мерами заставить прекратить их враждебную Франции деятельность, с другой – создать все условия для их возвращения. В этом духе был выдержан проект декрета против эмигрантов фельяна Дюкастеля, внесенный на рассмотрение Законодательного собрания. В нем говорилось, что «все французы, собравшиеся за границей королевства, объявляются подозреваемыми в заговоре против отечества»⁷⁸. Одна из статей проекта предполагала смертную казнь всем эмигрантам, которые к 1 января 1792 г. «будут устраивать мятежные сборища»⁷⁹. Но определенный элемент устрашения, содержащийся в предложенном законопроекте, не был опасен для эмигрантов. Как справедливо заметил оппонент Дюкастеля от левой Собрания Ж. Кутон, исходя из его содержания невозможно будет доказать сам факт участия в «сборище эмигрантов» того или иного лица⁸⁰. Кроме того, проект Дюкастеля не

предусматривал ущемления имущественных прав эмигрантов и предлагал отчисление всех доходов в пользу нации только с собственности заочно осужденных⁸¹.

Паллиативный фельянский законопроект не встретил одобрения, и Собрание приняло его с существенной поправкой Ж. Кутона, изменившей саму его суть. Согласно окончательному декрету Законодательного собрания участником «эмигрантских сборищ» объявлялся каждый эмигрант, не вернувшийся во Францию к 1 января 1792 г. Теперь речь шла о бесповоротном разрыве со всеми эмигрантами после 1 января. Кроме того, серьезно нарушались и права личности. Ведь в числе подлежащих преследованию могли оказаться и граждане, покинувшие Францию без намерения присоединиться к вооруженным отрядам эмиграции. На это фельяны не могли пойти. Поэтому когда в феврале фельян Седийе от имени комитета по законодательству внес на рассмотрение Законодательного собрания проект декрета об эмигрантских имуществах, то он исходил из разработанной фельянами в августе–ноябре концепции законодательства против эмигрантов – в качестве репрессивной меры предлагалось тройное обложение налогом доходов от собственности эмигрантов в пользу нации⁸². Кроме того, фельяны добились в Законодательном собрании принятия декрета (30 октября 1791 г.), предписывающего брату короля графу Прованскому (будущему Людовику XVIII, бежавшему вместе с королем 21 июня и благополучно достигшему границы) в двухмесячный срок вернуться во Францию под угрозой потери прав на французский престол (дофин-сын Людовика XVI был несовершеннолетним).

Таким образом, максимум, на который шли фельяны в вопросе об эмигрантах, заключался в том, чтобы репрессивные меры против них не затрагивали их имущества (частичному секвестру подлежали только доходы) и личность. Не желая окончательного разрыва, фельяны всегда оставляли возможность примирения, даже если эта возможность шла вразрез с мерами национальной безопасности.

С тех же позиций решался вопрос и о неприсягнувших священниках. Фельяны оставляли на усмотрение каждого священника решение вопроса, приносить или не приносить гражданскую присягу, предусмотренную Конституцией для любого гражданского чиновника. Отказ от присяги означал отказ священника от государственной службы. Любые же преследования неприсягнувших священников фельяны считали покушением на свободу личности, поскольку никто из граждан не может преследоваться за отказ от присяги и, следовательно, за то, что он не состоит на государственной службе⁸³.

Репрессивный декрет против священников, принятый под давлением левой, который предписывал высылку неприсягнувших священников, фельяны считали неконституционным. «Декрет, который предписывает принесение присяги, является нарушением права на свободу мнений, – указывал «L'Ami des Patriotes...» – Требовать присягу означает заставить того, кто ее приносит, поддерживать мнение, которое он и не разделяет. Присяга необходима лишь для тех, кто хочет остаться госслужащими; тот, кто этого не хочет, должен иметь право на безопасность». Кроме того, отказ от присяги Конституции не может повлечь за собой лишение жало-

ванья, поскольку жалование духовенству рассматривалось фельянами как выплата государственной компенсации за национализированное 2 ноября 1789 г. церковное имущество⁸⁴.

Потерпев поражение в Законодательном собрании по вопросу об эмигрантах и о неприсягнувших священниках, фельяны в октябре–ноябре перешли к активным действиям с целью компенсировать свое поражение. Они во что бы то ни стало хотели, с одной стороны, добиться наложения королевского вето на оба декрета Законодательного собрания, с другой, — используя свою связь со двором, побудить Людовика XVI издать от своего имени воззвание к эмигрировавшим французским принцам и рядовым эмигрантам, призывая их вернуться, а также обнародовать его обращение к прирейнским князьям с требованием отказа в поддержке эмигрантам. Если бы демарши короля по отношению к эмигрантам и прирейнским государям имели успех, то королевское вето на декреты Законодательного собрания не вызвало бы возмущения общественного мнения, так как необходимость в репрессивных мерах отпала бы сама собой, а авторитет короля значительно бы вырос.

По вопросу об эмигрантах А. Барнав в записке к Марии-Антуанетте предписывал королю следующую линию поведения. Людовику XVI следовало объявить о своем отказе санкционировать декрет Законодательного собрания против эмигрантов через хранителя печати Дюпор-Дютертра. Последний также должен был поставить Собрание в известность, что король взамен приложит новые усилия с целью добиться возвращения эмигрировавших французов⁸⁵.

В соответствии с фельянским планом 12 ноября король наложил вето на декрет прогив эмигрантов, и в тот же день было опубликовано воззвание короля к эмигрантам и его братьям — графу Прованскому и графу Артуа⁸⁶. Затем вступила в дело парламентская фракция фельянов. 27 и 29 ноября в речах Даверу и Вьено-Воблана прозвучало требование предъявить от имени короля ультиматум прирейнским князьям — прекратить помощь и поддержку эмигрантам и выдворить их за пределы своих владений⁸⁷.

Фельянам удалось увлечь своей идеей депутатов Законодательного собрания, которое направило специальную делегацию к Людовику XVI с просьбой предпринять предложенный фельянами демарш. 14 декабря король явился в Законодательное собрание, где зачитал речь, составленную для него А. Дюпором, с ультиматумом прирейнским князьям⁸⁸. Что же касается декрета о неприсягнувших священниках, то здесь фельяны решили действовать иначе. Они инспирировали петицию от имени членов профельянской дирекции Парижского департамента — Талейрана, Бомеца, Брусса, Ларошфуко, Деменье, Блонделя, Тион де ла Шокма, Ансона, Даву, Жермен-Гарнье. Текст обращения был составлен Дюпором и Барнавом⁸⁹. «...Нам кажется, — говорилось в петиции, — что последний декрет о беспорядках на религиозной почве требует того, чтобы на него было наложено вето»⁹⁰.

В ответ на петицию король не санкционировал декрет Законодательного собрания о неприсягнувших священниках. Одновременно с претворением в жизнь своего плана фельяны в двух памятных записках информировали австрийского императора о целях своей политики с тем, чтобы

у последнего не оставалось никаких сомнений на этот счет. Первый документ был переправлен через королеву Мерси-Аржанто в Брюссель, другой, получивший название «Мемуар фельянов», тем же путем был передан императору.

В конечном счете замысел фельянов оказался осуществлен в части наложения королевского вето на неприемлемые для них декреты Законодательного собрания относительно эмигрантов и неприягнувших священников. В остальном же их план не осуществился. Демарш короля перед эмигрантами и рейнскими князьями не только не привел к массовому возвращению эмигрантов, но и вызвал ответные действия императора, оказавшего вооруженную поддержку своим прирейнским вассалам.

* * *

Зима 1791/92 г. ознаменовалась резким ухудшением международной обстановки, вызванным враждебностью крупнейших европейских держав (и прежде всего Австрийской империи и Пруссии) по отношению к революционной Франции. Летом 1791 г. как следствие Вареннского кризиса, приведшего к временному отстранению короля от власти, было обнародовано императором Австрии Падуанской декларацией, а затем совместной с королем Пруссии 27 августа Пильницкой декларацией. Эти документы были направлены против революционной Франции и стали важным шагом в деле формирования антифранцузской коалиции. В этой связи вопросы внешней политики оказались в центре политических дискуссий во Франции.

Фельяны не были едины в решении внешнеполитических вопросов, и разногласия между «ламетистами» и «файетистами» вспыхивали с новой силой.

Обострение внешнеполитического положения Франции фельяны связывали с тремя причинами: 1) с подписанием Пильницкой декларации, которая «явилась хартией всех монархических и аристократических привилегий против прав людей и наций»⁹¹, «...декларацией, которая угрожает нашей свободе»⁹²; 2) с обострением нерешенного вопроса о выкупе феодальных прав эльзасских князей, чьи владения согласно Вестфальскому миру 1648 г. хотя и находились на территории Франции, но были под сюзеренитетом императора Австрии; последний отверг возможность выкупа феодальных прав тем же порядком, как и на всей территории Франции, в соответствии с законодательством Учредительного собрания, поскольку «Конституция империи не позволяла владетельным князьям в Эльзасе принимать какис-либо выкуп»⁹³; 3) наконец, с укрывательством французских эмигрантов в землях имперских князей при молчаливом согласии австрийского императора. Последний фактор был особенно ошутим. Эмигранты сформировали на землях прирейнских князей вооруженные отряды и осуществляли нападения на французскую территорию. В архиве дипломатического комитета Законодательного собрания хранятся петиции с мест, требующие принять самые строгие меры против вооруженных отрядов эмигрантов. Так, директория департамента Нижний Рейн с возмущением констатировала, что «вооруженные бандиты, называющие себя француз-

кими эмигрантами... постоянно совершают акты насилия над безоружными французскими гражданами»⁹⁴. Еще одна петиция, от администрации города Линьи, датированная 15 октября 1791 г., прямо взывала к мести эмигрантам, а также обвиняла в бездействии исполнительную власть в лице министров⁹⁵. К решительным действиям призывали законодателей члены якобинских клубов в Сен-Дье (департамент Вогезы) и дистрикта Тараскона (департамент Буш-дю-Рон)⁹⁶.

Позиция «ламетистов» по внешнеполитическим вопросам с исчерпывающей полнотой была представлена А. Барнавом в очередной рекомендации Французскому двору. Он предписывал следующую линию поведения: «Привести военную оборону в такое состояние, чтобы она внушала к себе уважение, не будучи разорительной для страны, и главным образом укрепить дисциплину в армии... Заняться иностранными делами только для улаживания путем переговоров затруднений, возникших с владельческими князьями в Эльзасе, единственного серьезного повода к раздорам между иностранными державами и нами... В остальном – совершенно не думать об эмигрантах и о державах; проявлять по отношению к ним спокойствие, присущее силе; не проявлять никаких признаков страха перед иностранными державами и в то же время не давать им никаких поводов для обиды и всем своим видом показывать, что мы не признаем их влияния на наши внутренние дела...»⁹⁷

Как это следует из рекомендаций Барнава, тактика «ламетистов» предполагала вооруженное противостояние с европейскими государствами, но не переходящее в военные действия. Более того, «ламетисты» даже настаивали на сохранении традиционных с середины XVIII в. союзников Франции – Австрийской империи и Испании. Между Францией и этими странами были заключены договоры о дружбе и взаимопомощи: с Австрийской империей в 1756 и с Испанией – в 1763 г. Однако возможность сохранения союзнических обязательств «ламетисты» видели только в случае признания этими странами конституционного режима во Франции и аннулирования тех статей договоров между ними, которые противоречили бы Конституции⁹⁸. На союз с Австрией «ламетисты» возлагали особые надежды. По свидетельству Лафайета, они пытались через королеву Марию-Антуанетту побудить императора Леопольда II придерживаться жесткой политики по отношению к Франции, политики, которая послужила бы стимулом к преодолению внутривластных разногласий, укреплению власти короля и введению двухпалатного парламента⁹⁹.

В отличие от «ламетистов» сторонники Лафайета считали, что необходимы более активные внешнеполитические действия. Вместе с жирондистами они даже ратовали за короткую победоносную войну против прирейнских князей, в землях которых нашли приют эмигранты, и с поддерживающей их Австрийской империей¹⁰⁰. Но, по их мнению, война должна была явиться крайним средством и «нужно было открыто поддерживать мир» и «возложить всю ответственность объявления войны на иностранные дворы»¹⁰¹.

Более активный внешнеполитический курс «файетистов» требовал и перемен в системе внешнеполитических союзов Франции. «Файетисты» не без основания полагали, что Австрийская и Испанская монархии,

покровительствуя эмигрантским сборищам и принимая участие в недружественных действиях, направленных против Франции, нарушили свои союзнические обязательства по отношению к этой стране, закрепленные в договорах 1756 и 1763 гг. Кроме того, Франция могла считать себя свободной от соблюдения условий этих договоров еще и потому, что речь шла о союзах эпохи Старого порядка, предназначенных для ведения захватнических войн, тогда как свободная нация провозгласила в своей Конституции торжественный отказ от захватнической политики¹⁰².

Определение новых союзников заняло у «файетистов» несколько месяцев. Если в январе 1792 г. «файетист» Бено неопределенно говорил в Законодательном собрании о возможных в будущем выгодных союзах и в случае войны призвал выступить один на один с неприятелем¹⁰³, то к весне 1792 г. «файетисты» вместе с жирондистами стали ориентироваться во внешней политике на Англию и Пруссию¹⁰⁴, поскольку союз с Пруссией обеспечивал Франции военный перевес на суше, а с Англией – на море, к тому же эти союзы вывели бы Англию и Пруссию из числа возможных военных противников Франции.

Внешнеполитические ориентации «файетистов» и «ламетистов» по сути своей сводились к разным путям решения одной и той же проблемы: упрочения режима, введенного Конституцией 1791 г. Если «ламетисты» считали, что война приведет к росту революционных настроений внутри страны и поставит под угрозу существующий режим, в связи с чем необходимо ее всячески избегать, опираясь на традиционную систему внешнеполитических союзов, приспособленных к новым внутривнутриполитическим условиям Франции, то «файетисты», увлекаемые военной пропагандой Жиронды, напротив, хотели упрочить авторитет режима в короткой победоносной войне и таким образом в корне переменить внешнеполитическую ориентацию.

Между тем противоречия между Францией и европейскими державами росли. Дальнейшая конфронтация привела к подписанию 7 февраля 1792 г. союзного договора между Австрией и Пруссией против Франции. Остро вставшая проблема войны внесла раскол в ряды фельянов. «Файетисты» вместе с Жирондой открыто взяли курс на войну. 10 марта они добились отставки умеренного министерства и предания суду министра иностранных дел де Лессара, виновного согласно меткому определению «ламетистской» газеты в том, что он «опасался начать войну и сомневался в англо-пруссской системе»¹⁰⁵. 20 апреля 1792 г. сформированное жирондистское министерство добилось объявления войны Австрии.

* * *

Первые неудачи на фронте и приближение нового политического кризиса лета 1792 г., несущего угрозу основам конституционного режима, заставили фельянов вновь объединиться. В мае–июле 1792 г. они вновь действовали совместно. К тому времени Лафайет, являвшийся командующим одной из французских армий, стал признанным вождем фельянов¹⁰⁶. По словам А. Матъеза, он претендовал на роль спасителя Франции «как от якобинской, так и от эмигрантской опасности»¹⁰⁷.

Совместные действия «файетистов» и «ламетистов» берут начало 12 мая, когда Ламеты и Лафайет встретились в прифронтовом городке Живе, где располагался штаб армии Лафайета. В ходе этой встречи был выработан план совместных действий. Самыми опасными своими противниками обе стороны считали революционных демократов – жирондистов и якобинцев, с которыми готовились вести непримиримую борьбу. С эмигрантами и иностранными дворами лидеры фельянов, напротив, рассчитывали пойти на соглашение. Первый свой шаг в достижении цели они видели в перемирии с эмигрантами и Австрией, что позволило бы повернуть французские армии на революционный Париж и подвергнуть разгрому революционно-демократические силы.

Для переговоров в Брюссель был направлен иезуит Ламбине – доверенное лицо триумвирата. Условия компромисса, предложенного фельянами, были следующими: во Франции должна быть сохранена Конституция 1791 г.; братья короля получали право вернуться, причем граф Прованский рассматривался как возможный временный регент, а дети графа Артуа – как наследники престола; дворянство восстанавливалось, но без прерогатив и сословной исключительности; для дворян предусматривалось учреждение верхней палаты парламента и возвращение эмигрировавшим дворянам имуществ, конфискованных в соответствии с жирондистским законом от 30 марта 1792 г. о конфискации имуществ эмигрантов; возвращение имуществ духовенству и отмена его гражданского устройства не предусматривались; наконец, предполагалось восстановить дореволюционные парламенты под названием судебных палат и распустить национальную гвардию¹⁰⁸.

Предложенные фельянами условия перемирия лишний раз подтверждали их желание сохранить конституционный режим во Франции и на его основе искать пути к национальному примирению. Но предлагавшийся ими компромисс в очередной раз был отвергнут контрреволюционным лагерем – эмигрантами и их сторонниками внутри Франции, королем, а также поддерживавшими их иностранными дворами. Последние все больше склонялись к открытому военному вмешательству как единственному средству восстановить дореволюционный порядок во всей его полноте. Вот почему предложения фельянов и на этот раз остались без ответа.

Определенные надежды фельяны возлагали на посредничество Англии в деле урегулирования открытого европейского конфликта. Однако английский кабинет явно стремился сохранить свободу действий и избегал прямого вмешательства. Еще 24 мая 1792 г. государственный секретарь по иностранным делам лорд Гренвилл уведомил французского посланника в Лондоне Шовелена, что Англия сожалеет о начавшейся войне между Францией и Австрийской империей; сама же Англия стремится сохранить дружественные отношения с обеими воюющими сторонами и надеется на скорейшее заключение мира¹⁰⁹.

В связи с дальнейшим ухудшением для Франции международной обстановки сформированное после падения жирондистского министерства 12 июня 1792 г. министерство фельянов решило возобновить демарш при английском кабинете. 18 июня 1792 г. Шовелен адресовал ноту лорду

Гренвиллу, в которой назвал войну со стороны Франции оборонительной и выразил надежду, что Англия не выступит на стороне врагов Франции. Более того, Шовелен полагал, что, в то время как европейские державы готовят коалицию против Франции во главе с Австрией и Пруссией, Англия не допустит нарушения европейского равновесия¹¹⁰. Но ответ лорда Гренвилла рассеял последние надежды: в сущности, он подтвердил политику невмешательства английского кабинета. Англия, как отмечал лорд Гренвилл, могла бы принять участие в урегулировании европейского конфликта, если бы этого захотели все заинтересованные стороны¹¹¹.

Потерпев чувствительную неудачу в попытке договориться с представителями контрреволюционного лагеря, фельяны вынуждены были полагаться на свои собственные силы в борьбе с революционными демократами.

Перспектива борьбы на два фронта еще сильнее сплотила фельянов. Их деятельность в мае–июле 1791 г. разворачивалась по двум направлениям. Первое включало парламентские действия. Здесь главную свою задачу они видели в неукоснительном соблюдении конституционных принципов. В то время как революция оказалась перед лицом острой необходимости дать отпор открытой военной интервенции, деятельность парламентской фракции фельянов препятствовала проведению в жизнь мер общественного спасения, зачастую идущих вразрез с конституционными принципами. Стремясь не допустить отхода от них и пресечь рост политического влияния революционно-демократических сил, они выступили против ряда таких необходимых мер, внесенных на рассмотрение Законодательного собрания Жирондой и принятых под ее давлением в конце мая – начале июня, как роспуск королевской конституционной гвардии (29 мая), в массе своей контрреволюционно настроенной; преследование неприсягнувших священников (27 мая); создание лагеря федератов под Парижем (8 июня). На два последних декрета Законодательного собрания фельяны добились наложения королевского вето. Декрет о конституционной гвардии короля был принят в их редакции, разрешавшей не роспуск, а ее чистку¹¹².

Возмущение народных масс Парижа политикой, проводимой королем и фельянами, вылилось в манифестацию, прошедшую 20 июня под лозунгами «Долой вето!» и «Восстановить министров–жирондистов!». В ответ профельянская директория Парижского департамента издала указ о привлечении к суду мэра Парижа жирондиста Петиона за то, что во время манифестации он не обеспечил порядок в столице¹¹³. Последующие попытки левых добиться приостановки королевского вето на декреты, касающиеся национальной обороны, и объявить «отечество в опасности» вызвали резко негативную реакцию фельянов, провозгласивших и эти меры неконституционными¹¹⁴. И только известие о вступлении в войну Пруссии (6 июля) позволило Законодательному собранию 11 июля объявить «отечество в опасности».

Современный французский историк Г. Икни следующим образом оценивал перспективы фельянской парламентской практики в мае–июле 1792 г.: «Королевское вето, будучи формально конституционным, на самом деле парализовало применение Конституции так же, как фельянский конституционализм препятствовал военному наступлению, не оставляя другого выхода, как роялистский государственный переворот либо народное восстание»¹¹⁵.

Таким же малоуспешным, противоречащим реальным историческим задачам явилось и второе направление политической практики фельянов, связанное с нехарактерным ранее для них стремлением задействовать для осуществления своих планов по спасению конституционного режима такую антиконституционную силу, как армия. Они предполагали использовать ее прежде всего против Якобинского клуба и революционных демократов. Еще в письме Лафайета Законодательному собранию, датированном 16 июня, генерал требовал роспуска Якобинского клуба¹¹⁶. 28 июня Лафайет лично прибыл в Париж, чтобы призвать Законодательное собрание принять жесткие меры против якобинцев¹¹⁷. По свидетельству очевидца тех событий Лакретеля, фельяны были готовы поднять Национальную гвардию и под руководством Лафайета закрыть Якобинский клуб и, возможно, внести изменения в Конституцию в авторитарном духе¹¹⁸. Однако выступление так и не состоялось.

В июле фельяны разработали два проекта по использованию армии против революционного Парижа. Оба плана предусматривали бегство короля из столицы под охрану войск во главе с профельянским генералитетом, после чего планировалось распустить революционные клубы, и в числе первых Якобинский, а также Законодательное собрание¹¹⁹, в котором слишком сильное влияние приобрели левые. Источники не дают ясной картины намеченных фельянами преобразований. Известно только, что их лидеры, как сообщается в мемуарах Б. де Моллевиля, настаивали на «конституционном» характере этих перемен¹²⁰. При всей своей идентичности оба плана отличались друг от друга конечным пунктом следования короля из Парижа – либо в Компьень, под защиту армии Лафайета, либо во «второй Кобленц», как назвал Руан якобинец Тюрио¹²¹, где стояли войска Ларошфуко-Лианкура. Но ни один из приведенных вариантов не был осуществлен, поскольку на них не дал согласия сам король, с нетерпением ожидавший вступления войск интервентов в Париж¹²².

Потерпев окончательное поражение в своих усилиях отстоять Конституцию 1791 г. и достичь компромиссного национального согласия, фельяны прекратили свое существование как политическая группировка. Точно уловив бессилие фельянов, чья политика оказалась в очевидном противоречии не только с дальнейшим движением революции, но и со вставшими перед страной национальными задачами, А. Шенье с горечью писал 15 июля 1791 г.: «...великая нация... вынуждена делать выбор между Кобленцем и якобинцами»¹²³. Восстание санкюлотов 10 августа 1792 г. окончательно устранило фельянов с исторической сцены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая группировка фельянов, или, как ее называли современники, «партия» фельянов, сформировалась в рамках французской либеральной традиции, восходившей к рационалистическому мировоззрению века Просвещения.

В 1789 г. в ходе революции контроль над политической властью перешел к либеральному дворянству и буржуазным верхам третьего сословия. Эти социальные силы были представлены в Учредительном собрании его либеральным большинством, за которым закрепилось название «конституционалисты». Последние стремились ограничить революционные преобразования отменой политико-юридической системы Старого порядка и утверждением компромиссной по отношению к ней общественно-политической системы, основные черты которой были закреплены в Конституции 1791 г.

Развитие революции к осени 1789 г. привело к серьезным разногласиям среди либерального большинства собрания, основной причиной которых явился вопрос о глубине революционных преобразований. В течение второй половины 1789 – начале 1791 г. окончательно определился переход всех либеральных политиков в оппозицию развивающемуся революционному процессу и их превращению в умеренных революционеров.

Постепенный отход либералов от политического руководства революцией в условиях ее радикализации привел к зарождению и быстрому росту демократического движения, представлявшего реальную угрозу либеральному курсу на достижение компромисса между социально-политическими элитами французского общества.

Рост демократического движения и вытеснение либералов из их цитадели – главной революционной общественно-политической организации, Якобинского клуба, – заставили их вновь сплотиться.

Начавшееся еще весной 1791 г. размежевание между либералами и демократами в Якобинском клубе, отражавшее размежевание в революционном лагере, на время было приостановлено резко возросшей правой опасностью в тревожные дни Вареннского кризиса.

Когда миновала непосредственная угроза контрреволюции, раскол между двумя фракциями революционного лагеря стал неизбежен. Его проявлением явился выход из Якобинского клуба умеренных революционеров и

образование «Общества друзей конституции, заседающего у фельянов». Оба направления – либеральное и демократическое – окончательно обособились друг от друга и организационно оформились в две крупнейшие политические группировки общенационального масштаба – политическую группировку фельянов и политическую группировку якобинцев. Социальный смысл совершившегося раскола заключался в том, что, если до 1791 г. буржуазия в целом поддерживала политику компромисса со Старым порядком, и прежде всего с господствовавшей социальной силой – дворянством, то теперь в ее среде наметился поворот к отходу от этой политики и стремление опереться в ходе революции на народные массы.

Образовавшаяся в период раскола политическая группировка фельянов объединила либералов разных оттенков, сплотившихся вокруг ее программного требования – остановить революцию и упрочить Новый порядок. Этот лозунг лейтмотивом прошел через всю историю группировки.

По своему организационному строению политическая группировка фельянов была ярко выраженной группировкой либерального типа. Если политическая группировка якобинцев – ее главный противник – имела «мобилизационный» характер и была нацелена на активные действия, то организация фельянов была рассчитана на функционирование в рамках уже установившейся системы власти, ориентирована на социальные элиты и оформление их политических действий.

Являясь либеральной идейно-политической общностью, политическая группировка фельянов выступала прежде всего как коллективный идеолог, превратившись в настоящую лабораторию либеральной мысли. В выработанной ее членами системе взглядов можно увидеть принципиальные черты того нового социально-политического устройства, противоположного Старому порядку, установлением которого должна была завершиться согласно фельянам Французская революция.

Фельяны унаследовали свои ценностные ориентиры от мировоззренческих постулатов века Просвещения, получивших широкое распространение в среде социальных верхов дореволюционной Франции. Реализацию этих идеалов фельяны видели в «разумных» преобразованиях, в следовании «умеренной» политической линии, далекой как от эксцессов революционного насилия, так и от открытой контрреволюции.

Анализ принципов нового общественного устройства, таких, как свобода, равенство, собственность, безопасность, народный суверенитет, показывает, что фельяны дали им либеральную трактовку, которая, с одной стороны, предполагала гибель общественной организации Старого порядка, а с другой – дистанцировалась от понимания этих принципов демократической мыслью.

Основой новой социальной организации фельяны провозгласили буржуазную по сути собственность. При этом после гибели сословно-корпоративной общественной организации господствующий класс старой Франции получал доступ в новое, буржуазное, общество и мог занять лидирующие позиции благодаря владению собственностью. Поэтому в принципе компромисс между бывшими привилегированными и буржуазными верхами третьего сословия в рамках новой общественной организации был достижим.

Выступая за компромисс в верхах общества, фельяны в то же время объявляли себя выразителями интересов новой господствующей силы, которую они называли «буржуазией» или «средним классом». Под этими социальными категориями они понимали представителей средних и верхних слоев бывшего третьего сословия и некоторые группы бывших привилегированных, превратившихся вследствие отмены привилегий в буржуазных собственников.

Фельяны утверждали, что «буржуазия», или «средний класс», является ядром общества, а ее интересы совпадают с интересами всех социальных групп. Сами фельяны претендовали на выражение общенациональных интересов. Важным инструментом в руках «среднего класса» в деле сплочения общества была, по их мнению, новая организация политических институтов – либеральное государство. Позже, в начале XIX в., проблемы «среднего класса» и «свободного правления» получают широкое распространение в либеральной мысли.

Основной политической целью фельянов являлось достижение национального примирения в рамках того, что дала Французская революция к середине 1791 г. на основе утвержденной в сентябре того же года монархической, цензовой Конституции. И хотя фельяны находили ее несовершенной, все же она отражала их идейные устремления. Проблема изменений в Конституции вызывала разногласия среди фельянов, две крупнейшие фракции которых – «ламетисты» и «файетисты» – предлагали каждая свой путь ее решения.

Но, несмотря на внутренние разногласия, фельяны трижды продемонстрировали единство действий в рамках поиска широкого общественного консенсуса на основе компромисса между всеми имущими слоями, независимо от их прежнего сословного статуса, – во время так называемого «пересмотра Конституции» в августе 1791 г., в октябре–декабре 1791 г. по вопросам об эмигрантах и неприсягнувших священниках и в мае–июле 1792 г., пытаясь предотвратить наступление очередного революционного кризиса.

В чем же историческое значение фельянов? Они предложили оригинальное решение вопроса о новой господствующей социально-политической силе путем слияния «социальных элит», т. е. объединения собственников вне зависимости от их прежнего сословного статуса в единую правящую элиту.

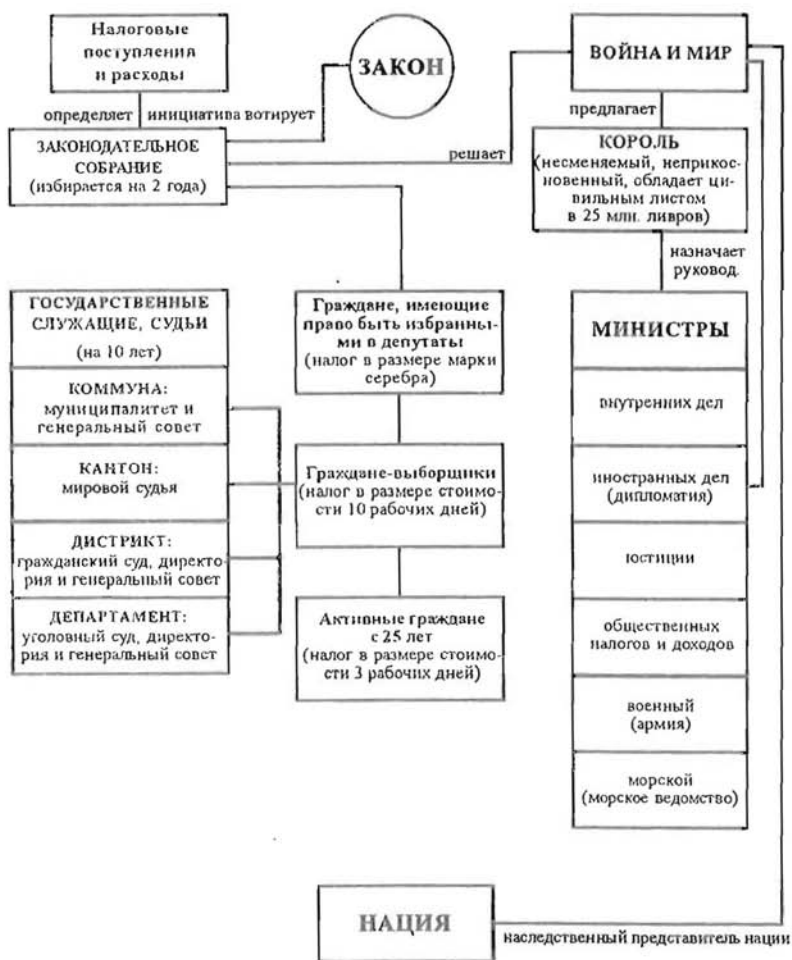
Однако либеральная общественно-политическая система, основанная на компромиссе между буржуазными верхами бывшего третьего сословия и либеральной аристократией, в пользу которой выступали фельяны, не была реализована на первом этапе Великой французской революции (1789–1792). Причину неудачи лидеры фельянов усматривали прежде всего в нежелании бывших привилегированных следовать компромиссу.

В одной из фельяньских брошюр констатировался безрадостный для них факт: «Французское дворянство в целом ненавидит революцию...»¹ Поэтому оказались иллюзорными их надежды на формирование единого фронта собственников в поддержку Нового порядка. «Почти все самые крупные собственники выступили против Нового порядка», – к такому заключению пришел А. Барнав в 1792 г.² Много позже, уже в эпоху Реставрации, крити-

чески переоценивая планы фельянов в 1791–1792 гг., А. Ламет высказывал глубокую реалистическую мысль о причине их временной неудачи: то общественно-политическое устройство, о котором говорили фельяны, имело «крупные недостатки», главный из которых – «сохранение части феодальных институтов»; вследствие этого, писал он, «в будущем нам была предрешена вторая революция»³.

В целом же к 1791–1792 гг. время для отстаиваемой фельянами либеральной общественно-политической системы еще не наступило. Это не значит, однако, что она была полностью лишена исторической перспективы. Некоторые ее существенные элементы можно обнаружить в той социально-политической системе верховенства буржуазных нотаблей, которая утвердилась в первые десятилетия XIX в. и просуществовала до 1840-х годов. Но такой компромисс между силами старой и новой Франции на буржуазной основе, оказавшийся утопией в 1789–1792 гг., смог обрести реальность лишь на базе решительных социальных преобразований Великой французской революции. Закрепленные режимом Наполеона I, они разрушили сохранившиеся к 1789 г. феодальные институты и прочно утвердили отношения буржуазной собственности⁴. Это относительное «примирение социальных элит» и их объединение в рамках правящей элиты осуществилось в обществе, которое по своему типу было «переходным от жесткого сословного», где «господствовала аристократия происхождения», к обществу анонимного господства крупного капиталиста⁵, т. е. к капиталистическому обществу.

Схема конституции 1791 г.*

*Rémond R. La vie politique en France. T.I. P. 134.

*Данные о социально-профессиональном составе избирательных
собраний второй ступени (собраний выборщиков) 1790 г.
(в процентах)**

Департаменты Социо-профессио- нальная принад- лежность	Буш-дю-Рон	Финистер	Иль и Вилен	Эндр и Луар	Ланды	Верхн. Луара	Вандея	Верхн. Вьена	Париж
Армия	0,8		1	2,2	3,8	0,6		0,9	1,1
Духовенство	5,9	2,4	7	6,3	6,1	11,1	3	6,6	2,4
Должностные лица Старого порядка	1,7		2	3,1		2,3		7	7,1
«Буржуа» (рантье)	14,9	2,4	4	7,5	24,2	8,8	21	31,5	7,1
Юристы	16,5	15	22	20,9	25,2	19,9	32	23,5	30,8
Либеральные профессии	6,7	1,1	3	2,9	4,3	1,9		7	14,8
Негонианты и ремесленники	37,4	18,9	13	25,7	18,4	20,2	10	12,7	34,3
Фермеры (agriculteurs)	12,5	57	35	31	17,9	34,8	24	8,9	
Другие	3,6	3,2		0,4		0,3		1,9	2

*Таблица по: *Gueniffey P. Le nombre et la raison. P., 1993.*

Социально-профессиональный состав
членов Клуба фельянов

<p>Представители бывшего первого сословия (духовенство) — 33</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Кюре и священники — 22 2. Приоры и викарии — 6 3. Аббаты — 2 4. Епископы — 1 5. Место в церковной иерархии не установлено — 2
<p>Представители бывшего второго сословия (дворянство) — 68</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Военные — 31 2. Высшая судебная и финансовая магистратура (суверенные суды, генеральства) — 8 3. Судебная и финансовая магистратура бальяжей, сенешальств, элексьонов — 6 4. Банкиры — 2 5. Лица свободных профессий — 5 6. Негоцианты — 3 7. Род занятий не установлен — 13
<p>Представители бывшего третьего сословия — 500</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Высшая судебная и финансовая магистратура (суверенные суды, генеральства) — 5 2. Судебная и финансовая магистратура бальяжей, сенешальств, элексьонов, президье — 95: <ol style="list-style-type: none"> а) бальи, сенешали, судьи, советники — 37 б) королевские нотариусы — 15 в) королевские прокуроры и адвокаты — 22 г) прочие держатели государственных должностей — 21 3. Представители сеньориальной, муниципальной и местной властей — 27 <ol style="list-style-type: none"> 4. Служащие — 26 5. Лица свободных профессий — 212: <ol style="list-style-type: none"> а) адвокаты — 69 б) нотариусы и прочие юристы — 66 в) деятели науки, искусства, культуры, врачи — 77 <ol style="list-style-type: none"> 6. Военные — 10* 7. Кавалеры ордена св. Людовика — 9** <ol style="list-style-type: none"> 8. Негоцианты — 56 9. Банкиры — 9 10. Торговцы и ремесленники — 20 <ol style="list-style-type: none"> 11. Предприниматели — 7 12. «Буржуа» (рантье) — 4 13. Фермеры «пахари» и «землевладельцы» — <i>laboureur et cultivateur</i> — 20

Всего из 887 человек выявлено по социально-профессиональным признакам — 601.

* Среди них — четыре кавалера ордена св. Людовика.

** Награждению подлежали в основном военные, выходцы из третьего сословия. Награжденный считался претендентом на аноблирование. К данной группе отнесены лица, для которых невозможна иная классификация.

Политическая группировка фельянов в высших законодательных
органах Франции в 1791 г.

Численность парламентских фракций группировки
в Учредительном собрании на конец сентября
и в Законодательном собрании на начало октября (чел.)

1. Члены Клуба фельянов — депутаты Учредительного собрания	219
2. Члены Клуба фельянов — депутаты Законодательного собрания	175
ИТОГО:	394

Таблица 4

1. Члены высших судебных инстанций (Кассационный суд и Национальный Верховный суд)	12
2. Члены департаментской администрации и уголовных судов	88
3. Члены администрации дистриктов и судов дистрикта	45
4. Члены муниципальной администрации и мировых судов	30
ИТОГО:	175

ВЫБОРЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
(август—сентябрь 1791 г.)

				Пад-Кале 3	Нор 5				
	Маш 5		Нижняя Сена 3	Уаза 6	Сомма 4	Ардены 5	Мозель 5	Нижний Рейн 6	
Финистер 5	Кот-д'Ор 6	Кальвадос 5	Эло 5	Сена и Уаза 4	Марна 4		Мерт 6	Верхняя Марна 5	Вогезы 5
	Морбиан 6	Орн 5		Сарта 6	Сена и Марна 2		Об 5	Верхняя Сона 5	Верхний Рейн 4
	Вандея 5	Иль-и-Везви 5	Майенн 5	Эндр 5	Эр и Луар 5	Луаре 5	Кот-д'Ор 5	Сона 5	Ду 6
	Нижняя Шаранта 5	Нижняя Луара 5	Ман-и-Луара 5	Эндр 1	Луар и Шер 5	Йонна 3	Ньсвр 6	и Луара 6	Юра 2
	Жиронда 6	Де-Севр 4	Вьена 4			Шер 6	Луара 4	Рона 4	Изер 3
	Ланды 6	Шаранта 6	Верхн. Вьена 6	Крез 5	Алье 2	Верхн. Луара 6	Ардеш 5	Дром 6	Верхние Альпы 3
	Нижние Пиреней 4	Дордонь 6	Корез 5	Гвон-де-Дом 5		Лозер		Воклюз 6	Нижние Альпы 3
		Ло и Гаронна 5	Ло 5	Канталь 6		Гар 2		Буш-до-Рон 6	Вар 3
		Жер 5	Тарн 3	Аверон 5		Эро 6			
		Верхние Пиреней 5	Верхняя Гаронна 4	Аржеж 5		Восточные Пиреней 4			

- 1 — 100% (все депутаты были фельянами)
 2 — 75 — 99%
 3 — 50 — 75%
 4 — от 25 до 50%
 5 — 25% и менее
 6 — 0%

СНОСКИ

Введение

¹ Recherches sur la Révolution. Un bilan des travaux scientifiques du bicentenaire. P., 1991. P.12.

² Цит. по: *Vovelle M.* Un bilan scientifique du bicentenaire // CHRM. 1990. N40.

³ Recherches sur la Révolution. P.17.

⁴ Ibid. P.45.

⁵ Ibid. P.9.

⁶ Ibid. P.257.

⁷ Ibid. P.331, 332.

⁸ Ibid. P.66.

⁹ *Vovelle M.* La découverte de la politique. P., 1993. P.22.

¹⁰ Ibid. P.344; о дискуссии во французской историографии вокруг революции 1789 г. см.: *Блуменау С. Ф.* «Ревизионистское» направление в современной французской историографии Великой буржуазной революции конца XVIII века. Брянск, 1992; *Его же.* Споры о революции во французской исторической науке второй половины 60–70-х годов. Брянск, 1994; *Его же.* От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Французская историография революции конца XVIII в. (1945–1993). Брянск, 1995.

Глава I

¹ *Le Robert.* Dictionnaire historique de la langue française. P., 1992. Т. 1–2.

² *Le Nouvelliste français.* Т. 1–12. P., 1815–1816; Т.3. P.273–282 (BN-8°-2–45).

³ Ibid. P.274.

⁴ Ibid. P.281–282.

⁵ Ibidem.

⁶ *Собуль А.* О принципах восемьдесят девятого года // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С.67.

⁷ Подробнее см.: *Gueniffey P.* Le nombre et la raison. La Révolution française et les élections. P., 1993.

⁸ Прямые выборы существовали для избрания должностных лиц на муниципальном уровне и мировых судей.

⁹ *Gueniffey P.* Op.cit. P.411.

¹⁰ *Egret J.* La Révolution des Notables. Mounier et les Monarchiens, 1789. P., 1950. P.127.

¹¹ Цит. по: *Soboul A.* Contribution à propos de la Révolution française // Du féodalisme au capitalisme: problèmes de la transition. Paris-V., 1977. P.288.

¹² *Egret J.* Op.cit. P.34.

¹³ *Ibid.* P.32, 140, 145.

¹⁴ *Palmer R. R.* The Age of the Democratic Revolution. Princeton, 1974. T.1. P.491.

¹⁵ *Wick D. L.* A Conspiracy of Well-Intentioned Men (The Society of Thirty and the French Revolution). N.-Y.; L., 1987. P.275–276; См. также: *Michon G.* Essai sur l'histoire du parti feuillant. Adrien Dupont. P., 1924. P.62.

¹⁶ В данном случае они разделяли точку зрения Е.-Ж. Сийеса (*Egret J.* Op.cit. P.34).

¹⁷ *Barnave A.* Œuvres mises en ordre par M. Béranger de la Drôme. T.1–4. P., 1848. T.1. P.100.

¹⁸ *Furet F., Richet D.* La Révolution française. P., 1973. P.92.

¹⁹ *Wick D. L.* Op.cit. P.319.

²⁰ *Brucker G. A.* Jean-Sylvain Bailly Revolutionary Mayor of Paris. Urbana, 1950. P.90; *Buckman P.* Lafayette. L., 1977. P.174; *Lefebvre G., Guyot R., Sagnac Ph.* La Révolution française. P., 1930. P.41.

²¹ *Lafayette M.-J.* Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette. T.1–12. Bruxelles, 1837–1839. T. 4. P.68.

²² *Ibid.* P.70.

²³ *Egret J.* Op.cit. P.13.

²⁴ *Soboul A.* La Révolution française. P., 1982. P.170; *Wick D. L.* Op.cit. P.278, 279.

²⁵ *Wick D. L.* Op.cit. P.319.

²⁶ *Lafayette M.-J.* Op.cit. T.4. P.153.

²⁷ Цит. по: *Michon G.* Op.cit. P.71.

²⁸ *Ibidem.*

²⁹ *Ibid.* P.67.

³⁰ *Lafayette M.-J.* Mémoires de Lafayette. T.4. P.155.

³¹ *Lameth A.* Histoire de l'Assemblée constituante. P., 1823. V.1.P.429.

³² Французская буржуазная революция, 1789–1794 гг. М., 1941. С.83.

³³ L'Ami des Patriotes. 1790. Déc.18.

³⁴ *Michon G.* Op.cit. P.201.

³⁵ *Ibid.* P.98.

³⁶ *Ibid.* P.183–185.

³⁷ Цит. по: *Furet F., Richet D.* Op.cit. P.138.

³⁸ *Maintenant G.* Les jacobins a l'épreuve. La scission des Feuillants (été 1791) // СИМТ, 4 tr. 1979. P.85; по сведениям М. Л. Кеннеди – около 1000 (*Kennedy M. L.* The Jacobin Clubs in the French Revolution. The First Years. Princeton, 1982. P.298).

³⁹ La Société des Jacobins. Recueil des documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris / Par A. Aulard. T.1–6. P., 1889–1897. T.1. P.XXX.

⁴⁰ *Maintenant G.* Les Jacobins. P., 1984. P.22.

⁴¹ На «бюрократизацию» Якобинского клуба указывает, в частности, К. Бринтон (*Brinton C.* The Jacobins. N. Y., 1968. P.28).

⁴² *Maintenant G.* Les Jacobins. P.18.

- ⁴³ *Brinton C.* The Jacobins. N.Y., 1968. P.51.
- ⁴⁴ *Kennedy M. L.* Op.cit. P.83.
- ⁴⁵ Ibid. P.301.
- ⁴⁶ Ibid. P.302.
- ⁴⁷ Ibidem.
- ⁴⁸ *Tackette T.* La Révolution, l'Eglise, la France. P., 1986. P.293.
- ⁴⁹ *Kennedy M. L.* Op.cit. P.304; *Cardenal L. de.* La province pendant la Révolution. Histoire des clubs Jacobins (1789–1795). P., 1929. P.288.
- ⁵⁰ *Kennedy M. L.* Op.cit. P.303.
- ⁵¹ *Maintenant G.* Les Jacobins. P.24.
- ⁵² *Lameth A.* Histoire de l'Assemblée constituante. T.1. P.425.
- ⁵³ Société des Jacobins. T.1. P.153.
- ⁵⁴ Ibid. P.412.
- ⁵⁵ Ibid. P.415.
- ⁵⁶ Ibidem.
- ⁵⁷ *Buchyez Rh.-J.-B., Roux P. C.* Histoire parlementaire de la Révolution française ou journal des Assemblées Nationales depuis 1789 jusqu'à 1815. T.1–35. P., 1834–1838. T.11. P.138–139.
- ⁵⁸ Цит. по: *Michon G.* Op.cit. P., 1924. P.218.
- ⁵⁹ Ibid. P.218.
- ⁶⁰ Archives parlementaires (далее – А. Р.). Série 1 (1787–1799). P., 1867–1965. T.28. P.92–98.
- ⁶¹ *Malouet P.-V.* Mémoires de Malouet. T.1–2. P., 1868. T.2. P.68.
- ⁶² *Lameth Th.* Mémoires. P., 1913. P.73–74.
- ⁶³ Babillard. 1791. Juin. 17.
- ⁶⁴ *Lacretelle Ch.* Histoire de l'Assemblée constituante. P., 1821. T.2. P.285.
- ⁶⁵ Société des Jacobins. T.1. P.536.
- ⁶⁶ Марат Ж.-П. Памфлеты. М., 1934. С.572.
- ⁶⁷ *Lameth Th.* Notes et Souvenirs de Théodore Lameth. P., 1914. P.226.
- ⁶⁸ *Barnave A.* Op.cit. T.1. P.127.
- ⁶⁹ *Lameth Th.* Op.cit. P.226.
- ⁷⁰ Ibid. P.229.
- ⁷¹ Société des Jacobins. T.1. P.536.
- ⁷² *Lameth A.* Op.cit. T.1. P.427.
- ⁷³ Société des Jacobins. T.1. P.536.
- ⁷⁴ А.Р. Т.28. P.330.
- ⁷⁵ Société des Jacobins. P., 1891. T.2. P.20
- ⁷⁶ Цит. по: *Олар А.* Политическая история Французской революции. М., 1938. С.191.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ *Reinhard M.* La chute de la Royauté. P., 1969. P.57.
- ⁷⁹ *Staël G. de.* Considérations sur les principaux événements de la Révolution française. T.1–2. P., 1862. T.1. P.323.
- ⁸⁰ Подсчитано по списку членов–учредителей Клуба фельянов, хранящемуся в Национальной библиотеке в Париже: Les membres de l'Assemblée Nationale, fondateurs et membres de la Société des Amis de la Constitution, séante aux Jacobins à Paris ont arrêté de transporter leur Séances dans un autre lieu et continuer dans la maison des Feuillants, rue Saint-Honoré. A Paris, le 16 Juillet 1791. (BN-Lb 40/797).

- ⁸¹ *Lacretelle Ch.* Dix années d'épreuves pendant la Révolution. P., 1849. P.56.
- ⁸² Déclaration adressée par des Amis de la Constitution à une portion de leurs ci-devant frères, encore réunis aux Jacobins. P., 1791 (BN-Lb 40/798).
- ⁸³ Ibid. P.2.
- ⁸⁴ Ibid. P.3.
- ⁸⁵ Ibid. P.5.
- ⁸⁶ Ibid. P.9.
- ⁸⁷ Adresse de la Société des Amis de la Constitution aux Sociétés qui lui sont affiliées. P., 1791 (BN-Lb 40/2202).
- ⁸⁸ Ibid. P.2.
- ⁸⁹ Ibidem.
- ⁹⁰ Ibid. P.3.
- ⁹¹ Babillard. 1791. Juill. 19.
- ⁹² Société des Jacobins. T.2. P.31.
- ⁹³ *Buchez Ph.-J.-B., Roux P. C.* Op.cit. P.147.
- ⁹⁴ Société des Jacobins. T.2. P.30.
- ⁹⁵ *Lacretelle Ch.* Dix années d'épreuves pendant la Révolution. P., 1848. P.55.
- ⁹⁶ *Maintenant G.* La scission des Feuillants (été 1791) // CHIMT, 4tr. 1979. P.73.
- ⁹⁷ *Barnave A.* Op.cit. T.1. P.137-138.
- ⁹⁸ Archives Nationales (далее - A.N.).W13. P.109.
- ⁹⁹ *Furet F., Ozouf M.* Dictionnaires critiques de la Révolution française. P., 1988. Art. Feuillants.
- ¹⁰⁰ *Dumas M.* Souvenirs du lieutenant général comte Mathieu Dumas de 1770 à 1836. P., 1839. T.2. P.508.
- ¹⁰¹ *Maintenant G.* Les jacobins à l'épreuve... P.72; *Higonnet P.* Class, Ideology and the Rights of Nobles during the French Revolution. Oxford, 1981. P.91.
- ¹⁰² *Kennedy M. L.* Op.cit. P.284.
- ¹⁰³ *Malouet P.-V.* Op.cit. T.2. P.69-72.
- ¹⁰⁴ *Maintenant G.* Les jacobins à l'épreuve... P.97.
- ¹⁰⁵ *Malouet P.-V.* Op.cit. T.2. P.118.
- ¹⁰⁶ Современники считали период с лета 1791 по лето 1792 г. временем противостояния двух наиболее влиятельных группировок феяльнов и якобинцев. Такой тонкий наблюдатель, как швейцарец Этьен Дюмон, подчеркивал: «Существовало только два основных клуба, Клуб феяльнов, который защищал конституцию, и Клуб якобинцев, который тяготел к анархии». (*Dumont E.* Souvenirs sur Mirabeau et sur les deux premières Assemblées législatives. P., 1951. P.200.)
- ¹⁰⁷ *Lameth A.* Histoire de l'Assemblée constituante. P., 1821. T.1. P.430.
- ¹⁰⁸ L'Argus patriote. 1791. Nov. 23.
- ¹⁰⁹ A.P. T.31. P.617.
- ¹¹⁰ Ibidem.
- ¹¹¹ Ibidem.
- ¹¹² L'Argus patriote. 1791. Nov.23.
- ¹¹³ A.P. T.31. P.619.
- ¹¹⁴ Ibid. P.618.
- ¹¹⁵ Ibid. P.617.
- ¹¹⁶ L'Argus patriote. 1791. Déc.3.
- ¹¹⁷ Journal de Paris. 1792. Févr.26.
- ¹¹⁸ L'Argus patriote. 1791. Déc.3.

- ¹¹⁹ L'Indicateur ou journal des causes et des effets. 1792. Juin.2.
- ¹²⁰ Déclaration des Amis de la Constitution, ci-devant réunis aux Feuillants. P., 1792 (BN – Lb 40/804). P.2.
- ¹²¹ Ibid. P.2.
- ¹²² Ibid. P.3.
- ¹²³ Ibidem.
- ¹²⁴ *Lameth A.* Op.cit. T.1. P.431.
- ¹²⁵ Ibid. P.431–432.
- ¹²⁶ Statuts du Club. P., 1791. Экземпляр Устава хранится в Национальной библиотеке в Париже (BN – Lb 40/2204).
- ¹²⁷ Babillard. 1791. Août. 2.
- ¹²⁸ Ibidem.
- ¹²⁹ Liste. S.l.n.d. (BN – Lb 40/805).
- ¹³⁰ *Challamel A.* Les clubs contre-révolutionnaires, cercles, comités, sociétés, salons, réunions, cafés, restaurants et librairies. P., 1895. P.344.
- ¹³¹ Babillard. 1791. Août. 2.
- ¹³² *Furet F., Richet D.* La Révolution française. P., 1973. P.144.
- ¹³³ Ibid. P.144.
- ¹³⁴ *Kennedy M.L.* The Jacobin Clubs in the French Revolution. The First Years. Princeton, 1982. P.288.
- ¹³⁵ Société des Jacobins. Recueil des documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris / Par A. Aulard. T.1–6. P., 1889–1897. T.2. P.44.
- ¹³⁶ Ibid. P.45.
- ¹³⁷ *Barnave A.* Œuvres mises en ordre par M. Béranger de la Drôme. P., 1848. T.1. P.114.
- ¹³⁸ Ibidem.
- ¹³⁹ Société des Jacobins. T.2. P.93.
- ¹⁴⁰ L'Argus patriote. 1791. Déc.3
- ¹⁴¹ *Maintenant J.* Les jacobins à l'épreuve... P.97.
- ¹⁴² *Kennedy M.L.* Op.cit. P.292.
- ¹⁴³ Société des Jacobins. T.2. P.149.
- ¹⁴⁴ Babillard. 1791. Août.5.
- ¹⁴⁵ Opinion énoncée à la Société des Amis de la Constitution, séante aux Feuillants, sur le mode de convocation des Assemblée Constituantes. P., 1791 (BN – Lb 40/799).
- ¹⁴⁶ Babillard. 1791. Août.21.
- ¹⁴⁷ *Barnave A.* Op.cit. T.1. P.142.
- ¹⁴⁸ L'Argus patriote. 1791. Déc. 3.
- ¹⁴⁹ Подсчитано по: Liste.
- ¹⁵⁰ *Michon G.* Essai sur l'histoire du parti feuillant. Adrien Duport. P.283.
- ¹⁵¹ *Barnave A.* Op.cit. T.1. P.142.
- ¹⁵² L'Argus patriote. 1791. Déc. 28.
- ¹⁵³ *Challamel A.* Op.cit. P.350.
- ¹⁵⁴ *Michon G.* Op.cit. P.284.
- ¹⁵⁵ *Challamel A.* Op.cit. P.360.
- ¹⁵⁶ *Michon G.* Op.cit. P.284.
- ¹⁵⁷ *Mitchell C. J.* The French Legislative Assembly of 1791. Oxford, 1988. P.14.
- ¹⁵⁸ *Challamel A.* Op.cit. P.294.
- ¹⁵⁹ *Soboul A.* Dictionnaire historique de la Révolution française. P., 1988. Art.

Sainte-Chapelle.

¹⁶⁰ Babillard. 1791. Sept. 26.

¹⁶¹ *Leclerc L.* La politique et l'influence du club de l'Hôtel Massiac // AHRF. 1937. N82. P.343.

¹⁶² *Soboul A.* Op.cit. Art. Massiac.

¹⁶³ *Leclerc L.* Op.cit. P.348, 351.

¹⁶⁴ *Vermale F.* Barnave et les banquiers Laborde // AHRF. 1937. P.50.

¹⁶⁵ A.N. W14. N4 (Procès-Verbeaux des Séances de la Société des Colons français). 1791. Juin 16.

¹⁶⁶ *Vermale F.* Barnave et les banquiers Laborde // AHRF. 1937. P.50.

¹⁶⁷ *Грамуш А.* Тюремные тетради // Избр. произв. М., 1959. Т.3. С.140.

¹⁶⁸ *Черкасов П. П.* Лафайет. М., 1991. С.126.

¹⁶⁹ *Toulongeon F. E.* Histoire de France depuis la Révolution de 1789. P., 1801–1810. T.1. P.109.

¹⁷⁰ Marie-Antoinette et Barnave. Correspondance secrète. P., 1934. P.40.

¹⁷¹ В январе 1792 г. Барнав уехал в Гренобль. В бумагах Марии-Антуанетты есть сведения о продолжении его переписки с Дюпором, но ее следов не найдено (Ibid. P. 231).

¹⁷² *Glagau H.* Die Französische Legislative und der Ursprung der Revolutionskriege. B., 1896. S.299.

¹⁷³ *D'Abrantès L. Junot.* Histoire des Salons de Paris. P., 1824; T.2. P.378, 393, 397, 399.

¹⁷⁴ Цит. по: *Lameth Th.* Mémoire. P.141.

¹⁷⁵ *Lameth Th.* Notes et Souvenirs. P.99.

¹⁷⁶ *Hatin E.* Histoire politique et littéraire de la presse periodique en France. P., 1860. T.4. P.293.

¹⁷⁷ Ibidem.

¹⁷⁸ *Hatin E.* Op.cit. T.5. P.141.

¹⁷⁹ *Becq de Fouquières.* André Chénier sa vie et ses écrits politiques // *Oeuvres en prose de André Chénier.* P., 1872. P. XXXVIII.

¹⁸⁰ Ibid. P.XXXVI.

¹⁸¹ *Lameth A.* Op.cit. T.1. P.432.

¹⁸² Adresse de la société des Amis de la Constitution séante aux feuillans, aux sociétés qui lui sont affiliées, sur la nomination des députés à la prochaine législature. P., 1791 (BN – 40/800).

¹⁸³ Ibid. P.6.

¹⁸⁴ Подсчитано по: Liste des Membres, composant Club des Feuillants. P., 1791 (BN – Lb 40/809).

¹⁸⁵ Подсчитано на основе: *Hunt L.* Polytics, Culture and Class in the French Revolution. California, 1984. Ch. 4: The Political Geography of Revolution.

¹⁸⁶ *Vaublanc V.-M. Viennot de.* Mémoires sur la Révolution de France. P., 1833. T.1. P.268.

¹⁸⁷ Marie-Antoinette et Barnave... P.75.

¹⁸⁸ Ibid. P.145, 151, 152, 160, 165, 228.

¹⁸⁹ О том, что в назначении Нарбона решающую роль сыграл триумвират, свидетельствует переписка Барнава с королевой (Ibid. P.160). Этой же точки зрения придерживались Ж. Лефевр и Ж. Поперен (*Lefebvre G., Poperen J.* Etude sur ministère de Narbonne // AHRF. 1947. N105. P.5).

¹⁹⁰ *Mallet du Pan*. Memoires et correspondance. T.1. P.257.

¹⁹¹ *Marie-Antoinette et Barnave...* P.228.

¹⁹² *Dumas M.* Souvenirs. T.2. P.102.

¹⁹³ Politische Korrespondenzen aus dem Jahre 1792. Pellenc an Lamark // *Glagau H.* Die Französische Legislative und der Ursprung der Revolutionskriege. B., 1896. S.339.

¹⁹⁴ За основу для расчетов был взят имеющийся в Национальной библиотеке (Париж) список членов Клуба фельянов от 4 октября 1791 г. (*Liste des Membres composant le Club des Feuillants*. P., 1791). Социально-профессиональный статус для каждого члена Клуба устанавливался по биографическим словарям.

¹⁹⁵ *Mousnier R.* Les institutions de la France sous la monarchie absolue. P., 1974–1980. T.1. P.172–178.

¹⁹⁶ *Goubert P., Roche D.* Les Français et l'Ancien Régime. P., 1984. T.1. P.113, 115; T.2. P.335; *Taylor C. V.* The Bourgeoisie at the Beginning of and during the Revolution // *Die Französische Revolution – Zufälliges oder notwendiges Ereignis?* München; Wien, 1983. T.1. P.46; *Histoire économique et sociale de la France*. T.2. P.567–649; *Luthy H.* La Banque Protestante en France (de la Révocation de l'Édit de Nantes à la Révolution). P., 1959. T.2. P.774–781.

¹⁹⁷ *Cobban A.* Aspects of the French Revolution. L., 1968. P.102; 90% магистратов на уровне бальяжей являлись ротюрье (*Dawson Ph.* Provincial Magistrates and Revolutionary Politics in France, 1789–1795. Cambridge, 1972. P.71–73, 341).

¹⁹⁸ *Taylor G.V.* Op.cit. P.60; *Кожокин Е. М.* Французская буржуазия на исходе старого порядка // *Буржуазия и Великая французская революция*. М., 1989. С.50.

¹⁹⁹ *Dawson Ph.* Op.cit. P.341; *Higonnet P.* Class, Ideology and the Rights of Nobles during the French Revolution. Oxford, 1981. P.88.

²⁰⁰ *Higonnet P.* Op.cit. P.91.

²⁰¹ *Пименова Л.А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С.135.

²⁰² *Goubert P., Roche D.* Op.cit. T.2. P.323–324.

²⁰³ *Journal de Paris*. 1792. Mars.1.

²⁰⁴ А.Р. Т.52. P.644–656.

²⁰⁵ *Kennedy M. L.* The Jacobin Clubs in the French Revolution. The Middle Years. Princeton, 1988. P.51.

²⁰⁶ *Ibid.* P.52–53.

²⁰⁷ *Ibid.* P.55.

²⁰⁸ *Ibid.* P.58.

²⁰⁹ *Sutherland D.M.G.* France 1789–1815. Revolution and Counterrevolution. Fontana Press, 1985. P.151.

²¹⁰ *Cardenal L. de.* La province pendant la Révolution. Histoire des clubs jacobins (1789–1795). P., 1926. P.56, 57.

²¹¹ *Kennedy M. L.* The Jacobin Clubs in the French Revolution. The Middle Years. P.38.

²¹² *Ibid.* P.42.

²¹³ *Ibid.* P.38.

²¹⁴ *Molleville B. de.* Histoire de la Révolution de France. P., 1801–1804. T.1. P.136.

²¹⁵ Discours prononcé hier au Club des Feuillants. Par un Zélé défenseur de la

Liberté. P., s.d. (BN – Lb 40/809.)

²¹⁶ В данном случае под термином «народ» подразумевается его зажиточная часть, так называемый «настоящий народ».

²¹⁷ L'Argus patriote. 1791. Sept.19.

²¹⁸ Lameth A. Histoire de l'Assemblée constituante. P., 1821. T.2. P.6.

²¹⁹ Ibid. T.1. P.419.

²²⁰ Ibid. T.2. P.1.

²²¹ Ibidem.

²²² L'Argus patriote. 1791. Sept.19.

²²³ Bergeron L. L'épisode napoléonien. Aspect intérieur 1799–1815. P., 1972. P.147.

²²⁴ Barnave A. Op.cit. P.137.

²²⁵ Lameth A. Op.cit. T.1. P.433.

²²⁶ Journal de Paris. 1792. Juin.14.

²²⁷ Lameth Th. Mémoires. P.75.

²²⁸ Politische Korrespondenzen aus dem Jahre 1792. Pellenc an Lamarc // Glagau H. Die Französische Legislative und der Ursprung der Revolutionskriege. B., 1896. S.345.

²²⁹ Dumas M. Op.cit. T.2. P.4.

²³⁰ Подсчитано по: Mitchell C. J. Op.cit. P.301–319.

²³¹ Duverger M. Les partis politiques. P., 1974. P.119–127 («Партия – это объединение людей, разделяющих одну и ту же доктрину» – Б. Констан).

Глава II

¹ Observation sur l'état passé, présent et futur de la Nation et de l'influence du Publiciste Mably sur la Révolution par M.Mousnier. P., s.d. P.9 (BN – Lb 40/801).

² L'Ami des Patriotes ou le défenseur de la Constitution. 1791. Août.28.

³ Moniteur. 1791. Juin.5.

⁴ Цит. по: Vovelle M. La Mentalité révolutionnaire. P., 1985. P.94.

⁵ L'Ami des Patriotes... 1791. Août.28.

⁶ Ibid. 1791. Oct.29.

⁷ Ibid. Jul.23.

⁸ Observation. P.16.

⁹ Французский гражданский кодекс. М., 1941. С.544.

¹⁰ Observation... P.2.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibid. P.11.

¹³ Archives parlementaires. Recueil complet des débats législatifs et politiques des chambres françaises de 1789 à 1860. Fondé par J. Mavidal et Ch. Laurent. 1 série (1787–1799) (далее – А.Р.). Т.30. P.674.

¹⁴ См., например: Riès G. Les idées politiques d'André Chénier // La revue socialiste. 1962. 157, 158. P.372.

¹⁵ А.Р. Т.30. P.448.

¹⁶ Observation... P.1.

- ¹⁷ L'Ami des Patriotes...1791. Août.12.
- ¹⁸ L'Indicateur ou journal des causes et des effets 1792. Juil.13.
- ¹⁹ Opinion énoncée à la Société des Amis de la Constitution, séante aux Feuillants sur le mode de convocation des Assemblées Constituantes, par L.Ramon. S.l.n.d. P.6.
- ²⁰ Observation... P.1.
- ²¹ *Baczko B.* Rousseau: solitude et communauté. P., 1974. P.71.
- ²² Archives Nationales (danse - A. N.). 284 A.P.4, d.12 (Projet de Décret sur la conclusion et la révision de la constitution).
- ²³ A.P. T.34. P.320.
- ²⁴ Moniteur. 1791. Août.7.
- ²⁵ Déclaration des amis de la constitution ci-devant réunis aux Feuillants. P., 1792. P.2.
- ²⁶ A.P. T.34. P.115 (Ларошфуко д'Анвиль); Adresse de la Société des Amis de la Constitution séante aux Feuillants aux sociétés qui lui sont affiliées, sur la nomination des députés à la prochaine législature. P., 1791 (BN - Lb 40/800). P.4.
- ²⁷ *Bourgeois B.* Philosophie de droits de l'homme de Kant à Marx. P., 1990. P.13
- ²⁸ Adresse de la Société des Amis de la Constitution... sur la nomination des députés à la prochaine législature. P., 1791. P.4.
- ²⁹ A.P. T.29. P.264.
- ³⁰ *Lafayette M.-J.* Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette. T.1-12. Bruxelles, 1837-1839. T.4. P.80.
- ³¹ L'Argus patriote. 1791. Nov.12.
- ³² *Гюго В.* Собр. соч. М., 1972. Т.2. С.5,6.
- ³³ *Gusdorf G.* Naissance de la conscience romantique au siècle des Lumières. P., 1976. P.443.
- ³⁴ Ibid. P.19.
- ³⁵ Déclaration des amis de la constitution ci-devant réunis aux Feuillants. P., 1792. P.2.
- ³⁶ Journal de Paris. 1792. Mai. 15-16.
- ³⁷ Adresse...P.5.
- ³⁸ О принципах свободы в «Декларации прав человека и гражданина» см.: *Godechot J.* Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. P., 1985. P.74.
- ³⁹ Avis au peuple français sur ses véritables ennemis // Œuvres en prose de André Chénier. P., 1878. P.318, 319.
- ⁴⁰ L'Argus patriote. 1791.Oct.10.
- ⁴¹ L'Ami des Patriotes... 1791. Sept.8.
- ⁴² L'Argus patriote. 1791. Oct.25.
- ⁴³ Déclaration des amis de la constitution... P.3.
- ⁴⁴ A.P. T.30. P.406.
- ⁴⁵ Ibid. P.674.
- ⁴⁶ Ibid. T.29. P.752.
- ⁴⁷ О них, в частности, говорил Гупиль-Префельн в Учредительном собрании 13 августа 1791 г. (A.P. T.29. P.403).
- ⁴⁸ *Chénier A.* Oeuvres en prose de André Chénier par Becq de Fouquièrre. P., 1878. P.49.
- ⁴⁹ *Ganzin M.* La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen: droit naturel et droit positif // Les principes de 1789. Aix-Marseille. 1989. P.92.

- ⁵⁰ *Burdeau J.* Le libéralisme. P., 1978. P.78.
- ⁵¹ *Imbert J.* L'origine ideologique des principes de 1789 // *Les Principes de 1789*; см. также: *Ferry L.* Droits de l'homme // *L'Héritage de la Révolution française*. P., 1989. P.299.
- ⁵² *L'Ami des Patriotes...* 1791. Sept.14.
- ⁵³ *Ibid.* 1791. Juill.16.
- ⁵⁴ *L'Ami des Patriotes...* 1791. Août.12.
- ⁵⁵ *Avis au peuple français sur ses véritables ennemis // Œuvres en prose...* P.1.
- ⁵⁶ *Ibid.* P.23.
- ⁵⁷ *Marie-Antoinette et Barnave. Correspondance secrète.* P., 1934. P.157, 158.
- ⁵⁸ *Réflexions sur l'ésprit de parti // Œuvres en prose...* P.44, 45.
- ⁵⁹ *Sieyès E.* Qu'est-ce que le Tiers Etat? P., 1988. P.33–38.
- ⁶⁰ *L'Ami des Patriotes...* 1791. Sept.28.
- ⁶¹ *Ibid.* 1791. Juill.23.
- ⁶² *Ibidem.*
- ⁶³ *L'Argus patriote.* 1791. Oct.25.
- ⁶⁴ *L'Ami des Patriotes...* 1791. Sept.28.
- ⁶⁵ *Marie-Antoinette et Barnave. Correspondance secrète.* P.52.
- ⁶⁶ *Lameth A.* Histoire de l'Assemblée constituante. P., 1821. T.1. P.432.
- ⁶⁷ *Ibidem.*
- ⁶⁸ *Bailly J.-S.* Mémoires de Bailly. P., 1823. T.3. P.393.
- ⁶⁹ *Lafayette M.-J.* Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette. T.5. P.148.
- ⁷⁰ *Marie-Antoinette et Barnave...* P.147.
- ⁷¹ *Vaublanc V.-M. Viennot de.* Mémoires de la révolution de France et recherches sur les causes qui ont amenée la révolution et celles qui l'ont suivie. P., 1833. T.1. P.270.
- ⁷² A.N. W.13. N8.
- ⁷³ *L'Ami des Patriotes...* 1792. Mai.19.
- ⁷⁴ *L'Argus patriote.* 1791. Déc.28.
- ⁷⁵ *Ibid.* 1791. Sept.19.
- ⁷⁶ A.P. T.28. P.330.
- ⁷⁷ *Observation sur l'état passé, présent et futur de la Nation...* par Mounier. P., s.d. (BN – Lb 40/801). P.7, 8.
- ⁷⁸ *Richet D.* Autour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française // A.E.S.C. 1969. N1. P.20.
- ⁷⁹ *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С.161. «Каждый из нас, – писал Ж.-Ж. Руссо, – передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого» (Там же.)
- ⁸⁰ A.N. 284. A.P.5, d.1 (1).
- ⁸¹ A.P. T.29. P.362.
- ⁸² *Lafayette M.-J.* Mémoires... T.4. P.76.
- ⁸³ A.P. T.34. P.320.
- ⁸⁴ *Bailly J.-S.* Mémoires de Bailly. P., 1823. T.1. P.221, 222.
- ⁸⁵ A.N. W.13. N8. P.22.
- ⁸⁶ *Steiner Ph.* La propriété physioocratique: théorie de la propriété et lien social. R.E. 1987. N6. P.1121; *Moreau P.-F.* Les racines du libéralisme. P., 1978. P.33.

- ⁸⁷ *Vachet A.* L'Idéologie libérale. P., 1970. P.475.
- ⁸⁸ *Ibidem.*
- ⁸⁹ Цит. по: *Burdeau J.* Le libéralisme. P., 1979. P.78.
- ⁹⁰ L'Ami des Patriotes... 1791. Oct.29.
- ⁹¹ Цит. по: *Burdeau J.* Op.cit. P.78.
- ⁹² Journal de Paris. 1792. Mars.18; 1792. Juin.10 (статья А.Шенье); 1792. Mars.18 (статья аббата Морелле).
- ⁹³ *Morellet.* Mémoires de l'Abbé Morellet sur le dix-huitième siècle et sur la Révolution. P., 1987. P.316.
- ⁹⁴ А.Р. Т.34. P.113 (Ларошфуко д'Анвиль); P.320 (Матье Дюми).
- ⁹⁵ *Burdeau J.* Op.cit. P.42; *Ganzin M.* Op.cit. P.91.
- ⁹⁶ А.Р. Т.34. P.320.
- ⁹⁷ А.Н. 284 А.Р. 5, d.1(3).
- ⁹⁸ L'Ami des Patriotes... 1792. Avr.22.
- ⁹⁹ *Vachet A.* Op.cit. P.204, 206.
- ¹⁰⁰ А.Н. 284 А.Р.5, d.1(3).
- ¹⁰¹ *Baczko B.* Op.cit. P.311.
- ¹⁰² *Ibidem.*
- ¹⁰³ Journal de Paris. 1791. Févr.26.
- ¹⁰⁴ L'Ami des Patriotes... 1791. Juill.20.
- ¹⁰⁵ Цит. по: *Burdeau J.* Op.cit. P.159.
- ¹⁰⁶ *Baczko B.* Op.cit. P.312.
- ¹⁰⁷ А.Р. Т.34. P.333, 356, 377, 509.
- ¹⁰⁸ *Moniteur.* 1791. Août.19. (Точку зрения Андре Шенье разделял и Тевено де Моранд, см.: L'Argus patriote. 1791. Oct.12.)
- ¹⁰⁹ Journal de Paris. 1792. Avr.18.
- ¹¹⁰ А.Р. Т.38. P.16.
- ¹¹¹ *Barnave A.* Introduction à la Révolution française. P., 1961. P.13.
- ¹¹² А.Р.Т.41. P.477.
- ¹¹³ *Ibid.* P.478.
- ¹¹⁴ *Ibid.* Т.44. P.114.
- ¹¹⁵ *Ibid.* P.113.
- ¹¹⁶ *Ibid.* Т.41. P.486–487.
- ¹¹⁷ *Жорес Ж.* Социалистическая история французской революции. Т.1–6. М., 1976–1983. Т.2. С.40.
- ¹¹⁸ См., например: А.Р. Т.34. P.681.
- ¹¹⁹ Journal de Paris. 1791. Déc.3
- ¹²⁰ *Ibid.* 1791. Déc.6.
- ¹²¹ *Bergeron L. Chaussinand-Nogaret G.* Les «masses de granit». Cent mille notables du Premier Empire. P., 1978. P. 46–63.
- ¹²² См.: *Резякин А.В.* Буржуазия после Французской революции // Буржуазия и Великая Французская революция. М., 1989; *Bergeron L.* L'épisode napoléonien. Aspects intérieurs 1799–1815. P., 1972; *Tudesq A. J.* Les Grands notables en France (1840–1849). Bordeaux, 1964. Т.1–2; *Tudesq A. J., Jardin A.* La France des notables (1815–1849). P., 1973. Т.1–2.
- ¹²³ А.Р. Т.34. P.321.
- ¹²⁴ L'Ami des Patriotes ou le défenseur de la Constitution. 1791. Juill.23.
- ¹²⁵ А.Р. Т.29. P.617.

- ¹²⁶ Ibid. T.38. P.17.
- ¹²⁷ Ibid. T.54. P.583 (текст выступления на заседании Совета министров 21 февраля 1792 г.).
- ¹²⁸ Journal de Paris. 1791. Déc. 6.
- ¹²⁹ Babillard. 1791. Juill.8.
- ¹³⁰ L'Ami des Patriotes... 1791. Juill.16.
- ¹³¹ Ibid. 1791. Mars. 12.
- ¹³² Об этом см.: *Vovelle M.* Ville et campagne au 18 siècle. P., 1980. P.138–153.
- ¹³³ A.P. T.29. P.366, 367.
- ¹³⁴ L'Ami des Patriotes... 1791. Juill.16.
- ¹³⁵ A.P. T.29. P.276.
- ¹³⁶ Journal de Paris. 1792. Févr.12.
- ¹³⁷ *Barber E.G.* The bourgeoisie in 18th century France. Princeton, 1967. P.140–145.
- ¹³⁸ L'Ami des Patriotes... 1792. Févr.18.
- ¹³⁹ Journal de Paris. 1792. Mars. 6.
- ¹⁴⁰ *Mercur de France.* 1792. Mars. 8.
- ¹⁴¹ *Barnave A.* Œuvres mises en ordre par M. Béranger de la Drôme. P., 1848. T.1. P.205.
- ¹⁴² A.P. T.29. P.276.
- ¹⁴³ Ibid. T.47. P.428.
- ¹⁴⁴ Opinion énoncée à la Société des Amis de la Constitution, séante aux Feuillants, sur le mode de la convocation des Assemblées Constituantes, par L. Ramond, Membre de cette Société. P., 1791 (BN – Lb 40/799). P.12.
- «Этими нотаблями являются все граждане... которые облечены функциями конституционных представителей народа путем выборов».
- ¹⁴⁵ Chant du Coq. 1791. Août.2.
- ¹⁴⁶ A.P. T.47. P.428.
- ¹⁴⁷ L'Ami des Patriotes... 1791. Juill.23.
- ¹⁴⁸ L'Indicateur ou journal des causes et des effets. 1792. Juill.13.
- ¹⁴⁹ L'Ami des Patriotes... 1791. Juill.23
- ¹⁵⁰ A.P. T.29. P.366.
- ¹⁵¹ Observation sur l'état passé présent et futur de la Nation... par M. Mounier. P.19.
- ¹⁵² A.P. T.29. P.364, 366, 367 (речь Барнава в Учредительном собрании).
- ¹⁵³ Ibid. P.367. (Фактически к «среднему классу» присоединялась и «аристократия богатства», поскольку верхняя граница ценза не обозначалась и владельцы очень крупных состояний подвергались критике лишь в сфере морали.)
- ¹⁵⁴ В этом смысле знаменитой речи Барнава в Учредительном собрании 11 августа 1791 г. (A.P. T.29. P.365–368).
- ¹⁵⁵ Babillard. 1791. Août.5.
- ¹⁵⁶ Chant du Coq. 1791. Août.13.
- ¹⁵⁷ L'Ami des Patriotes... 1791. Juill.23.
- ¹⁵⁸ *Althusser L.* Montesquieu. La politique et l'histoire. P., 1959. P.97.
- ¹⁵⁹ Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II. Ihr Briefwechsel. Leipzig, 1866. S.271.
- ¹⁶⁰ *Barnave A.* Œuvres...T.2. P.38, 40.
- ¹⁶¹ *Furet F.* La gauche et la révolution au milieu du XIX siècle. P., 1986. P.38.

- ¹⁶² A.P. T.38. P.16.
- ¹⁶³ *Chénier A.* Avis au peuple français sur ses véritables ennemis // *Chénier A. Œuvres en prose de André Chénier.* P., 1878. P.28.
- ¹⁶⁴ A.P. T.29. P.276.
- ¹⁶⁵ Déclaration adressée par des amis de la Constitution à une portion de leurs ci-devant frères, encore réunis aux Jacobins. P., 1791. P.7.
- ¹⁶⁶ Ibidem.
- ¹⁶⁷ *Moniteur.* 1791. Août. 9.
- ¹⁶⁸ Essai sur les causes et les effets de la perfection et de la décadence des lettres et des arts // *Œuvres inédites d'André Chénier.* P., 1914. P.2.
- ¹⁶⁹ *Chénier A.* Op.cit. P.17.
- ¹⁷⁰ *Cotta S.* L'Idée du parti dans la philosophie politique de Montesquieu // *Actes du Congrès Montesquieu.* Bordeaux, 1955. P.261.
- ¹⁷¹ *Barnave A.* Introduction à la Révolution française. P., 1961. P.38.
- ¹⁷² A.P. T.29. P.366.
- ¹⁷³ *L'Ami des Patriotes...* 1791. Déc. 10.
- ¹⁷⁴ A.P. T.46. P.145.
- ¹⁷⁵ Ibid. T.29. P.714.
- ¹⁷⁶ *Le Postillon par Calais.* 1791. Juill.16.
- ¹⁷⁷ A.P. T.29. P.714.
- ¹⁷⁸ *Girard L.* Les libéraux français 1814–1875. P., 1985. P.28, 41.
- ¹⁷⁹ *Грамуш А.* Избранные произведения. М., 1959. Т.3. С.244.
- ¹⁸⁰ *Ревякин А.В.* Указ. соч. С.174–179; *Tudesq A. J.* Les Grands notables en France (1840–1849). Bordeaux, 1964. Т.1. P.10.
- ¹⁸¹ О буржуазном дворянстве. см.: *Tulard J.* Napoléon et la noblesse d'Empire. P., 1979.

Глава III

- ¹ Archives parlementaires (далее – А.Р.). Serie 1. P., 1867–1965. Т.34. P.114.
- ² *Chénier A.* Œuvres en prose de André Chénier par Becq de Fouquières. P., 1878. P.106.
- ³ A.N. W13. P.217.
- ⁴ *Barnave A.* De la Révolution et de la Constitution. Grenoble, 1988. P.152.
- ⁵ A.P. T.28. P.329.
- ⁶ A.N. W13. N39; *Barnave A.* Coup d'œil sur la lettre de M. de Calonne. Dauphiné. 1789. P.18.
- ⁷ A.P. T.30. P.115.
- ⁸ Ibid. T.28. P.326.
- ⁹ Ibid. T.30. P.115.
- ¹⁰ Ibid. P.114.
- ¹¹ *Lafayette M.-J.* Mémoires, correspondance et manuscrits du général de Lafayette. Bruxelles, 1837–1839. Т.5. P.147.
- ¹² *L'Argus patriote.* 1792. Févr.29.
- ¹³ Déclaration des Amis de la Constitution, ci-devant réunis aux Feuillants. P., 1792. P.2.
- ¹⁴ *Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II.* Ihr Briefwechsel. Leipzig. 1866. P.272.

- ¹⁵ *Lafayette M.-J. Mémoires...* T.5. P.147.
- ¹⁶ *Staël G. Considérations sur les principaux événements de la Révolution française.* P., 1862. T.1. P.329.
- ¹⁷ *Barnave A. Œuvres mises en ordre par Beranger de la Drôme.* P., 1848. T.1. P.162.
- ¹⁸ *Marie-Antoinette et Barnave. Correspondance secrète par A. Sonderhjelm.* P., 1934. P.188.
- ¹⁹ *Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II. Ihr Briefwechsel.* S.270.
- ²⁰ *Lafayette M.-J. Mémoires...* T.5. P.123, 124.
- ²¹ *Reinhard M. La chute de la Royauté.* P., 1969. P.132.
- ²² *Lafayette M.-J. Mémoires...* T.5. P.119.
- ²³ *Moniteur.* 1791. Juill.16.
- ²⁴ A.N. 284. A.P. 4, d.7.
- ²⁵ *Ibid.*
- ²⁶ *Lameth Th. Notes et Souvenirs.* P., 1914. P.232.
- ²⁷ *Sutherland D.M.G. France 1789–1815. Revolution and Counterrevolution.* Fontana Press, 1985. P.131.
- ²⁸ *Politische Korrespondenzen aus dem Jahre 1792 Pellenc an Lamark // Glagau H. Die Französische Legislative und der Ursprung der Revolutionskriege.* B., 1896. S.299.
- ²⁹ *Politische Korrespondenzen aus dem Jahre 1792 // Glagau H. Op.cit.* S.299.
- ³⁰ A.P. T.28. P.327; A.N. W13. N10.
- ³¹ *Ibid.* P.326.
- ³² *Ibid.* T.29. P.366.
- ³³ *Ibid.* T.28. P.327.
- ³⁴ Перечисленные поправки фельянов к конституционным декретам Учредительного собрания рассчитаны по: A.P. T.29,30; *Lafayette M.-J. Mémoires...* T.5. P.148; *Michon G. Essai sur l'histoire du parti feuillant.* Adrien Duport. P., 1924. P.302.
- ³⁵ A.P. T.30. P.62–70; *Opinion énoncée à la Société des Amis de la Constitution, séante aux Feuillants, sur le mode de convocation des Assemblées Constituantes, par M.Ramond, Membre de cette Société.* P., 1791 (BN – Lb 40/799).
- ³⁶ A.P. T.31. P.135.
- ³⁷ *Ibid.* P.614–616.
- ³⁸ *Ibid.* P.259.
- ³⁹ *Ibid.* P.617, 618.
- ⁴⁰ В данном случае Дюпор выступал от имени всех фельянов в документе, известном под названием «Мемуар фельянов» и предназначенном для ознакомления австрийского императора с их программными установками (Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II. *Ihr Briefwechsel.* Leipzig, 1866. P.273).
- ⁴¹ *Buche Ph., Roux P. Histoire parlementaire de la Révolution française ou journal des Assemblées Nationales depuis 1789 jusqu'à 1815.* P., 1834–1838. T.12. P.177–180.
- ⁴² *Journal de Paris.* 1792. Juin.14; 1792. Févr.26.
- ⁴³ *L'Argus patriote.* 1791. Nov.26.
- ⁴⁴ *Marie-Antoinette et Barnave. Correspondance secrète par Alma Soderhjelm.* P., 1934. P.180.
- ⁴⁵ *Chant du Coq.* 1791. Août.10.

- ⁴⁶ Le Postillon par Calais. 1791. Juill.31.
- ⁴⁷ L'Ami des Patriotes... 1791. Juill.23.
- ⁴⁸ Babillard. 1791. Août.3.
- ⁴⁹ Chant du Coq. 1791. Juill.27.
- ⁵⁰ Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II. Ihr Briefwechsel. S.273.
- ⁵¹ *Lafayette M.-J.* Op.cit. T.6. P.44.
- ⁵² Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II. Ihr Briefwechsel. S.272.
- ⁵³ Ibidem.
- ⁵⁴ L'Ami des Patriotes... 1791. Sept.8.
- ⁵⁵ Ibid. 1791. Juill.30.
- ⁵⁶ L'Argus patriote. 1791. Sept.19.
- ⁵⁷ L'Ami des Patriotes... 1792. Févr.18.
- ⁵⁸ Ibid. 1792. Janv.28.
- ⁵⁹ Mémoire de Duport aux puissance // Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II... P.273.
- ⁶⁰ Marie-Antoinette et Barnave... P.75, 76.
- ⁶¹ A.P. T.29. P.323.
- ⁶² Marie-Antoinette et Barnave... P.101.
- ⁶³ L'Ami des Patriotes... 1791. Sept. 3.
- ⁶⁴ Marie-Antoinette et Barnave... P.111, 131.
- ⁶⁵ Ibid. P.100, 115.
- ⁶⁶ Ibid. P.42, 190.
- ⁶⁷ *Michon G.* Op.cit. P.288.
- ⁶⁸ Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II. Ihr Briefwechsel. S.198, 199.
- ⁶⁹ Ibidem.
- ⁷⁰ *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции. Т.1–6. М., 1976–1983. Т.2. С.74.
- ⁷¹ *Godechot J.* La Contre-Révolution. Doctrine et action 1789–1804. P., 1961. P.26, 27; *Reinhard M.* La Chûte de la Royauté. P., 1991. P.26.
- ⁷² Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II... S.195.
- ⁷³ Ibid. S.205.
- ⁷⁴ Politische Korrespondenzen aus dem Jahre 1792 // *Glagau H.* Die Fran-zösische Legislative und der Ursprung der Revolutionskriege. B., 1896. S.321.
- ⁷⁵ Journal de Paris. 1791. Oct.17.
- ⁷⁶ A.P. T.36. P.348, 349 (это следует из документов, приведенных в выступлении министра иностранных дел Делессара).
- ⁷⁷ Ibid. T.29. P.84, 85, 134.
- ⁷⁸ Ibid. T.34. P.701.
- ⁷⁹ Ibidem.
- ⁸⁰ Ibid. P.703.
- ⁸¹ Ibidem.
- ⁸² Ibid. T.38. P.303.
- ⁸³ Marie-Antoinette et Barnave... P.172.
- ⁸⁴ L'Ami des Patriotes... 1791. Déc.10; *Hua E.A.* Mémoires d'un avocat au parlement de Paris. P., 1871. P.93–94.
- ⁸⁵ Marie-Antoinette et Barnave... P.164, 165.
- ⁸⁶ A.P. T.35. P.103, 104.
- ⁸⁷ Ibid. P.399–401, 443.

⁸⁸ О том, что королевская речь была составлена А. Дюпором, говорится в переписке А. Барнава с королевой (см.: Marie-Antoinette et Barnave... P.209).

⁸⁹ *Lameth Th.* Notes et souvenirs. P., 1914. P.117.

⁹⁰ *Moniteur.* 1791. Déc.8.

⁹¹ *Lafayette M.-J.* Op.cit. P.24.

⁹² А.Р. Т.37. P.543 (речь Бекке).

⁹³ *Ibid.* Т.6. P.27, 28.

⁹⁴ А.Н. F/7/ 4397. Délibération du directoire du département du Bas-Rhin. 1791.

Oct. 19.

⁹⁵ А.Н. F/7/ 4397, d7.

⁹⁶ Обе петиции – А.Н.Ф /7/ 4397, d7.

⁹⁷ *Barnave A. Œuvres...* Т.1. P.200, 201.

⁹⁸ А.Р. Т.37. P.543; *Barnave A.* Op.cit. P.79–200.

⁹⁹ *Lafayette M.-J.* Op.cit. P.42.

¹⁰⁰ *Васильева И.Т.* Политическая борьба по вопросам войны и внешней политики во время Французской революции / Канд. дис. М., 1988. С.271.

¹⁰¹ *Lafayette M.-J.* Op.cit. P.42.

¹⁰² А.Р. Т.37. P.495 (речь Рамона); P.539 (речь Бено).

¹⁰³ *Ibid.* P.539, 540.

¹⁰⁴ *Michon G.* Essai sur l'histoire du parti feuillant. Adrien Duport. P.395.

¹⁰⁵ *L'Indicateur ou journal des causes et des effets.* 1792. Mai.23.

¹⁰⁶ *La Rochefoucauld, Wolicow C., Ikni G.* Le duc de La Rochefoucauld-Liancourt. P., 1980. P.206.

¹⁰⁷ *Mathiez A.* L'Intrigue de Lafayette et des généraux au début de la guerre de 1792 // А.Р. 1921. N2. P.89.

¹⁰⁸ *Mathiez A.* Op.cit. P.100

¹⁰⁹ А.Н. F/7/4398. Angleterre. Copie de la Réponse de Lord Grenville à la Note qui lui à été remise par M. Chauvelin le 15 mai 1792.

¹¹⁰ А.Н., F/7/4398. Angleterre. Copie de la Note adressée à Mylord Grenville par M. De Chauvelin du 18 juin 1792.

¹¹¹ А.Н. F/7/4398. Angleterre. Copie de la Note de Lord Grenville en réponse à celle de M. Chauvelin du 18 juin 1792.

¹¹² А.Р. Т.44. P.68, 70, 292–301, 640–641.

¹¹³ *Journal de Paris.* 1792. Juill.8.

¹¹⁴ *Ibid.* 1792. Juill.10; А.Р. Т.46. P.71, 89.

¹¹⁵ *La Rochefoucauld, Wolicow C., Ikni G.* Op.cit. P.219.

¹¹⁶ А.Р. Т.45. P.338–339.

¹¹⁷ *Ibid.* P.653.

¹¹⁸ *Lacretelle Ch.* Dix années d'épreuves pendant la Révolution. P., 1842. P.89.

¹¹⁹ *Lacretelle Ch.* Histoire de l'Assemblée législative. P., 1824. P.157.

¹²⁰ *Molleville B. de.* Mémoires. P., 1823. Т.2. P.86.

¹²¹ *Dubois.* Les intrigues contrévolutionsnaires à Rouen de juin à août 1792 et le projet d'évasion de Louis XVI // А.Р. 1937. N84. P.484.

¹²² *Molleville B. de.* Op.cit. Т.2. P.132.

¹²³ *Journal de Paris.* 1792. Juill.15.

Заключение

¹ Réflexions détachées sur les relations politiques et militaires de la Suisse avec la France. P., s.d. (BN – Lb 40/802).

² *Barnave A.* Œuvres en prose mises en ordre par Beranger de la Drôme. P., 1848. T.1. P.166.

³ *Lameth A.* Histoire de l'Assemblée constituante. P., 1821. T.2. P.3.

⁴ *Soboul A.* La Révolution française. P., 1982. P.172; *Lemarchand G.* Du féodalisme au capitalisme: à propos des conséquences de la révolution sur l'évolution de l'économie française // A.H.R.F. 1988. N272. P.196.

⁵ *Tudesq A. J., Jardin A.* La France des notables (1815–1849). P., 1973. T.2. P.220.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I	
Становление «партии» фельянов	10
1. От либеральной традиции к политической организации	10
2. Организация и ее политическое влияние	29
Глава II	
Идеи Просвещения и принципы революции	52
1. Возвращение к принципам.....	52
2. Элитарное общество. Либеральное государство.....	68
Глава III	
В поисках компромисса	78
1. Конституционный порядок.....	78
2. Вопросы тактики. Война и политический кризис лета 1792 г.	86
Заключение	100
Приложение	104
Сноски	110

Научное издание
Тырсенко Андрей Владимирович
ФЕЛЬЯНЫ

(У истоков французского либерализма)

Зав. редакцией Г. М. Степаненко
Редактор Т. М. Ильенко
Художественный редактор Ю. М. Добрянская
Технический редактор Н. И. Смирнова
Оригинал-макет Н. В. Бульчук

Изд. лиц. № 040414 от 18.04.97 г.

Подписано в печать 2.02.99. Формат 60x90 1/16. Бумага офс. № 1
Офсетная печать.

Усл. печ. л. 9,28. Уч. изд. л. 8,00.

Тираж 1000 экз. Заказ 3251. Изд. № 6609.

Ордена "Знак Почета" издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в ЦТ МО
Москва, Староваганьковский пер., д. 17